А. РЕННИКОВЪ

ЗЕЛЕНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Книги А. Ренникова

вышедшія за рубежомъ:

ДИКТАТОРЪ МІРА. Романъ будущаго. Бѣлградъ. 1925

ДУШИ ЖИВЫЯ. Романъ. Бѣлградъ. 1926 г.

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ. Романъ. Бѣлградъ. 1926 г.

НЕЗВАННЫЕ ВАРЯГИ. Разсказы. Парижъ. 1929 г.

ЖИЗНЬ ИГРАЕТЪ. Романъ. Парижъ. 1930 г.

КОМЕДІИ. Парижъ. 1931 г.

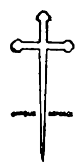
БОРИСЪ И ГЛѢБЪ. Пьеса. Харбинъ 1934 г.

ДОМЪ СУМАСШЕДШИХЪ. Пьеса. Харбинъ. 1936 г.

А. РЕННИКОВЪ

ЗЕЛЕНЫЕ ДЬЯВОЛЫ

Детективный романъ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ВОЗРОЖДЕНIЕ" — „LA RENAISSANCE"
73, Avenue des Champs-Elysées, Paris-8ème
1937

1.

Накануне отъезда изъ Лондона студентъ Сергѣй Вольскій зашелъ къ Джонсонамъ съ прощальнымъ визитомъ.

— Цѣлыхъ три мѣсяца не буду видѣть Кэтъ... — грустно думалъ онъ, стоя у подъѣзда. — Все лѣто должно пройти. Цѣлая вѣчность!

Дверь открыла сгорбленная старая служанка.

— Миссисъ Джонсонъ дома? — спросилъ по-англійски Сергѣй.

— Миссисъ Джонсонъ? — Туго соображавшая старуха задумалась. — Насколько мнѣ кажется, сэръ, миссисъ Джонсонъ нѣтъ дома.

— А можетъ быть вамъ кажется, что дома миссъ Джонсонъ? — обрадовавшись отсутствію матери Кэтъ, шутливо проговорилъ молодой человѣкъ. — Напрягите вашу память, миссисъ Уордль, чтобы доставить мнѣ удовольствіе.

— Дома ли Кэтъ? — снова переспросила служанка, строго глядя на Вольскаго. — Что жъ. Вы, пожалуй, правы. Она дома.

Кэтъ въ это время собиралась идти на теннисъ. Она была въ спортивномъ костюмѣ, въ бѣломъ беретѣ, изъ-подъ котораго капризно выбивались завитки золотистыхъ волосъ. Правда, Сергѣй находилъ ее болѣе интересной, когда она надѣвала обыкновенное платье и своимъ видомъ уже ни въ комъ не вызыва-

ла сомнѣній: дѣвушка это или мальчикъ. Однако, спортивный костюмъ тоже шелъ ей.

— Что случилось? — удивленно спросила она, взглянувъ на вошедшаго молодого человѣка, лицо котораго показалось ей излишне серьезнымъ. — Не проигралъ ли Викторъ партіи этому идіоту Робертсону?

— Нѣтъ, Кэтъ. У меня сейчасъ дѣло важнѣе. Я завтра уѣзжаю на все лѣто.

— Въ самомъ дѣлѣ? Какая обида!

Сергѣй пріободрился. Въ глазахъ засвѣтилась радость. — Значитъ, ей тоже не легко разставаться. Значитъ, любитъ...

Онъ бросилъ осторожный, какъ бы случайный, взглядъ въ стоявшее въ углу комнаты трюмо и увидѣлъ тамъ свое изображеніе. — Что же. Не уродъ... — удовлетворенно подумалъ онъ. — Ростъ выше средняго. Черты лица правильныя. Глаза сѣрые, большіе.

Онъ улыбнулся.

— А вамъ жаль, Кэтъ?

— Разумѣется. — Кэтъ подскочила и сѣла на край тяжелаго дубоваго стола, стоявшаго посреди комнаты. — Если поѣдете вы, навѣрно, съ вами поѣдетъ и Викторъ. А кто въ нашей командѣ въ теченіе лѣта будетъ голкиперомъ?

Она взглянула на растерянное лицо собесѣдника и, измѣнивъ тонъ на болѣе благожелательный, добавила:

— Вѣдь, вы сами понимаете, дорогой мой, что лѣтнія состязанія имѣютъ большое значеніе. А вы куда собственно уѣзжаете? Туда, куда предполагали? Въ Савойю?

— Да, въ Савойю, — угрюмо пробормоталъ молодой человѣкъ, у котораго настроеніе сразу испортилось. — А относительно Виктора вы тоже не ошиб-

лись. Онъ, дѣйствительно, ѣдетъ со мной. До сихъ поръ я предполагалъ, что отецъ согласится оставить меня здѣсь. Но вчера, къ сожалѣнію, категорически потребовалъ, чтобы я провелъ лѣто въ горахъ для поправленія здоровья послѣ плеврита.

— Странный вы человѣкъ! — Кэтъ взяла со стола ракету, подбросила ее и поймала на лету. — Кажется, уже достаточно взрослый. Двадцать лѣтъ не шутка. А до сихъ поръ слушаетесь отца. По-моему, если бы дѣти всегда повиновались родителямъ, никакой прогрессъ въ мірѣ не былъ бы возможенъ. Вообще, на вашемъ мѣстѣ я давно заявила бы, что у меня свои взгляды.

— Да, но отецъ сказалъ, что не дастъ мнѣ на жизнь здѣсь ни одного пенса. Кромѣ того, въ домѣ будетъ производиться перестройка. Все лѣто.

— Перестройка! Чтобы цивилизованный человѣкъ зависѣлъ отъ какой-то перестройки! Васъ самого надо перестроить, мой милый, вотъ что. Посмотрите на себя: какой вы мужчина? Тенниса не любите. Футбола не любите. Въ гольфъ играете, какъ медвѣдь. А то, что вы пишете стихи и занимаетесь философіей, показываетъ только, какой у васъ дряблый и тяжелый характеръ. Ну, ну, не обижайтесь. Лѣзьте сюда на столъ и разсказывайте. Мнѣ правда будетъ грустно, когда вы уѣдете.

— Кэтъ... — смущенно пробормоталъ Сергѣй, не двигаясь съ мѣста. — Кэтъ... Я вижу, вы меня презираете. Вы обращаетесь со мной, какъ съ ребенкомъ, хотя вамъ не больше лѣтъ, чѣмъ мнѣ...

— Боже мой, какъ онъ глупъ! Ну, что же стоите? Подите сюда. Ближе! Возьмите мою руку и поцѣлуйте. Вотъ такъ. А теперь довольно. Стойте, стойте, это уже лишнее: не обнимайте меня, а то я стукну васъ по головѣ ракетой. Сядьте, сложите ручки на колѣняхъ, какъ вы сидите при папѣ, и

отвѣчайте на вопросы. У васъ, дѣйствительно, въ Савойѣ свой замокъ, какъ разсказывалъ Викторъ?

— Да. — Сергѣй съ хмурымъ видомъ сѣлъ въ кресло возлѣ стола. — Только это не мой замокъ, а отцовскій.

— Я думаю, не вашъ. А какой? Старинный?

— Очень.

— Башни есть?

— Да.

— И привидѣнія иногда появляются?

— Говорятъ.

— Хотѣла бы я увидѣть хоть одно привидѣніе. Обязательно постаралась бы пройти сквозь него, чтобы узнать, какое получится ощущеніе. А гдѣ расположенъ замокъ? Въ горахъ? Или на равнинѣ?

— Тамъ вездѣ горы. Замокъ на выступѣ скалы. Хотите посмотрѣть, можетъ быть?

Сергѣй, уже переставшій сердиться, вынулъ изъ кармана фотографическіе снимки и протянулъ Кэтъ.

— Красиво, очень красиво. Завидую вамъ. А почему же Викторъ ѣдетъ на такой долгій срокъ? Развѣ онъ любитъ природу?

— Я уговорилъ его. И мнѣ веселѣе, и ему интересно: онъ никогда не бывалъ во Франціи. Будемъ вдвоемъ совершать экскурсіи, изслѣдовать замокъ, отыскивать клады.

— А давно это имѣніе у вашего отца?

— Съ прошлаго года. Досталось отцу по суду за долги отъ одного русскаго профессора. Мы раньше съ семьей этого профессора часто встрѣчались. Я даже былъ влюбленъ въ дочку старика. Очень хорошенькая.

— Что жъ. Если дѣвушка хорошенькая, мужчина не долженъ пропускать случая. А она сейчасъ тамъ же? Въ Савойѣ?

— Да. Профессоръ такъ привыкъ къ Савойѣ,

что арендовалъ недалеко отъ замка виллу и поселился въ ожиданіи лучшаго будущаго. Хотя онъ сейчасъ въ ссорѣ съ отцомъ, но, я думаю, это не помѣшаетъ мнѣ возобновить съ его дочерью старую дружбу.

Сергѣй хотѣлъ произнести послѣднія слова равнодушно, чтобы достигнуть максимума эффекта. Но въ голосѣ явно прозвучала фальшивая нотка. — Какъ глупо! — недовольно подумалъ онъ. — Вмѣсто того, чтобы нѣжно проститься, вдругъ, такое отношеніе другъ къ другу!

Впрочемъ, она сама виновата. Почему не захотѣла, чтобы онъ ее обнялъ? Развѣ они не цѣловались уже дважды? Въ первый разъ 24-го ноября подъ дождемъ въ Гайдъ-Паркѣ, а во второй разъ 16-го мая здѣсь же, въ этой комнатѣ, когда миссисъ Джонсонъ ушла слушать лекцію о методахъ воспитанія современной молодежи?

— Ну, вотъ, кажется, мы обо всемъ переговорили, — пренебрежительно произнесла Кэтъ, слѣзая со стола и давая понять, что аудіенція окончена. — Къ сожалѣнію, я спѣшу къ Арабеллѣ, чтобы идти вмѣстѣ на теннисъ. Итакъ, всего хорошаго. Желаю вамъ веселиться, развлекаться привидѣніями, писать стихи, ухаживать за старыми друзьями, а главное набраться въ горахъ смѣлости, которой вамъ не достаетъ. Вашу руку, сэръ.

— Кэтъ... — нерѣшительно проговорилъ Сергѣй, взявъ протянутую руку и не выпуская ся изъ своей. — Я не такихъ словъ ждалъ отъ васъ на прощанье.

— До свиданья. Пустите руку.

— Кэтъ!

— Я вамъ говорю! Интересно знать, какія это слова я должна произносить на прощанье? Можетъ

быть, вы мнѣ укажете поэта, цитатой изъ котораго я могу проститься съ вами?

— Вы говорите, Кэтъ, что я недостаточно смѣлъ... — зловѣще пробормоталъ Сергѣй, выразивъ на лицѣ отчаянную рѣшимость. — Вы утверждаете, что я трусъ. Да? Въ такомъ случаѣ... Вотъ!

Онъ схватилъ ее за плечи, притянулъ къ себѣ и началъ осыпать лицо поцѣлуями.

— Пустите... Нахалъ!

— Вотъ еще. Вотъ!

— Пустите. Я буду кричать... Сергѣй! Вы не смѣете! Вы негодяй! Сергѣй... Дурачекъ. Глупенькій. Вы въ сентябрѣ вернетесь? Неправда ли?

— Раньше, Кэтъ. Я сбѣгу. Пріѣду лѣтомъ. Я не могу долго....

— Мы съ мамой будемъ въ августѣ въ Парижѣ. Вы пріѣзжайте туда. Хорошо? Будемъ вмѣстѣ. Вѣдь, я васъ люблю. Вы такой хорошій. Добрый. Какъ сенъ-бернаръ. Тсс... Отойдите!

Въ комнату вошла миссисъ Уордль. Увидѣвъ молодыхъ людей, слишкомъ близко стоявшихъ другъ къ другу, служанка закашлялась, отвела взглядъ въ сторону и, смотря на стѣну, проговорила:

— Миссъ Кэтъ, вы не думаете, что миссисъ Джонсонъ можетъ скоро вернуться?

— Я ничего не думаю, дорогая моя. Ну, Вольскій. идемте. Проводите меня къ Арабеллѣ.

— Съ удовольствіемъ. Прощайте, миссисъ Уордль. Я уѣзжаю до осени и потому пожелайте мнѣ счастливой дороги.

— Очень рада пожелать вамъ скораго отъѣзда, сэръ, — строгимъ взглядомъ окидывая Сергѣя, произнесла миссисъ Уордль.

2.

Павлу Андреевичу Вольскому врачи настойчиво совѣтовали отдохнуть какъ слѣдуетъ лѣтомъ, чтобы поправить расшатанное за послѣдніе годы здоровье. Въ самомъ дѣлѣ, переутомленный работой въ своихъ банковскихъ предпріятіяхъ, которыя были имъ открыты въ Лондонѣ еще въ годы великой войны, Вольскій сильно изнервничался за послѣднее время, сталъ раздражительнымъ, часто впадалъ въ мрачное настроеніе; помимо того, больное сердце давало себя знать. Еще три года назадъ, несмотря на шестьдесятъ лѣтъ, Павелъ Андреевичъ казался крѣпкимъ бодрымъ мужчиной. Теперь же онъ самъ себя не узнавалъ. На узкомъ сѣромъ лицѣ глубокія морщины и впадины; подъ глазами мѣшки, волосы сплошь охвачены сѣдиной. И движенія неувѣренны, вялы, при быстрой ходьбѣ или при подъемѣ на лѣстницу — сильная одышка.

Приведя въ порядокъ дѣла и отдавъ служащимъ послѣднія распоряженія, Вольскій наконецъ выѣхалъ на континентъ съ Сергѣемъ и пріятелемъ сына Викторомъ Шоринымъ. Личнаго секретаря своего Сурикова и прислугу онъ отправилъ въ Савойю на двѣ недѣли раньше, чтобы въ замкѣ все было уже подготовлено къ его пріѣзду. Шоффера же Джека и свою лучшую машину Вольскій взялъ съ собой, думая совершить переѣздъ изъ Кале въ Парижъ и изъ Парижа въ Савойю на автомобилѣ. Однако, еще на пароходѣ Сергѣй уговорилъ отца отправить Джека изъ Кале въ замокъ по желѣзной дорогѣ, такъ какъ Викторъ прекрасно правитъ машиной и съ удовольствіемъ замѣнитъ шоффера.

Вольскій нерѣдко видѣлъ Виктора Шорина у себя дома, когда тотъ приходилъ въ гости къ сыну. Въ общемъ, это былъ очень милый, симпатичный сту-

дентъ. Въ смыслѣ внѣшности онъ значительно уступалъ Сергѣю. Ростъ слишкомъ большой; руки черезчуръ длинныя, во время ходьбы напоминавшія усердно работающіе рычаги диковинной паровой машины; черты лица грубоватыя; волосы красноватаго цвѣта, шерстистые, обладавшіе какимъ-то исключительнымъ свойствомъ выдѣлять изъ своей среды или отдѣльные вихры или отдѣльныя пряди, причемъ по тѣмъ или другимъ можно было безошибочно судить, въ какомъ настроеніи въ данную минуту находится ихъ обладатель. Пряди образовывались въ минуты огорченія и сползали на лобъ; вихры, наоборотъ, возникали въ минуты радостнаго воодушевленія, и тогда никакая внѣшняя сила не могла ихъ заставить лечь на свое мѣсто.

Однако, характеръ у Шорина, по общему признанію, былъ великолѣпный. Всегда добродушный, веселый, доброжелательный, Викторъ производилъ отличное впечатлѣніе на всѣхъ. И единственнымъ только недостаткомъ его, по мнѣнію Вольскаго, было стремленіе къ нѣкоторымъ преувеличеніямъ при изложеніи фактовъ изъ дѣйствительной жизни.

— А гдѣ же вы научились управлять машиной? — недовѣрчиво спросилъ старикъ пріятеля своего сына, сдавшись наконецъ на уговоры Сергѣя. — Вы много до сихъ поръ ѣздили?

— Я? О, будьте покойны, Павелъ Андреевичъ, — бодро отвѣтилъ Шоринъ. — Въ прошломъ году я, можно сказать, исколесилъ всю Англію вдоль и поперекъ. Если угодно, могу показать свидѣтельство на право ѣзды.

Вольскій изъ деликатности свидѣтельства не пожелалъ смотрѣть и, вздохнувъ, согласился. Прибывъ въ Кале, онъ приказалъ Джеку отправиться въ Савойю по желѣзной дорогѣ и сѣлъ съ Сергѣемъ въ автомобиль. Шоринъ запасся бензиномъ, торжественно

помѣстился у руля, и путешественники двинулись въ путь по направленію къ Парижу.

По прекрасной дорогѣ, обсаженной по обѣимъ сторонамъ деревьями, благополучно ѣхали около часа. Сначала Вольскому показалось, что Викторъ по молодости лѣтъ слишкомъ злоупотребляетъ скоростью; но затѣмъ, успокоившись, старикъ откинулся на спинку автомобиля и началъ дремать.

— Что случилось? — испуганно спросилъ онъ, почувствовавъ, вдругъ, толчекъ и услышавъ на дорогѣ какіе-то крики.

— Папа, дай пятьсотъ франковъ, — сказалъ Сергѣй, заглядывая въ машину послѣ ознакомленія съ возникшими на шоссе обстоятельствами. — Мы сбили съ ногъ какого-то дурака фермера.

— А почему именно пятьсотъ?

— Разодрали ему костюмъ. Иначе будетъ судомъ требовать.

— Для начала недурно, — хмуро пробормоталъ Вольскій, доставая бумажникъ и стараясь не придвигаться къ окну, чтобы не принимать активнаго участія въ происшествіи. — Дуракъ фермеръ или не дуракъ, не знаю. Но изъ Парижа въ Савойю, во всякомъ случаѣ, я поѣду въ поѣздѣ. И тебя тоже съ собой возьму, Сергѣй.

— Да... Исторія, — сѣвъ за руль и давъ машинѣ сразу полный ходъ, задумчиво проговорилъ Викторъ. — Только прошу васъ, Павелъ Андреевичъ, — обернувшись къ Вольскому, добавилъ онъ, — не безпокойтесь, пожалуйста. Въ сущности, ни одинъ самый испытанный автомобилистъ не можетъ сказать заранѣе, что съ нимъ произойдетъ въ дорогѣ.

— Я не очень безпокоюсь, другъ мой, — мрачно отвѣтилъ изъ глубины автомобиля Вольскій. — Но все-таки прошу объ одномъ: не оборачивайтесь назадъ, когда ѣдете впередъ.

— Ничего. Пустяки. У меня всѣ движенья давно стали автоматическими.

Въ Парижѣ Вольскіе пробыли три дня, причемъ старикъ сдержалъ обѣщаніе: въ автомобилѣ дальше не поѣхалъ, Сергѣю тоже запретилъ, и Шоринъ принужденъ былъ вести машину въ Савойю одинъ. Узнавъ, что вмѣстѣ съ Вольскими въ замокъ переѣзжаетъ изъ Парижа также ихъ родственница Горева, старая чопорная женщина, Викторъ деликатно предложилъ ей: не пожелаетъ ли она замѣнить душный вагонъ желѣзной дороги просторнымъ удобнымъ автомобилемъ? Однако, зная уже о происшествіи съ фермеромъ, Горева тоже отвѣтила рѣшительнымъ отказомъ.

— Это, конечно, очень заманчиво, — сухо замѣтила она. — Но, по-моему, все-таки лучше сохранить жизнь въ душномъ вагонѣ, нежели потерять ее на свѣжемъ воздухѣ.

Не добившись ничего, Шоринъ уѣхалъ одинъ. Провожая его, Вольскій съ грустнымъ чувствомъ смотрѣлъ на свой автомобиль и искренно жалѣлъ въ душѣ, что взялъ съ собой эту машину, а не другую, старую.

— До свиданья, господа! Итакъ, увидимся послѣзавтра! — садясь за руль, весело проговорилъ Викторъ.

— Вы полагаете, что увидимся? — недовѣрчиво произнесъ Вольскій. — Что-жъ. Дай Богъ.

Черезъ два дня на небольшой желѣзнодорожной станціи, находящейся въ долинѣ горной рѣки въ трехъ километрахъ отъ замка, семью Вольскихъ встрѣчали Суриковъ, Викторъ и шофферъ Джекъ. Старикъ хорошо выспался за ночь въ отдѣльномъ купэ и чувствовалъ себя недурно. Сергѣй, по дорогѣ все время смотрѣвшій въ окно, былъ въ восторгѣ отъ окружающей природы, на время забылъ даже о су-

ществованіи Кэтъ. И только кузина Вольскаго Горева, какъ всегда, казалась невозмутимой. По безстрастному морщинистому лицу ея никакъ нельзя было опредѣлить: любитъ ли она горный пейзажъ или, наоборотъ, глубоко его презираетъ.

— Ну, какъ Николай Ивановичъ? — дружелюбно спросилъ Вольскій своего секретаря, котораго за его небольшую полную фигуру и круглое добродушное лицо въ очкахъ Сергѣй съ Викторомъ въ интимныхъ бесѣдахъ иногда называли Пикквикомъ. — Все уже приготовлено въ замкѣ?

— Все, Павелъ Андреевичъ. Вамъ, должно быть, понравится. А какой здѣсь воздухъ! Вдохните его какъ слѣдуетъ, будьте добры.

— Спасибо, я уже дышу. Ну, а вы, Викторъ? Не разбили машины?

— Все въ замѣчательной цѣлости, Павелъ Андреевичъ. Не повѣрите, но по дорогѣ за все время ѣзды я не задѣлъ даже цыпленка.

— Что касается цыплятъ, то это не такъ существенно, дорогой мой. Ну, а людей? Человѣка тоже ни одного не задѣли?

— Человѣка тоже ни одного.

— Очень радъ. Ну, Николай Ивановичъ везите насъ.

Два автомобиля — одинъ Вольскаго, другой наемный, взятый на станціи, двинулись въ путь. Пересѣкли сначала долину, затѣмъ достигли склоновъ живописнаго кряжа и съ гудѣніемъ начали подниматься по размашистымъ зигзагамъ горной дороги. Промелькнули внизу хлѣбныя поля, озолоченныя щедрымъ савойскимъ солнцемъ; правильными рядами, точно на парадѣ, прошли мимо пышныя фруктовыя рощи. И, наконецъ, широкой лавиной надвинулся на дорогу густой лиственный лѣсъ, переплелъ прозрачной зеленью обрывы, скалы, далекое небо.

— Тетя Оля, посмотрите... — нервно проговорилъ Сергѣй, глядя на внезапно открывшуюся внизу панораму долины. — Какая голубая рѣка!

— Очень можетъ быть, — не поворачивая головы, спокойно согласилась Горева. — Въ теченіе лѣта мы успѣемъ еще насмотрѣться на все это.

Замокъ, доставшійся Вольскому по суду, былъ построенъ въ тринадцатомъ вѣкѣ. Расположенный на выступѣ крутой горы, онъ подходилъ двумя круглыми башнями къ обрыву, укрѣпленному массивной каменной кладкой. Посреди возвышался четыреугольный донжонъ, служившій въ былыя времена центральнымъ мѣстомъ защиты. Извилистая стѣна, кое-гдѣ уже развалившаяся, покрытая плющомъ и мхомъ, тянулась вокругъ площадки, и гигантскіе дубы и каштаны окружали эту площадку густымъ зеленымъ кольцомъ, свѣшивая вѣтви въ обрывъ.

Автомобили одолѣли подъемъ крутой дороги, подходившей къ воротамъ и остановились, наконецъ, возлѣ главнаго входа. Поваръ Томъ и горничная Бетси находились тутъ же, на площадкѣ, и учтиво привѣтствовали хозяевъ.

— Это что за фигура? — обратился Вольскій къ секретарю, показывая глазами на стоявшаго у стѣны и низко кланявшагося старика. — Кто-нибудь изъ рабочихъ?

— Это бывшій сторожъ замка Роберъ, Павелъ Андреевичъ. Онъ родился здѣсь и служилъ еще при маркизѣ де Кадемонъ. Старикъ говоритъ, что ему жить недолго, и проситъ у васъ разрѣшенія остаться здѣсь.

— Хорошо. Пусть остается. Дайте только ему денегъ на новую одежду, чтобы Ольга Петровна не пугалась его вида. А теперь покажите, что у насъ тамъ, внутри.

До сихъ поръ Вольскій ни разу не бывалъ здѣсь.

Не зная, насколько ему понравится жизнь въ Савойѣ, старикъ не хотѣлъ сразу затрачивать большихъ денегъ на обстановку и потому, посылая сюда Сурикова, поручилъ ему купить необходимой мебели только на семь-восемь комнатъ, хотя во всемъ замкѣ было ихъ больше тридцати.

Опасенія Вольскаго, что зданіе окажется мало пригоднымъ для комфортабельной жизни, оказались напрасными. Въ нижнемъ этажѣ, помимо кухни, кладовыхъ и всевозможныхъ боковыхъ каморокъ съ рѣшетчатыми окнами, оказался отличный холлъ и прекрасная большая столовая, отдѣланная дубомъ, съ переплетомъ гигантскихъ балокъ на потолкѣ. Въ первый этажъ вела широкая каменная лѣстница, кончавшаяся коридоромъ, въ который выходили отдѣльныя жилыя комнаты, мало отличавшіяся отъ обычныхъ, если не считать глубокихъ оконъ, къ которымъ вели деревянныя ступеньки, и причудливой формы стѣнъ, то закругленныхъ, то косо срѣзанныхъ по угламъ. Выше, во второмъ этажѣ, комнаты были меньше, окна болѣе узкія, часто съ рѣшетками; а еще выше находился огромный чердакъ, съ темными закоулками, съ многочисленными перегородками. Это была верхняя часть донжона, откуда вела узкая лѣсенка на наружную круглую башенную площадку — эшогеттъ.

Переодѣвшись въ своей комнатѣ, Сергѣй спустился на площадку замка, подошелъ къ обрыву, долго смотрѣлъ на долину, затѣмъ, обойдя замокъ, нашелъ какую-то тропинку, круто поднимавшуюся въ гору, и пошелъ по ней.

— Нужно въ первый день побыть одному... — рѣшилъ онъ. — Съ Викторомъ, конечно, веселѣе. Но изъ уваженія къ Кэтъ приличнѣе одиночество. И чувство къ ней ярче, когда никого нѣтъ. И тоска яснѣе, опредѣленнѣе.

Взобравшись довольно высоко, Сергѣй сѣлъ, на-

конецъ, на выступъ скалы, посмотрѣлъ вокругъ себя на обступившія его со всѣхъ сторонъ молодыя деревья и вздохнулъ.

Какъ хорошо помечтать здѣсь о ней! Какая острая и въ то время сладостная грусть!

Шелестятъ вокругъ рѣзные листья, играютъ въ жмурки съ солнечнымъ свѣтомъ. Наверху — дно вселенной, прозрачное, синее. Внизу, сквозь вѣтви, мелькаютъ въ долинѣ красныя и желтыя пятна строеній...

— Да! Если бы Кэтъ была сейчасъ... Тутъ. Вмѣстѣ... Рядомъ!

Вокругъ тишина. Точно небытіе. Остановилось время. Застыло пространство. Какъ чудесно жить такъ, безъ людей, безъ городской суеты. Гдѣ-то далеко, тамъ, всѣ волнуются, хлопочутъ, говорятъ рѣчи, играютъ въ футболъ. А здѣсь — мудрость. Истинная философія...

— Среди этихъ домовъ внизу, навѣрно, и вилла профессора Лунина, — подумалъ Сергѣй. — Жалко профессора. И эту... Наташу. Какъ они теперь, должно быть, ненавидятъ насъ! А было время...

Сергѣй вспомнилъ, какъ они съ Наташей, еще дѣтьми, играли вмѣстѣ на Ривьерѣ, когда родители были въ дружбѣ. Наташа ему очень нравилась. Хорошенькая, веселая, задорная. Онъ, Сергѣй, смѣшно даже сказать: былъ въ нее немного влюбленъ. Мальчишкой пятнадцати лѣтъ! Какъ кажется забавнымъ теперь это дѣтское увлеченіе. Сравнить, напримѣръ, то глупое ребяческое чувство и то, которое онъ испытываетъ сейчасъ къ Кэтъ. Тамъ — беззаботность, жалкая наивность... А здѣсь — глубина. Израненное навсегда сердце. Интересно: какая она теперь? Навѣрно, высокая, стройная... Ей, вѣдь, теперь тоже около двадцати лѣтъ...

— Какая чушь! — испуганно поморщившись, по-

думалъ Сергѣй. — Какое мнѣ до нея дѣло? Вотъ, если бы Кэтъ... Что она сейчасъ дѣлаетъ тамъ, въ Лондонѣ? Можетъ быть, тоже сидитъ одна? Въ рукѣ книга. Романъ какой-нибудь. А она прочтетъ нѣсколько строкъ, уронитъ книгу на колѣни, вздохнетъ и задумается. Представляются ей далекія горы. Замокъ... Лѣсъ... А въ лѣсу онъ. Сергѣй. Тоскующій...

Въ восемь часовъ вечера вся семья обѣдала внизу, въ столовой. Томъ приготовилъ обѣдъ на славу; угостилъ своихъ господъ мѣстной форелью, рябчиками, а въ заключенье горничная Бетси принесла изъ оффиса гигантскій кусокъ мѣстнаго сыра, который вывозится изъ Савойи въ Швейцарію и распространяется по всей Европѣ подъ видомъ швейцарскаго.

— Ну, что же, господа, — удовлетворивъ свой аппетитъ, весело произнесъ Вольскій. — Можетъ быть, выпьемъ шампанскаго? Хотя я не пью ничего, но по случаю пріѣзда... Одинъ глотокъ... Николай Ивановичъ, вы запаслись, навѣрно, напитками?

— Да, конечно.

— Отличное шампанское, — подтвердилъ Викторъ. — Я сегодня...

Но сообразивъ, что неудобно распространяться о качествахъ шампанскаго, которое еще не пили сами хозяева, онъ кивнулъ въ сторону двери и торопливо добавилъ:

— Сегодня пилъ тамъ... Въ городѣ.

— Очень хорошо, — добродушно скосивъ глаза на Шорина, проговорилъ Вольскій. — А воздухъ, господа, здѣсь, дѣйствительно, превосходный. Давно я не обѣдалъ съ такимъ аппетитомъ. Кажется и ты, Ольга, чувствуешь себя недурно, несмотря на печень?

Горева на этотъ разъ измѣнила своему обыкновенію ко всему относиться равнодушно. Собравшись

съ силами, она выразила на лицѣ нѣчто вродѣ благосклонной улыбки. И произнесла:

— Да, какъ будто. Но къ сожалѣнію, моя печень слишкомъ глубоко скрыта, чтобы на нее могъ дѣйствовать воздухъ.

— Папа, а ты намъ съ Витей разрѣшишь завтра взять автомобиль и объѣхать окрестности? — спросилъ Сергѣй. — Воображаю, какія здѣсь живописныя дороги.

— Хорошо. Только при условіи, что вы возьмете съ собой Джека, и Джекъ будетъ править машиной.

— Я не знаю, какъ ты, Сережа, — дѣлая видъ, будто не слышитъ обидныхъ словъ Вольскаго, проговорилъ Шоринъ, — но по-моему лучше для начала обойти пѣшкомъ всѣ мѣста вокругъ замка и посмотрѣть, есть ли тутъ хорошія пропасти.

— Ну, насчетъ пропастей мы еще поговоримъ, — поморщившись, пробормоталъ Вольскій. — А теперь, Николай Ивановичъ, дайте-ка бутылку, я самъ разолью шампанское. Ольга, тебѣ можно немного?

— Нѣтъ, нельзя, Павелъ.

— По случаю пріѣзда?

— И въ случаяхъ пріѣзда и въ случаяхъ отъѣзда вино мнѣ одинаково вредно.

— Жаль. Ну, Викторъ, вашъ бокалъ... Николай Ивановичъ... Сережа... Кажется, всѣмъ? Итакъ, господа, пожелаемъ другъ другу хорошо провести лѣто. Тебѣ, Ольга,—пополнѣть, вамъ, Николай Ивановичъ, — похудѣть, а молодымъ людямъ, чего они сами себѣ хотятъ.

Старикъ выпилъ, снова наполнилъ бокалы, не исключая своего. И продолжалъ:

— Замокъ, конечно, прекрасенъ. Я никакъ не ожидалъ, что онъ такъ сохранился и можетъ доставить необходимый комфортъ. Но, вотъ, единственное,

что меня огорчаетъ, это — враждебное отношеніе ко мнѣ бѣдняги Лунина. Я бы очень хотѣлъ, чтобы профессоръ пересталъ сердиться за потерю своего замка, въ чемъ, какъ вы знаете, я ничуть не повиненъ. Во всякомъ случаѣ, я радъ былъ бы помириться съ нимъ, и, если нужно, помочь. Между прочимъ, Николай Ивановичъ... Въ какомъ положеніи его дѣла?

— По-моему, дѣла его не такъ ужъ плохи, Павелъ Андреевичъ.

— А именно?

— Насколько мнѣ извѣстно, онъ не такъ разорился, какъ объ этомъ говорили въ первое время. Я нѣсколько разъ бывалъ внизу, въ городкѣ, гдѣ онъ арендуетъ виллу, и долженъ сказать, что вилла эта вполнѣ приличная. Очевидно, старику удалось сохранить кое-какія деньги. Кромѣ того, онъ открылъ здѣсь аптеку, и аптека, какъ будто, даетъ недурной заработокъ.

— Ну, слава Богу, слава Богу. Онъ, вѣдь, извѣстный фармакологъ... Читалъ лекціи въ университетѣ. Жаль только, что послѣ революціи бросилъ науку и занялся за-границей неудачными промышленными предпріятіями. Какъ-нибудь все-таки нужно сдѣлать попытку встрѣтиться съ нимъ. Вѣдь ты, Сережа, съ Наташей былъ очень друженъ.

Сергѣй нахмурился.

— Да. Но это было давно. Пять лѣтъ назадъ.

— Скажите, какой огромный срокъ — пять лѣтъ! — Вольскій разсмѣялся. Отъ выпитаго шампанскаго глаза его пріобрѣли легкій блескъ, на щекахъ появился нездоровый румянецъ. — Для тебя, можетъ быть, и давно, а мнѣ кажется, что это было только вчера. Какъ, въ общемъ, время бѣжитъ! Помню я, когда этой Наташѣ было всего пять лѣтъ. И покойная мать ея жива была. Интересная женщина. Ея родители считались въ Россіи одними изъ самыхъ богатыхъ

людей. А теперь вотъ — вы, дѣти, растете, тянетесь вверхъ и выталкиваете изъ жизни насъ, стариковъ. Ольга, что ты скажешь по этому поводу?

— По этому поводу? По этому поводу я скажу, Павелъ, что третій бокалъ вина, очевидно, такъ же вреденъ для твоего сердца, какъ первый бокалъ для моей печени.

— Какъ? Неужели третій? — испуганно проговорилъ Вольскій, отодвигая отъ себя стаканъ. — А я не замѣтилъ. Очевидно, воздухъ подѣйствовалъ. Ну, спокойной ночи, господа. Вы — какъ хотите, а что касается меня, то я буду здѣсь ложиться рано, по-деревенски.

3.

Павлу Андреевичу для спальни и кабинета были приготовлены въ первомъ этажѣ двѣ лучшія комнаты. Окна обѣихъ выходили къ обрыву, подъ которымъ непрестанно журчалъ горный ручей. Отсюда открывался чудесный видъ на долину. Съ обѣихъ сторонъ громоздились величественныя горы, застывшія въ торжественномъ шествіи навстрѣчу своему монарху Монблану. Налѣво, во мглѣ, виднѣлся скатъ къ Женевскому озеру. А за нимъ, на горизонтѣ, обрисовывался мутный контуръ Юрскаго хребта.

— Меня одно все-таки слегка безпокоитъ, Павелъ Андреевичъ, — сказалъ Суриковъ, проводивъ Вольскаго въ его спальню. — Не будетъ ли шумъ ручья тревожить вашъ сонъ?

— Не думаю, дорогой мой. Наоборотъ. Равномѣрные звуки должны убаюкивать. Гораздо хуже, напримѣръ, прибой океана, когда послѣ прихода каждой волны необходимо ждать, пока разобьется другая. А вы сами что предпочитаете: горы или океанъ?

— Хотя горы вообще недурны, но, если разрѣ-

шите, я предпочитаю океанъ, — почтительно отвѣтилъ Суриковъ, который послѣ шампанскаго сталъ такъ же словоохотливъ, какъ и его патронъ. — Возьмемъ, напримѣръ, пляжъ. Сидя на пляжѣ обычно все видишь передъ собой, какъ на раскрытой ладони. Никакихъ тайнъ, никакихъ неожиданностей. И даже тогда, когда на морѣ начинается буря, сравненье съ ладонью тоже не исключается. Получается только, если разрѣшите, такое впечатлѣніе, будто ладонь шелушится.

— Ну, а развѣ вы не любите тайнъ природы? — сидя въ креслѣ и пріятно жмурясь, съ блаженной улыбкой продолжалъ спрашивать Вольскій. — По-моему, всякая тайна природы — это самое... пріятное развлеченіе для вдумчиваго человѣка. Во всякомъ случаѣ, что касается меня, то я не люблю морскихъ курортовъ съ пляжами, усѣянными полуголыми тѣлами. Дамы съ модными фигурами напоминаютъ гусеницъ... Полнотѣлыя женщины кажутся выброшенными на берегъ медузами... Надѣюсь, вы видѣли медузъ, какъ онѣ дрожатъ, попавъ на песокъ? Ну, а что касается мужчинъ, то мужчины, въ особенности волосатые, вызываютъ у меня даже сомнѣніе въ правдивости книги Бытія: дѣйствительно ли это подобіе Божіе. Нѣтъ. Въ горахъ больше поэзіи.

— Относительно поэзіи не спорю, конечно, — торопливо отвѣтилъ Суриковъ, стараясь не испортить хорошаго настроенія Вольскаго. — Поэзію въ горахъ слѣдуетъ котировать высоко, это вѣрно. Но вотъ что во мнѣ вызывало неудовлетворенность въ молодости, когда я любилъ путешествовать, это, знаете, большая численность горъ. Взберешься, напримѣръ, на одну и видишь, что за нею оказывается другая. Взберешься на другую, видишь уже третью. И такъ безъ конца. Это какъ никакъ обидно, Павелъ Андреевичъ.

— А вы не лазьте на горы и тогда ничего обиднаго не будетъ, — зѣвнувъ, недовольно, вдругъ, пробормоталъ Вольскій. — Во всякомъ случаѣ, въ горахъ таится глубокая философія, это я утверждаю. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Павелъ Андреевичъ.

Отпустивъ секретаря, спальня котораго находилась тоже въ первомъ этажѣ, Вольскій сталъ раздѣваться. На ночь, чтобы не страдать отъ безсонницы, онъ имѣлъ обыкновеніе читать что-нибудь научное: книгу по астрономіи, по ботаникѣ, иногда даже по математикѣ, если нужно было пораньше уснуть и пораньше встать. Придвинувъ ночной столикъ къ кровати, чтобы свѣтъ падалъ удобнѣе, Павелъ Андреевичъ надѣлъ очки, вытянулся, раскрылъ взятое изъ Лондона руководство по геологіи, но не успѣлъ прочесть страницы, какъ произошло нѣчто странное.

Въ комнатѣ ясно послышался легкій стукъ дамскихъ туфель. Будто кто-то прошелъ черезъ спальню. И затѣмъ раздался протяжный стонъ:

— О-охъ...

Съ удивленіемъ приподнявшись на кровати, Вольскій оглянулся по сторонамъ, посидѣлъ неподвижно около минуты.

— Ольга права, — грустно подумалъ онъ, снова ложась. — Съ виномъ въ моемъ положеніи шутить опасно.

Онъ взялъ въ руки учебникъ, прочелъ еще нѣсколько строкъ, ничего въ нихъ не понялъ, закрылъ книгу и потушилъ свѣтъ.

— Недаромъ докторъ Бутсъ противъ чтенія въ постели, — вспомнилъ Павелъ Андреевичъ. — Очевидно, къ глазамъ излишній приливъ крови... Къ ушамъ тоже. Вотъ и получилось нѣчто вродѣ галлюцинаціи.

Вольскій пытался ни о чемъ не думать. Повер-

нувшись на правый бокъ, чтобы не стѣснять работы сердца, онъ сталъ прислушиваться къ журчанью ручья. Ручей безусловно баюкалъ. Размѣренный шумъ, безъ перерывовъ, безъ измѣненія тона, можетъ служить своеобразной колыбельной пѣсней.

— О-охъ... — раздался опять въ комнатѣ глухой стонъ. И снова застучали каблуки туфель.

Павелъ Андреевичъ поднялся, зажегъ свѣтъ и началъ снова оглядываться. Въ загробныя силы, которыя могли бы по ночамъ тревожить покой честныхъ людей, особенно дѣловыхъ, онъ не вѣрилъ. Будучи убѣжденнымъ позитивистомъ, онъ понималъ, что въ этомъ мірѣ все вполнѣ объяснимо, развѣ кромѣ самого существованія міра. Но кто все-таки производитъ эти глупые звуки? И какимъ образомъ?

Старикъ накинулъ халатъ, вдѣлъ ноги въ туфли и сталъ бродить по спальнѣ, внимательно оглядывая углы и открывая дверцы шкаповъ, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли кого-либо внутри. Однако, какъ въ спальнѣ, такъ и въ кабинетѣ, все было въ порядкѣ.

— Николай Ивановичъ, вы спите? — выйдя въ коридоръ и осторожно постучавъ въ дверь секретаря, спросилъ Вольскій.

— Это вы, Павелъ Андреевичъ? — Суриковъ открылъ дверь. — Я еще не раздѣвался.

— Пойдемте ко мнѣ.

— Слушаю.

Они оба вошли въ спальню. Вольскій предложилъ Сурикову кресло, самъ тоже сѣлъ, закурилъ сигару.

— Прежде всего, скажите откровенно, Николай Ивановичъ, — грустно усмѣхнувшись, сказалъ онъ. — Вы можете по чистой совѣсти утверждать, что я за обѣдомъ выпилъ чрезмѣрное количество шампанскаго?

— Нѣтъ... Ни въ коемъ случаѣ, Павелъ Андрее-

вичъ. Два бокала никто въ мірѣ не можетъ считать чрезмѣрнымъ количествомъ.

— Положимъ, я выпилъ не два, а три, но число три тоже не такъ велико. Ну, а теперь, дорогой мой, скажите: считаете ли вы меня человѣкомъ годнымъ для соприкосновенія съ потусторроннимъ таинственнымъ міромъ?

— Гм... — промычалъ Суриковъ, бросая тревожный взглядъ на шефа. — Конечно, я не вполнѣ понимаю... Но если угодно... Вы, разумѣется, не подходите для этого дѣла.

— Такъ, такъ. Навѣрно, финансовый Лондонъ, который меня знаетъ, отвѣтилъ бы такъ же, какъ вы. Ну, а что вы теперь скажете, дорогой мой, если я сообщу вамъ, что пять минутъ назадъ здѣсь, въ этой комнатѣ, лежа вотъ на этой кровати, я ясно услышалъ возлѣ себя стукъ дамскихъ туфель и нѣсколько вздоховъ, явно принадлежавшихъ женщинѣ?

— Женщинѣ? Странно. Вблизи вашей спальни нѣтъ никакихъ женщинъ. Смѣю увѣрить.

— Вотъ это именно и печально, что нѣтъ, а я слышалъ. Погодите. Кто-то, кажется, ходитъ по коридору. Посмотрите, кто тамъ.

Суриковъ выглянулъ.

— Ольга Петровна идетъ.

— Павелъ, къ тебѣ можно? — стоя у дверей съ зажженной свѣчей въ рукѣ, сердито спросила Горева.

— Пожалуйста. А въ чемъ дѣло? Почему ты со свѣчей?

— Очень просто. Ходить въ потемкахъ, по-моему, совершенно безполезный спортъ. Особенно въ моемъ возрастѣ. А найти на этой ужасной лѣстницѣ выключатель нѣтъ никакой возможности.

Она рѣшительнымъ движеніемъ руки поставила свѣчу на столъ и сухо продолжала:

— Я бы, конечно, не безпокоила ночью тебя, Павелъ, если бы тотъ вопросъ, который меня интересуетъ, можно было рѣшить безъ чужой помощи. Но, во-первыхъ, я совершенно безсильна бороться, а, во-вторыхъ, я слишкомъ цѣню свой покой, чтобы щекотать нервы. Когда ты предлагалъ мнѣ ѣхать сюда, ты отлично обрисовалъ красоты природы, свойство климата и дѣйствіе воздуха. Но ты не сказалъ мнѣ ничего про отрицательныя стороны савойскаго отдыха.

— Я не улавливаю, Ольга, о чемъ ты говоришь. Когда мы хотѣли...

— Ты никогда ничего не уловишь, если будешь меня перебивать. Итакъ, начнемъ съ крысъ. Первое, на что я наткнулась, войдя къ себѣ въ спальню, была отвратительная огромная крыса. Правда, къ своему счастью я этихъ тварей не боюсь. Но я всегда думала, что крысы по крайней мѣрѣ должны испытывать страхъ передъ людьми. Между тѣмъ, что сдѣлала эта савойская крыса? Она при моемъ появленіи не только не смутилась и не побѣжала, но, наоборотъ, повернулась ко мнѣ физіономіей и нагло стала разглядывать, будто комната эта предоставлена ей, а не мнѣ.

— Такъ, такъ... — мелькомъ взглянувъ на Сурякова, проговорилъ Вольскій. — И это... все?

— Нѣтъ, не все. Дальнѣйшее — еще хуже. Вотъ, вы, Николай Ивановичъ, готовили замокъ къ нашему пріѣзду... — зловѣще обернулась Горева къ секретарю, который съ замѣтнымъ испугомъ слегка подался назадъ. — Такъ не объясните ли вы мнѣ, какъ образуются здѣсь звуки, неизвѣстно откуда идущіе и неизвѣстно кому принадлежащіе?

— Звуки? А... какіе именно звуки?

— Я уже легла спать. Потушила свѣтъ. Стала обдумывать, будетъ ли мѣшать моему сну протекающій снизу ручей. И, вдругъ, гдѣ-то вблизи, въ моей

же спальнѣ, ясно послышалось... что бы вы думали? Что послышалось?

— Очевидно, шаги. Стукъ дамскихъ туфель, — не глядя на кузину, произнесъ Павелъ Андреевичъ.

— Да? — Она вздрогнула. — А еще что?

— Еще? Вздохи, должно быть. Протяжные женскіе вздохи.

— Въ такомъ случаѣ, я ничего не понимаю... — усиленно моргая пробормотала Ольга Петровна, попеременно глядя то на кузена, то на Сурикова. — Въ самомъ дѣлѣ... Сначала были шаги. Затѣмъ вздохи. Откуда ты это знаешь?

— Изъ того же солиднаго источника, изъ какого и ты, дорогая моя. Я тоже слышалъ шаги и вздохи. Только теперь я вижу, что все это гораздо сложнѣе, чѣмъ мнѣ показалось сначала. Твоя спальня находится не только въ другомъ этажѣ, но и въ противоположномъ концѣ замка. Если предположить, что это чья-либо шутка, то какъ мы могли одновременно слышать одно и то же?

— Разрѣшите мнѣ сказать кое-что, Павелъ Андреевичъ, — осторожно проговорилъ Суриковъ, не имѣвшій до сихъ поръ возможности высказаться. — Дѣло въ томъ, что въ этомъ замкѣ раньше...

— Тсс! — Горева испуганно подняла кверху палецъ.

— Чей-то кашель? — спросилъ Вольскій.

— Да... Женскій. Вы слышали? Это невозможно. Я завтра же уѣду обратно!

— Ну, что ты... Успокойся, пожалуйста.

— Нѣтъ, я не успокоюсь! У меня нѣтъ основанія успокаиваться при такихъ обстоятельствахъ!

— Николай Ивановичъ... Вы что-то начали говорить. Продолжайте.

— Это, дѣйствительно, странно, — внимательно оглядывая стѣны и потолокъ, прошепталъ секретарь.

— Продолжать? — обратился онъ къ Вольскому. — Ну, вотъ... Дѣло въ слѣдующемъ. За эти двѣ недѣли, которыя я провелъ здѣсь, мнѣ приходилось бесѣдовать кое съ кѣмъ. Между прочимъ, съ поставщикомъ молочныхъ продуктовъ. Какъ утверждаетъ этотъ субъектъ, въ прежніе годы бывали случаи, что гостившіе тутъ знакомые профессора Лунина, внезапно уѣзжали, объясняя свой отъѣздъ странными явленіями, происходившими въ замкѣ. Нашъ сторожъ, старикъ Роберъ, напримѣръ, самъ слышалъ однажды, стоя подъ старымъ каштаномъ возлѣ обрыва, какъ кто-то съ этого дерева ему громко сказалъ: «добрый день». А наверху, между тѣмъ, никого не было. Въ сосѣднемъ городѣ торговцы мнѣ тоже разсказывали, будто замокъ пользуется дурной репутаціей. Будто тутъ однажды исчезла цѣлая группа туристовъ, когда замокъ еще не принадлежалъ Лунину и стоялъ заколоченнымъ. Но я, конечно, не придалъ никакого значенія всей этой болтовнѣ.

— Болтовня болтовней, но я, къ сожалѣнію, всегда придаю значеніе тому, что сама слышу своими ушами, — поднявшись съ мѣста, сурово произнесла Горева. — Поэтому, Николай Ивановичъ, прошу васъ дать мнѣ сегодня же другое помѣщеніе. Разбудите прислугу, заставьте перенести вещи. А Бетси пусть ляжетъ спать въ сосѣдней комнатѣ.

— Слушаю.

— Ну, а что касается меня, — устало проговорилъ Павелъ Андреевичъ, — то я все-таки останусь здѣсь. Лѣнь перебираться. Въ концѣ концовъ, звуки не такъ ужъ сильны. Если прикрыть ухо одѣяломъ, уснуть можно. Спокойной ночи, господа.

4.

На слѣдующій день въ замкѣ много говорили о странномъ ночномъ происшествіи. Перепуганная Бетси, ночевавшая въ комнатѣ по сосѣдству съ Горевой, увѣряла, будто тоже слышала кое-что въ коридорѣ: не то шаги, не то шопотъ — что именно, она точно не разобрала. Шофферъ Джекъ, въ свою очередь, видѣлъ странные свѣтлые круги около своего изголовья: эти круги то внезапно исчезали, то снова появлялись вполнѣ отчетливо.

Собравшись къ завтраку, вся семья продолжала обсуждать событія, причемъ никто не былъ въ такой ажитаціи, какъ Сергѣй и Викторъ. Молодые люди рѣшили немедленно, съ этого же дня, начать детальное ознакомленіе съ замкомъ, увѣряя, что здѣсь безусловно есть какія-нибудь темницы, въ которыхъ замуровывали людей въ доброе старое время.

— Мнѣ, вотъ, напримѣръ, кажется очень подозрительной эта башня, которая находится надъ новой комнатой тети Оли, — убѣжденно замѣтилъ Сергѣй. — Въ первую половину ходъ есть, а дальше неизвѣстно, какъ взобраться наверхъ.

— Какъ? Опять надо мной? — Ольга Петровна нахмурилась. — Этого еще недоставало.

— Ну, что вы, тетя! — успокоительно обратился къ Горевой Сергѣй. — Вѣдь, это такъ интересно. Въ каждомъ старинномъ замкѣ всегда должно происходить что-либо необъяснимое. Иначе какая цѣна замкамъ вообще?

— Это вѣрно, — солидно кашлянувъ, поддержалъ пріятеля Викторъ. — По-моему, археологія только тогда и сдѣлается настоящей наукой, когда она, это самое... будетъ основываться не на свидѣтельствѣ мертвыхъ камней, а на показаніи живыхъ привидѣній, такъ сказать.

— Разрѣшите доложить, Павелъ Андреевичъ, — почтительно обратился къ Вольскому Суриковъ, когда послѣ словъ Шорина за столомъ воцарилась минута неловкаго молчанія. — Передъ завтракомъ мы вмѣстѣ съ Джекомъ тщательно осмотрѣли вашу комнату, выстукали всѣ стѣны, надѣясь найти въ нихъ какія-либо пустоты, но въ результатѣ никакихъ скрытыхъ дверей или потайныхъ ходовъ не обнаружили. Однако, если разрѣшите, я приготовлю вамъ спальню въ верхнемъ этажѣ, около лѣстницы. Ручаюсь, что тамъ будетъ спокойнѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ. — Вольскій пренебрежительно улыбнулся. — Гдѣ я сплю, тамъ и буду спать. Безсмысленно думать, будто лишніе тридцать метровъ разстоянія могутъ представить какое-нибудь затрудненіе для безплотныхъ духовъ.

— Не знаю, права я или нѣтъ, — заговорила Горева, строго глядя на стоявшій передъ нею бокалъ. — Но мнѣ кажется весьма подозрительнымъ этотъ самый старикъ сторожъ, которому почему-то разрѣшено остаться въ замкѣ. Никто изъ насъ не знаетъ, какого онъ поведенія, и какія мысли у него въ головѣ.

— Ну, что вы, тетя, — горячо возразилъ Сергѣй. — Это такой безобидный старикъ. Роберу, навѣрно, лѣтъ восемьдесятъ, если не больше.

— Да, едва ли онъ способенъ на что-либо, кромѣ сна и ѣды, — согласился съ сыномъ Павелъ Андреевичъ. — Когда человѣкъ сознаетъ, что самъ скоро превратится въ духа, у него нѣтъ желанія шутить съ будущими своими компаньонами по загробному міру. Впрочемъ, можно позвать старика и разспросить. Кстати, Николай Ивановичъ, я замѣтилъ у насъ на кухнѣ какую-то женщину. Кто она такая?

— Это мадамъ Рибо. Савоярка съ сосѣдней

фермы. Мы ее взяли въ помощь Тому въ качествѣ судомойки.

— Можетъ быть, и она въ состояніи что-нибудь разсказать. Хотя, правда, сейчасъ не Рождество, а середина іюля, но въ случаѣ надобности можно и лѣтомъ ознакомиться съ савоярскими святочными разсказами.

Послѣ завтрака всѣ расположились въ лонгшезахъ на террасѣ, и Суриковъ вызвалъ изъ кухни мадамъ Рибо. Кромѣ Шорина, который зналъ французскій языкъ довольно слабо, всѣ остальные говорили по-французски вполнѣ прилично.

Къ сожалѣнію, мадамъ Рибо ничего интереснаго про замокъ разсказать не могла. На всѣ вопросы отвѣчала неопредѣленно. О духахъ ничего не знала; въ замкѣ прежде никогда не бывала.

Что же касается сторожа Робера, то онъ, вызванный послѣ мадамъ Рибо, тоже мало помогъ выясненію вопроса. Увидѣвъ на террасѣ новыхъ хозяевъ, онъ сначала смущенно остановился вдали, затѣмъ боязливо подошелъ къ Вольскому, низко поклонился и, теребя шляпу въ рукѣ, испуганно ждалъ, что будетъ дальше.

— Какая глупая физіономія, — брезгливо пробормотала Горева, разглядывая старика, у котораго сѣдые волосы на головѣ были всклокочены, а впалые черные глаза подъ густыми бѣлыми бровями выражали тупой животный страхъ. — Кажется, я дѣйствительно, ошиблась, считая его заговорщикомъ.

— Сережа, — сказалъ сыну Павелъ Андреевичъ. — Поговори съ нимъ ты. Я уже усталъ отъ разговоровъ съ прелестной судомойкой.

— А, можетъ быть, вы хотите, тетя?

— Нѣтъ, благодарю. Охотно уступаю это удовольствіе тебѣ.

— Мсье, — слегка смущаясь, но стараясь быть

дѣловито-серьезнымъ, обратился по-французски Сергѣй къ Роберу. — Скажите, пожалуйста... Въ этомъ замкѣ въ прежнее время замѣчались какія-нибудь таинственныя явленія? Привидѣнія, непонятные звуки, напримѣръ?

— Привидѣнія? — Роберъ обрадовался, сообразивъ, что вызовъ къ хозяевамъ не грозитъ его личному благополучію. — Да, мсье. Были.

— Чему онъ радуется? — недовольно пробормотала Горева. — Можетъ быть, думаетъ, что мы о привидѣніяхъ только и мечтаемъ?

— А что вы знаете объ этомъ, Роберъ? — продолжалъ Сергѣй. — Сами вы лично что-нибудь видѣли?

— Я лично ничего не видѣлъ, мсье.

— Но вы, навѣрно, отъ кого-нибудь слышали?

— Да, я слышалъ, мсье.

— Что же вы слышали?

— Не помню, мсье. Моя обязанность была охранять имѣніе отъ людей и отъ чужихъ коровъ.

— А какъ же, Николай Ивановичъ, вы разсказывали вчера, будто Роберъ слышалъ человѣческій голосъ съ дерева? — тихо спросилъ Вольскій. — Вѣдь, это онъ вамъ разсказывалъ?

— Да, онъ. Послушайте, Роберъ, — обратился Суриковъ къ старику. — Вы же слышали, какъ кто-то говорилъ вамъ съ дерева «добрый день?»

— Да, какъ же, мсье. Слышалъ. Только это было давно, и я не виноватъ. Я ничего не отвѣтилъ.

— Нѣтъ, онъ совершенный болванъ, — въ ужасѣ прошептала Ольга Петровна, поднимая взглядъ къ небу.

— Погодите... — Суриковъ съ легкимъ раздраженіемъ взглянулъ на старика. — Но, вѣдь, вы сознавали, что голосъ сверху — явленіе необъяснимое? Вы же не могли понять, кто съ вами разговаривалъ?

— Не могъ, мсье. Я ничего не понималъ.

— И что же вы сдѣлали?

— Ничего не сдѣлалъ, мсье. Нашей лошади гвоздь вошелъ въ ногу, и я долженъ былъ вести ее въ городъ къ ветеринару.

— Погодите, господа, — вмѣшался въ бесѣду Павелъ Андреевичъ. — Я очень радъ, что никто изъ васъ не собирается дѣлать карьеру судебнаго слѣдователя. Николай Ивановичъ, что вы привязались къ этому несчастному голосу съ дерева? Послушайте, Роберъ! Вы когда-нибудь слышали странные звуки въ самомъ замкѣ ночью?

— Нѣтъ, мсье.

— Значитъ, ихъ не было раньше?

— Не знаю, мсье. Я никогда не ночевалъ въ замкѣ. Мое мѣсто — въ старой оранжереѣ.

— Хорошо... А вы знаете краткую исторію этого замка?

— Да, мсье. Наша сосѣдка, мать Клодины, разсказываетъ, что дочь короля Амедея Ивонна одинъ разъ разсердилась на отца и бросилась съ верхняго окна донжона внизъ и погибла. У короля Амедея было вообще много сыновей, такъ что одинъ изъ нихъ могъ, конечно, продѣлать такую штуку.

— Такъ это дочь выбросилась, или сынъ?

— Сынъ, мсье. А послѣ этого, говорятъ, въ замкѣ иногда стала появляться черная дама. Она ходила по лѣстницамъ, вздыхала, произносила всякія слова. Одинъ разъ ночью я тоже замѣтилъ въ саду, вотъ тамъ, возлѣ забора, черную фигуру. Я тоже думалъ, что это она.

— Ну, и что же? Вы къ ней подошли?

— Да, я подошелъ, мсье. Но это была не дама, а старуха Боваръ. Она тайкомъ подбирала старые сучья для своей печки, а между тѣмъ, эта женщина одна изъ самыхъ богатыхъ хозяекъ въ Савойѣ. У нея

двадцать шесть гектаровъ земли и тридцать восемь коровъ.

— Господа, гоните его! — съ негодованіемъ пробормотала Горева. — Что вы его слушаете?

Она порывисто встала, поправила на плечѣ ремень отъ бинокля, взяла въ руки сумочку съ вязаньемъ и направилась къ воротамъ.

— Да... Исторія... — мрачно пробормоталъ Павелъ Андреевичъ при дружномъ смѣхѣ присутствовавшихъ. — Или этотъ старикъ издѣвается надъ нами, или же онъ одинъ изъ тѣхъ типовъ, которыхъ откровенные люди называютъ круглыми идіотами. Ступайте, Роберъ! Ступайте немедленно въ оранжерею и старайтесь не попадаться мнѣ на глаза!

5.

Прошло около мѣсяца. Жизнь въ замкѣ постепенно стала входить въ колею. Таинственныя явленія давно прекратились. Сергѣй и Викторъ нѣсколько разъ ночевали въ освободившейся послѣ Ольги Петровны комнатѣ, чтобы услышать что-нибудь подозрительное, но кромѣ монотоннаго журчанія ручья ничего замѣтить не могли. Павелъ Андреевичъ цѣлыми днями сидѣлъ въ саду въ тѣни деревьевъ съ газетой или съ книгой въ рукахъ, Горева совершала ежедневныя прогулки вокругъ замка или, взявъ съ собой пледъ и мѣшечекъ съ рукодѣліемъ, уходила куда-нибудь въ лѣсъ заниматься вязаньемъ. Что же касается молодыхъ людей, то они ежедневно придумывали какія-либо новыя развлеченія. Ѣздили на автомобилѣ въ Шамони, на Женевское озеро, въ Аннеси, причемъ каждый разъ брали съ собой Джека, согласно уговору съ Вольскимъ; часто спускались въ долину и изучали окрестности; совершали пѣшкомъ эк-

скурсіи на ближайшія горныя вершины. Иниціатива во всѣхъ случаяхъ принадлежала, конечно, Виктору. Будучи предпріимчивѣе и физически крѣпче своего пріятеля, онъ всегда старался выдумать прогулку потруднѣе, сопряженную съ максимумомъ неудобствъ и опасностей. Ему были противны эти вылощенныя, содержащіяся въ отличномъ порядкѣ государственныя и коммунальныя дороги Савойи. То-ли дѣло тропинки, вьющіяся надъ обрывами, по которымъ можно скатиться внизъ съ высоты тысячи метровъ въ какіе-нибудь десять-пятнадцать минутъ!

Для Виктора огромнымъ удовольствіемъ было отыскивать новыя дороги въ горахъ и,направляясь въ одно мѣсто, неожиданно попадать въ другое, или утыкаться въ тупикъ. Павелъ Андреевичъ нѣсколько разъ предупреждалъ сына объ опасностяхъ подобнаго рода изысканій, но, въ концѣ концовъ, пересталъ, боясь какъ бы Шоринъ не вошелъ въ соглашеніе съ Джекомъ и не началъ тайкомъ возить Сергѣя на машинѣ.

— Пусть лучше ходятъ, чѣмъ ѣздятъ, — рѣшилъ старикъ.

Однажды въ дождливый день за завтракомъ Павелъ Андреевичъ сказалъ сыну:

— Если погода улучшится, я хочу, Сережа, вмѣстѣ съ тобой отправиться съ визитомъ къ профессору Лунину. Чтобы ликвидировать ссору, я первый написалъ ему, могу ли повстрѣчаться съ нимъ, и онъ сегодня отвѣтилъ, что радъ видѣть насъ въ любой день отъ пяти до шести.

— А развѣ почтальонъ приходилъ во второй разъ? Я не зналъ.

Молодой человѣкъ уже двѣ недѣли безрезультатно ожидалъ каждый день хотя какой-нибудь открытки отъ Кэтъ.

— Дѣло, по-моему, совсѣмъ не въ почтальонѣ,—

нахмурившись, недовольнымъ тономъ проговорилъ Вольскій. — Конечно, если тебя не интересуетъ этотъ визитъ, я отправлюсь одинъ. Но, мнѣ кажется, тебѣ тоже слѣдовало бы побывать у нихъ.

— Хорошо. Если ты считаешь необходимымъ, я согласенъ.

Въ этотъ день, однако, Павлу Андреевичу не удалось сдѣлать визита Лунину. Не пришлось ему осуществить этого намѣренія и въ ближайшіе три дня, такъ какъ дождь шелъ непрерывно все время. Какъ объяснилъ Вольскому Суриковъ, не разъ бывавшій въ этихъ краяхъ, савойскій дождь совсѣмъ не похожъ на обычные легкомысленные дожди другихъ районовъ Европы. Онъ не любитъ безполезныхъ перерывовъ въ работѣ, внезапныхъ капризныхъ перемѣнъ настроенія. Если онъ надумалъ идти, то идетъ уже какъ слѣдуетъ, основательно, дѣловито, безъ колебаній. Отвязаться отъ дождя въ Савойѣ такъ же трудно, какъ отцѣпиться отъ слѣпней, которые нападаютъ здѣсь на путниковъ и назойливо сопровождаютъ ихъ отъ Женевскаго озера вплоть до самаго Шамони.

— Да это и понятно, — сидя послѣ обѣда въ столовой за партіей бриджа, въ которомъ принимали участіе Горева и Викторъ, разсуждалъ секретарь. — Куда, скажите пожалуйста, дѣться облаку, если оно съ сѣверо-запада случайно попало въ долину? Съ одной стороны цѣпь горъ, съ другой стороны — цѣпь горъ, съ третьей стороны еще хуже — массивъ Монблана. Ясно, что если какая-нибудь неопытная туча заберется сюда, то она и будетъ по крайней мѣрѣ двѣ недѣли блуждать, пока выберется, наконецъ, на открытое мѣсто.

— Пики! — строго возвышала голосъ Ольга Петровна. — Николай Ивановичъ, вы слышите, что я говорю? Пики!

На четвертый день небо, наконецъ, прояснилось, и Павелъ Андреевичъ вмѣстѣ съ Сергѣемъ отправился на автомобилѣ къ профессору. На звонокъ у воротъ вышелъ старикъ-садовникъ и сказалъ, что мсье Лунинъ съ дочерью дома и что можно идти къ нимъ прямо, безъ доклада.

— Что же... Вилла недурная, — благожелательно произнесъ Вольскій, оглядывая нарядный двухъэтажный домъ, окруженный клумбами цвѣтовъ и тѣнистымъ садомъ. — Ты будь съ ними полюбезнѣе, Сережа.

— Я къ нимъ всегда хорошо относился, папа, — холодно отвѣтилъ Сергѣй, которому казалось, что возобновленіе знакомства съ дочерью Лунина является чѣмъ-то вродѣ измѣны Кэтъ.

Въ отвѣтъ на стукъ дверь открылась, и на порогѣ появилась сама Наташа. Теперь это была уже не та шаловливая худенькая дѣвочка, которую зналъ Сергѣй пять лѣтъ тому назадъ, а красивая стройная брюнетка съ огромными синими глазами, съ тонкимъ изломомъ бровей, съ густыми черными волосами, которые, вопреки модѣ, не были подстрижены и образовывали у затылка узелъ изъ туго сплетенныхъ косъ.

Лицо дѣвушки выразило сначала удивленіе, смѣшанное съ нѣкоторымъ недоброжелательствомъ. Однако, пересиливъ себя, Наташа любезно улыбнулась.

— Здравствуйте, Павелъ Андреевичъ.

Она бросила взглядъ на Сергѣя, который за эти годы изъ прежняго мальчугана тоже превратился въ интереснаго молодого человѣка, и слегка покраснѣла.

— Вы стали настоящей красавицей, Наташа, — ласково произнесъ Вольскій, здороваясь съ Луниной. — Сережа, не находишь?

— Да... Я бы сразу не узналъ.

Пригласивъ Вольскихъ внутрь, Наташа повела ихъ въ верхній этажъ, на веранду, гдѣ находился ея отецъ. Это былъ почтенный старикъ, съ красивымъ лицомъ, съ холеной сѣдой бородой, придававшей ему благообразный, но нѣсколько старомодный видъ.

Замѣтивъ гостей, Лунинъ всталъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ навстрѣчу и серьезно, безъ улыбки, протянулъ Вольскому руку.

— Очень радъ видѣть васъ, — сказалъ онъ. — Хорошо, что навѣстили сосѣдей. А вы, Сережа, выросли... Садитесь, господа. Угодно чаю?

— Нѣтъ, нѣтъ, не безпокойтесь, пожалуйста, — отвѣтилъ Павелъ Андреевичъ, садясь въ кресло. — Я получилъ вашъ отвѣтъ, и хотѣлъ въ тотъ же день заѣхать, но, къ сожалѣнію, помѣшали дожди. Сказать по правдѣ, мнѣ было бы очень цѣнно возобновить съ вами прежнія добрыя отношенія.

— Да, хорошо было бы, — съ многозначительной улыбкой произнесъ Лунинъ. — Жаль только, теперь годы не тѣ. Старѣть я началъ. И непріятныя событія послѣднихъ лѣтъ сильно пошатнули здоровье.

— Ничего, Богъ дастъ, все устроится. Теперь дѣла какъ будто идутъ на улучшеніе. Наташа, можетъ быть, вы покажете вашъ садъ Сергѣю?

Когда молодые люди ушли, Вольскій придвинулъ свое кресло поближе къ профессору, положилъ ему на колѣно руку и дружески проговорилъ:

Дорогой мой... Даю вамъ слово, я не виноватъ. Я бы никогда не началъ противъ васъ процесса.

— Не будемъ говорить объ этомъ, Павелъ Андреевичъ. Что было, то было.

— Нѣтъ, я именно хочу поговорить объ этомъ, чтобы вы не думали, будто я не цѣнилъ нашихъ добрыхъ отношеній. Какъ вамъ извѣстно, я весь прошлый годъ провелъ въ Америкѣ, и дѣла велъ мой

адвокатъ. Пріѣхавъ въ Лондонъ, я уже былъ поставленъ передъ совершившимся фактомъ.

— Но, я думаю васъ запрашивали, какъ поступить... — съ иронической улыбкой пробормоталъ Лунинъ, не глядя на Вольскаго.

— Да, адвокатъ хотѣлъ написать мнѣ объ этомъ. Но, къ сожалѣнію, моя кузина, которая тогда гостила у меня въ Лондонѣ и не была хорошо освѣдомлена о нашей дружбѣ, посовѣтовала ему меня не запрашивать. Во всякомъ случаѣ знайте, дорогой мой: когда ваши дѣла поправятся, а я увѣренъ, что они поправятся, я охотно уступлю вамъ замокъ обратно за тѣ же семьсотъ тысячъ. Я собирался уже тогда сообщить вамъ объ этомъ рѣшеніи, но вы прислали такое непріятное письмо, что я поневолѣ ничего не написалъ...

— Семьсотъ тысячъ! Интересно знать, буду ли я когда-нибудь имѣть хотя бы семьдесятъ тысячъ франковъ.

— А развѣ ваша лабораторія въ Парижѣ совсѣмъ ликвидирована? Вѣдь, одно ваше средство противъ ревматизма, я помню, принесло вамъ около милліона.

— Да, это было. Но лѣкарства, какъ платья, быстро выходятъ изъ моды. Конечно, я и сейчасъ не отчаяваюсь. У меня есть кое-какія идеи. Но пока... Вы знаете, что у меня сейчасъ здѣсь аптека?

— Да. Слышалъ.

— До чего дошелъ! Открылъ простую аптеку. Сижу въ ней поочередно съ дочерью или съ приказчикомъ. И на это живу.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что, — растроганно произнесъ Вольскій. — Если вамъ для новыхъ вашихъ идей понадобится компаньонъ, чтобы такъ сказать, финансировать... Конечно, не въ грандіозныхъ размѣрахъ... Я къ вашимъ услугамъ. Вы меня какъ-нибудь посвятите въ дѣла, и мы съ вами обсудимъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Мнѣ, вѣдь, не въ первый разъ приходится терпѣть разореніе. Какъ вы знаете, революція лишила меня всего. Вотъ только замокъ и оставался, который, къ счастью, жена купила задолго до переворота. Богъ дастъ, какъ-нибудь обойдусь и теперь.

— Но все-таки...

— Не сердитесь на меня, Павелъ Андреевичъ, но въ новыя предпріятія намъ, право, лучше не вступать вмѣстѣ. У васъ, естественно, будетъ боязнь, что я снова прогорю. А закладывать мнѣ больше нечего. Ну, какъ вамъ живется здѣсь? Довольны вы Савойей?

Вольскій понялъ, что возвращаться къ затронутой темѣ безполезно, и сталъ разсказывать о первыхъ своихъ впечатлѣніяхъ. Лунинъ любезно слушалъ, вставлялъ свои замѣчанія о климатѣ, о живописности мѣстности. А когда Павелъ Андреевичъ случайно вспомнилъ о таинственныхъ звукахъ, которые онъ слышалъ въ первыя ночи послѣ пріѣзда, лицо профессора выразило явное неудовольствіе.

— Да, раньше при мнѣ, это тоже бывало, — пренебрежительно проговорилъ онъ. — Но все это пустяки. Не придавайте значенія.

6.

Пока старики бесѣдовали на верандѣ, Наташа и Сергѣй прошлись по саду, полюбовались видомъ, открывавшимся изъ бесѣдки на горы, и сѣли на скамью возлѣ клумбы съ цвѣтами.

Разговоръ не клеился. Какъ-то странно было теперь говорить другъ другу «вы». Кромѣ того, Наташа, несмотря на все старанье, не могла достаточно искусно скрыть обиды, которая у нея накопилась про-

тивъ семьи Вольскихъ. Сергѣй же, чувствуя это, не касался вопроса о замкѣ. Вспоминалъ совмѣстныя прогулки на Ривьерѣ, общія дѣтскія шалости... И, исчерпавъ всѣ темы, смущенно молчалъ, не зная, о чемъ говорить дальше.

— Посмотрите, какъ красиво, — сказалъ наконецъ онъ, показывая на горы. — Что дѣлается съ облаками...

— Да, это бываетъ послѣ дождя, — задумчиво проговорила Наташа.

Они молча стали смотрѣть на протянувшуюся передъ ними горную цѣпь. Точно встревоженныя кѣмъ-то, молочно-бѣлыя тучи ползли по синимъ склонамъ, грузно сваливались на бокъ, къ мглистымъ поперечнымыъ ущельямъ, поднимались къ скалистымъ пикамъ, и, поглотивъ ихъ, перекатывались въ другую долину. А на смѣну имъ снизу спѣшили отдѣльные обрывки облаковъ, неслись въ видѣ призраковъ по лѣсу, цѣплялись за ели, соединялись, расходились и, взметнувшись вдругъ вверхъ, сливались съ гигантскими бѣлыми чудовищами возлѣ вершинъ.

— Ну, а вы кончили лицей, въ которомъ учились тогда? — возобновилъ разговоръ Сергѣй.

— Да.

— А въ университетъ не поступали?

— Нѣтъ. Была въ электротехническомъ институтѣ одинъ годъ.

— А къ чему вамъ электротехническій институтъ? Развѣ интересно?

— Думала, что будетъ интересно. Но бросила. Послѣдніе два года занималась альпинизмомъ, взбиралась на вершину Монблана, переходила пѣшкомъ черезъ малый Сенъ-Бернаръ. Вообще, если бы была возможность, я бы только и дѣлала, что путешествовала. По дикимъ неизслѣдованнымъ мѣстамъ.

— И, въ концѣ концовъ, васъ дикари гдѣ-нибудь убили бы и съѣли.

— Что жъ. И съѣли бы. Бѣда не велика.

— Да, я знаю, вы смѣлая женщина. До сихъ поръ помню, напримѣръ, вашъ спускъ къ рѣкѣ по скаламъ около «Горжъ дю Лу». Ну, а что вы думаете дѣлать этой зимой? Остаетесь здѣсь?

— Еще не знаю. Отецъ, должно быть, передастъ кому-нибудь аптеку и переѣдетъ со мной въ Парижъ. А я, навѣрно, дамъ согласіе мистеру Джонсу. Выйду замужъ.

— Джонсу? А кто этотъ Джонсъ, если не секретъ?

Сергѣй съ любопытствомъ взглянулъ на Наташу.

— Мистеръ Джонсъ американецъ, милліардеръ. Занятіе у него не особенно романтическое, правда. Онъ свиной король. Но зато всѣ свиньи въ Соединенныхъ Штатахъ принадлежатъ только ему.

— Въ самомъ дѣлѣ? Всѣ?

— Всѣ.

— Абсолютно?

— Абсолютно. Что: не вѣрите?

— Нѣтъ, отчего же... Но это оригинально.. Ни одной свиньи, принадлежащей другому хозяину! А я, вотъ, въ будущемъ году думаю кончить университетъ и всецѣло займусь литературой и философіей. Работа писателя, по-моему, самое высшее изъ всѣхъ занятій, какія встрѣчаются въ человѣчествѣ.

— Да, пожалуй. — Наташа задумалась. — Къ сожалѣнію, у меня такого таланта совсѣмъ нѣтъ. Пробовала какъ-то написать разсказъ, но ничего не вышло. Для писателя прежде всего необходимо вдохновеніе, а если его нѣтъ, лучше не браться. Вы, напримѣръ, часто испытываете вдохновеніе?

— Нерѣдко. Безъ вдохновенія я вообще никогда не приступаю къ творчеству.

Сергѣй смущенно отвелъ въ сторону взглядъ. Нахмурился.

— А когда у васъ чаще бываетъ вдохновеніе? По утрамъ? Или по вечерамъ?

— У меня? Смотря по обстоятельствамъ. Иногда утромъ. Иногда вечеромъ.

— Да...—вздохнувъ, проговорила Наташа, вертя въ рукѣ сорванную съ клумбы розу. — Я хотѣла бы обладать такой способностью. А сейчасъ вы что-нибудь пишете? Стихи, можетъ быть?

— Да. Но не просто стихи, а философскую поэму. Думаю къ концу лѣта окончить. Сорокъ восемь главъ.

Сказавъ это, Сергѣй самъ испугался: къ чему подобная ложь? Но, вспомнивъ о свиномъ королѣ, подавилъ въ себѣ угрызенія совѣсти, пріободрился и даже попытался вкратцѣ изложить фабулу. Къ сожалѣнію, однако, послѣ первой изъ сорока восьми главъ фантазія предательски измѣнила ему. Онъ запутался, сталъ бормотать что-то невнятное... И искренно обрадовался, когда услышалъ, наконецъ, со стороны дома голосъ отца:

— Сережа! Пора домой!

Вернулся Сергѣй въ замокъ въ скверномъ настроеніи — раздражительный, хмурый. Встрѣча съ Наташей оставила странный осадокъ. Съ одной стороны, конечно, любовь къ Кэтъ нѣчто неизмѣнное, вѣчное; чувство, которое не можетъ поколебать и измѣнить ничто въ мірѣ, даже сама смерть. Но, съ другой стороны, къ чему было мстить за выдумку о свиномъ королѣ и беззастѣнчиво хвастаться вдохновеніемъ? Не все ли равно — есть король, или нѣтъ короля? И свиной онъ или не свиной? Наташа, чего добраго, вообразитъ, будто вызвала ревность. А что въ ней особеннаго? Этого недостаточно, что глаза красивѣе, чѣмъ у Кэтъ. Мало ли какіе бываютъ гла-

за! Зато у нея безобразно густые волосы, которые она не стрижетъ, а собираетъ сзади, на затылкѣ... Богъ знаетъ что: клубокъ черныхъ змѣй. И остроумна не такъ, какъ Кэтъ. Кромѣ того, взглядъ слишкомъ самоувѣренный. Рѣсницами нарочно кокетничаетъ, опускаетъ медленно, чтобы было замѣтно, какія онѣ длинныя. Глупая дѣвченка!

Въ результатѣ визита къ Лунинымъ Сергѣю захотѣлось бросить замокъ и немедленно уѣхать въ Лондонъ. Уже больше мѣсяца прошло, какъ онъ находится здѣсь, и тоска по Кэтъ, временно утихшая, теперь возобновилась съ прежней силой. Однако, какъ уѣхать, если отецъ на все лѣто до октября далъ на личные расходы всего восемь фунтовъ и предупредилъ, что не прибавитъ ни одного пенса, такъ какъ въ горахъ нужно дышать свѣжимъ воздухомъ, а не думать о городскихъ развлеченіяхъ.

Въ моментъ возвращенія Вольскихъ въ замокъ, Шорина не было дома. Переодѣвшись, взявъ съ собой альпійскую палку съ желѣзнымъ концомъ, Сергѣй рѣшилъ оставшееся до обѣда время посвятить прогулкѣ въ горы. Хотѣлось побыть одному, предаться поэтической грусти среди природы.

Обойдя служебныя постройки замка, онъ двинулся вверхъ по тропинкѣ къ ближайшему холму. Но въ это время внизу, возлѣ изгороди фруктоваго сада, послышались шаги, и показалась долговязая фигура Виктора.

— Сережа, ты?

— Какъ видишь.

— Вернулся? Отлично, братъ. Замѣчательное открытіе! Пока тебя не было, я тутъ раскопалъ кое-что... Вотъ удивишься!

— Кладъ нашелъ?

— Кладъ не кладъ, а кое-что не хуже клада. Идемъ, покажу.

Сергѣй съ грустной улыбкой пошелъ вслѣдъ за пріятелемъ, который велъ его черезъ фруктовый садъ къ глухой сторонѣ замка. Хотя было жаль, что прогулка въ уединеніи окончательно разстроилась, однако, развлечься тоже недурно: легче отогнать отъ себя тоскливыя мысли.

— Смотри-ка, — остановившись возлѣ окруженной кустарниками и поросшей мхомъ каменной лѣстницы, торжественно сказалъ Шоринъ. — Видишь: три ступеньки впередъ, три ступеньки влѣво — и углубленіе въ стѣнѣ. Спускайся за мной.

— А дальше что?

— Иди, иди, боишься, что ли? Теперь, вотъ, дверь. Очевидно, давно никто сюда не входилъ. Это ясно по кустамъ ежевики. Мнѣ здѣсь пришлось даже кое-что вырубить.

Викторъ налегъ плечомъ на небольшую желѣзную дверь и исчезъ въ темнотѣ.

— Ну, что же ты?

— Но здѣсь ничего не видно.

— А, вотъ, сейчасъ. У меня съ собой фонарикъ. Осторожнѣе. Сначала пять ступенекъ, затѣмъ ровно.

Нерѣшительными шагами, съ любопытствомъ оглядывая освѣщенный разсѣяннымъ свѣтомъ фонарика низкій сводчатый потолокъ и полукруглыя сѣрыя стѣны, Сергѣй шелъ вслѣдъ за пріятелемъ по узкому коридору, напоминавшему гигантскую каменную трубу. Шаговъ черезъ тридцать коридоръ кончился, стѣны раздвинулись, и впереди обозначились проблески дневного свѣта.

— Вотъ первая комната, — гордо заявилъ Шоринъ, потушивъ фонарикъ, чтобы не тратить даромъ заряда. — Здѣсь раньше что-то было. Въ углу подъ окномъ какой-то желѣзный хламъ... Проволока... А дальше, увидишь, — уже совсѣмъ хорошее помѣщеніе.

Молодые люди прошли въ конецъ комнаты и поднялись по каменнымъ ступенькамъ къ небольшой дубовой двери.

— Входи. Тутъ совсѣмъ свѣтло, — тономъ хозяина проговорилъ Викторъ, открывая дверь. — Ну, какъ? Нравится?

Сергѣй удивился, войдя внутрь. Комната, была, дѣйствительно уютная, свѣтлая, съ широкимъ окномъ, за которымъ колыхались вѣтви кустарника, придававшаго освѣщенію эффектный зеленоватый оттѣнокъ. Стѣны были побѣлены, деревянный полъ еще хорошо сохранился; и что особенно казалось страннымъ — это жилая обстановка комнаты. У стѣны, возлѣ окна, небольшой старый письменный столъ; съ другой стороны — обитый бархатомъ выцвѣвшій диванъ съ двумя креслами; у третьей стѣны — длинный крашеный столъ; у четвертой — до самаго потолка лакированыя деревянныя полки, на которыхъ лежали разобранныя части какихъ-то приборовъ.

— Скажи, пожалуйста, — радостно воскликнулъ Викторъ, подходя къ стѣнѣ возлѣ стола. — Даже выключатель есть. Ну-ка? Дѣйствуетъ?

Онъ щелкнулъ выключателемъ, и комната озарилась сверху мягкимъ электрическимъ свѣтомъ.

— Значитъ, здѣсь кто-нибудь жилъ, когда владѣльцами были Лунины, — замѣтилъ заинтересованный Сергѣй. — Посмотри, и вода даже проведена. Кранъ въ углу... Только странно: къ чему эта комната въ такомъ мѣстѣ, къ которому нельзя пройти обычнымъ путемъ? Можетъ быть, кто-нибудь здѣсь скрывался?

— Весьма вѣроятно. А все-таки недурную штучку я откопалъ? А? Между прочимъ, знаешь, мнѣ почему-то кажется, что они фальшивомонетчики. Ей-Богу.

— Кто фальшивомонетчики?
— Да эти Лунины. Которые жили до насъ.
— Какія глупости!

Сергѣй сначала возмутился предположеніемъ друга. Но затѣмъ вспомнилъ Наташу.. Ея глаза. Увѣренность въ своей красотѣ. И пренебрежительно добавилъ:

— Впрочемъ, кто ихъ знаетъ. Все можетъ быть. Стой... Это что?

Онъ прыгнулъ въ сторону. Мимо него, выскочивъ изъ-подъ дивана, пробѣжала къ полкамъ огромная крыса.

— Ну, вотъ. Крысъ боишься. А знаешь что?... Намъ не нужно никому ничего говорить объ открытіи. Вѣрно? Пусть это будетъ у насъ секретнымъ убѣжищемъ.

— Я вообще ничего не боюсь, — сконфуженно бормоталъ Сергѣй, оглядывая углы комнаты. — Но, вотъ, крысы... Бывали даже великіе полководцы, которые боялись крысъ. Такъ что ты сказалъ? Не говорить? Конечно, говорить не надо. Воображаю, какъ Николай Ивановичъ сконфузился бы, если бы узналъ, что мы открыли это подземелье. Онъ воображаетъ, что знаетъ замокъ лучше всѣхъ.

— Для какихъ-нибудь тайныхъ совѣщаній или заговоровъ это замѣчательно удобное мѣсто, — садясь въ кресло и съ видомъ завоевателя оглядывая комнату, началъ разсуждать Шоринъ. — Слава Богу, я уже взрослый человѣкъ, двадцать одинъ годъ... А и то, знаешь, меня подмываетъ теперь затѣять какую-нибудь таинственную исторію. Похитить кого-нибудь. Совершить преступленіе. Вотъ, между прочимъ. отличное мѣсто для твоего творчества, а? Стихи, напримѣръ, писать.

— Пожалуй, — снисходительно согласился Сергѣй, косясь на полки, подъ которыми скрылась кры-

са. — Если бы не эти твари, которыхъ я не переношу, я бы, дѣйствительно, съ удовольствіемъ сюда удалялся.

— Ты про что? Про крысъ? Ну, крысъ, братъ, легко вывести. Купить крысинаго яда, стрихнина, что-ли, и всѣ онѣ черезъ нѣсколько дней пропадутъ. А, между прочимъ, вотъ что чудесно писать здѣсь, это детективные романы. Честное слово. Замѣчательная обстановка! Входъ таинственный, коридоръ тоже... Темы, должно быть, сами такъ и начнутъ лѣзть въ голову, сиди только и записывай. Я вообще удивляюсь... Если у тебя есть литературныя способности, къ чему ты пишешь стихи? Кому нужны стихи? А, вотъ, уголовный романъ, въ которомъ никому ничего не извѣстно, кто убилъ, кто убитъ, это — я понимаю. И заработать хорошо можно, и славу пріобрѣсти.

— Ну, что ты... Уголовный романъ! Развѣ это настоящая литература? Въ уголовномъ романѣ не бываетъ ни вдохновенія, ни высокихъ порывовъ. Критики даже не станутъ писать отзыва.

Сергѣй, однако, задумался. Ему не хотѣлось сознаваться, что практически Викторъ, дѣйствительно, правъ. Вѣдь, написать хорошій детективный романъ это — сразу стать самостоятельнымъ, освободиться отъ обидной зависимости отъ отца. Можно даже жениться на Кэтъ. Поѣхать куда-угодно, не повинуясь отцовскому капризу.

— Опять?

Сергѣй вздрогнулъ. Изъ-подъ дивана выскочила другая крыса, побѣжала по направленію къ полкамъ.

— Идемъ домой, — съ отвращеніемъ произнесъ онъ, направляясь къ двери. — Извини, но я не могу оставаться здѣсь.

Друзья пробрались къ выходу, прикрыли желѣзную дверь, забросали ее вѣтками. И по дорогѣ сговорились:

Никому ничего не говорить, пріобрѣсти крысинаго яда и привести въ порядокъ подземелье.

7.

На слѣдующій день утромъ Сергѣй всталъ раньше обыкновеннаго и въ ожиданіи завтрака сѣлъ у окна своей комнаты, сталъ любоваться видомъ на разстилавшуюся внизу долину.

Утро было чудесное, ясное. Надъ полями еще стоялъ легкій туманъ, но склоны горъ на той сторонѣ уже совершенно очистились отъ тучъ и вырисовывались удивительно четко. Казалось, будто они совсѣмъ здѣсь, рядомъ — ясно видна была каждая складка скалы, каждое дерево. А какъ нѣжно утреннее дыханіе воздуха со смѣшаннымъ ароматомъ цвѣтовъ, влажныхъ листьевъ и смолистой ели. Вотъ когда, дѣйствительно, можно писать стихи, возвышенные, проникновенные, звучные!

— Да, да... Нужно обязательно приняться за что-нибудь... — мечтательно подумалъ Сергѣй. — Напримѣръ, начать поэму какую-нибудь. Мистерію въ стихахъ, какъ у Байрона. Нужно, кстати, оправдаться передъ Наташей за свою вчерашнюю ложь. Впрочемъ, кто пишетъ мистеріи? Лучше, пожалуй, какую-нибудь фантастическую поэму на основахъ техническаго прогресса. Изобразить далекую будущую жизнь... Въ 2150 году. Зданія у людей странныя: въ родѣ дредноутовъ. Внизу — жилое помѣщеніе, гаражъ... Наверху нѣчто вродѣ капитанскаго мостика, обсерваторія, палуба для прогулокъ, площадки для аэроплановъ...

— Вамъ письмо, — постучавъ въ дверь, сказала Бетси.

Письмо было изъ Лондона отъ одного студента,

пріятеля Сергѣя. Тотъ сообщалъ новости о себѣ, объ общихъ университетскихъ друзьяхъ и между прочимъ писалъ, что Кэтъ вмѣстѣ съ матерью уѣхала въ Парижъ, гдѣ пробудетъ около мѣсяца.

Извѣстіе это взволновало Сергѣя чрезвычайно. Вотъ когда было бы хорошо съѣздить въ Парижъ, осмотрѣть его вмѣстѣ съ Кэтъ, провести тамъ хотя бы недѣльку. Но увы! Восемь фунтовъ, данныхъ отцомъ, составляютъ всего около восьмисотъ франковъ. Сейчасъ же у Сергѣя нѣтъ и шестисотъ, такъ какъ болѣе двухсотъ уже истрачены на всякія мелочи. А помимо того, — и это, конечно, самое главное — Кэтъ сама ничего не написала о поѣздкѣ, хотя обѣщала извѣстить въ случаѣ пріѣзда во Францію.

— Ну, дорогой мой, а какъ насчетъ крысъ? — спросилъ послѣ завтрака Викторъ. — Не пойти ли въ городъ, купить отравы?

— Крысы! — угрюмо отвѣтилъ Сергѣй. — Я бы не только для крысъ, но и для себя лично купилъ яду. Впрочемъ, все равно. Пойдемъ, если хочешь.

До города, гдѣ находилась аптека Луниныхъ, было около трехъ километровъ. Дорога шла по живописному берегу небольшой горной рѣки, и Сергѣй надѣялся, что прогулка разсѣетъ его тоскливое настроеніе.

— Ты что-то мраченъ сегодня, — осторожно замѣтилъ Шоринъ, зная, что другъ его получилъ письмо изъ Лондона. — Брось глупыя мысли, несчастный поэтъ. Посмотри, какъ хороша природа!

— Причемъ тутъ природа! Скажи лучше: какъ мнѣ раздобыть хотя бы тысячу франковъ?

— А тебѣ на что?

— Нужно поѣхать въ Парижъ. Есть спѣшное дѣло.

Шоринъ зналъ, какое это было дѣло. Но, какъ

истинный джентльменъ, никогда не вмѣшивался въ чужую интимную жизнь.

— По-моему, очень просто достать, — сказалъ онъ съ напускной наивностью, — попроси у отца.

— Не говори глупостей.

— Какъ сказать. Если бы я предложилъ тебѣ попросить вотъ у того туриста, который ѣдетъ на велосипедѣ, то былъ бы, дѣйствительно, глупъ. Но у родного отца... У меня, вотъ, родителей нѣтъ, одинъ только дядя. Однако, и тотъ не отказываетъ, когда я какъ слѣдуетъ беру его на абордажъ.

— Кажется, ты достаточно знаешь моего отца. Онъ до сихъ поръ считаетъ, будто я младенецъ, котораго нужно отъ всего оберегать и за каждымъ шагомъ слѣдить. А при его упрямствѣ... Если онъ сказалъ — ни пенса, это дѣйствительно значитъ — ни пенса.

— Придумай тогда какую-нибудь неожиданную причину... Скажи, что тебѣ скучно, и что ты хочешь купить радіо-аппаратъ.

— Отецъ знаетъ, что я терпѣть не могу радіо.

— Въ такомъ случаѣ, — дѣло дрянь. Жаль, вотъ, что мы съ тобой не занимаемся изобрѣтеніями. А то быстро можно было бы разбогатѣть. Напримѣръ, одинъ мой знакомый придумалъ новый способъ цвѣтной фотографіи при помощи особой камеры обскуры. Получилъ сразу... знаешь сколько? 250 тысячъ фунтовъ! Какой-нибудь бухгалтеръ, профессоръ или чиновникъ всю жизнь долженъ сидѣть на стулѣ, чтобы выручить такую сумму. А изобрѣтатель присядетъ на минуту, набросаетъ чертежъ, отдѣлитъ красные лучи отъ зеленыхъ, зеленые отъ синихъ, вспомнитъ, что уголъ паденія равенъ углу отраженія, — и готово. 250 тысячъ въ карманѣ.

— Эхъ, что тамъ говорить объ изобрѣтателяхъ!

— недовольно пробурчалъ Сергѣй. — Праздные разговоры.

— Ну, нѣтъ. Отчего праздные? Я не предлагаю тебѣ гнаться за великими изобрѣтеніями. Они, въ сущности, никогда не оплачиваются. Кто, напримѣръ, помнитъ изобрѣтателя утюга? Весь міръ гладитъ а онъ, ты думаешь, заработалъ что-нибудь? Ровно ничего. А вотъ обратить вниманіе на мелкія усовершенствованія, которыя такъ сказать на прогрессъ не вліяютъ, а въ жизни самого изобрѣтателя производятъ полный переворотъ, это заманчиво. Хочешь, напримѣръ, придумаемъ съ тобой приспособленіе для курящихъ: мундштукъ, собирающій пепелъ? Чтобы не нужно было искать пепельницы?

— Брось, брось, — Сергѣй грустно улыбнулся, почувствовавъ, что пріятель думаетъ своими шутками отвлечь его отъ непріятныхъ мыслей. — Изобрѣтать я ничего не собираюсь, это не моя область. Но, вотъ, детективный романъ, кажется, дѣйствительно, начну писать, чтобы стать на ноги. Это безобразіе, въ концѣ концовъ: быть взрослымъ человѣкомъ, имѣть свои взгляды, потребности — и всецѣло зависѣть отъ отца!

— А я что говорилъ? Разумѣется, пиши. Во-первыхъ, у тебя отличная фантазія. Въ твоихъ стихахъ часто бываетъ кое-какое содержаніе, что въ нынѣшней поэзіи рѣдко встрѣчается. А, во-вторыхъ, у твоего отца есть связи съ издательствами. Это — по-моему, уже половина таланта.

— Да, но бѣда въ томъ, что деньги мнѣ нужны сейчасъ, до романа.

— А что тебѣ стоитъ написать романъ спѣшно, въ недѣлю? Слава Богу, теперь не времена Тургенева или Толстого. Сегодня сѣлъ, завтра отдохнулъ, а во вторникъ — смотришь, романъ и готовъ. Въ самомъ дѣлѣ, валяй, честное слово! Если понадобится,

я тебѣ помогу. Ты пиши, а я буду разставлять знаки препинанія и слѣдить, чтобы фамиліи не были перепутаны.

— Ну... а изъ какой же жизни взять сюжетъ? Изъ нашей? Или изъ американской?

— Если писать поярче, то лучше, конечно, изъ американской. Чтобы и гангстеры были, и негры, и судъ Линча, и всякія штучки, въ родѣ ограбленія съ аэроплана. Я бы, напримѣръ, сразу началъ такъ, съ первыхъ строкъ: «Джекъ Рѣзаный Носъ вышелъ изъ подъѣзда шикарнаго дома на Пятомъ авеню съ чемоданомъ въ рукѣ... Въ чемоданѣ постукивала одинокая человѣческая голова, лишенная своего родного туловища». Увѣренъ, что вниманіе читателя сразу будетъ приковано къ темѣ!

— Ты напрасно все превращаешь въ шутку, Витя, — обидчиво произнесъ Сергѣй. — Я вполнѣ серьезно съ тобой говорю. Нѣтъ, американскія темы навѣрно всѣмъ надоѣли. Лучше взять какой-нибудь новый фонъ. Эту самую Савойю, что ли? Или французскую Котъ-д-Азюръ.

— А что же? Если серьезно рѣшилъ, то бери, конечно, Савойю. Присмотрись къ жизни и пиши.

— А преступленія здѣсь развѣ происходятъ?

— Странный вопросъ! Въ какомъ государствѣ не происходитъ преступленій? А кромѣ того: развѣ не отъ самого автора зависитъ произвести на свѣтъ всякихъ разбойниковъ?

— Да, ты правъ, нужно подумать. Набросать планъ. А, вотъ, въ чемъ еще затрудненіе. Я не знаю всѣхъ этихъ офиціальностей... Напримѣръ: кто во Франціи долженъ явиться, когда человѣка убили? Кто ведетъ слѣдствіе? Кто арестуетъ убійцу?

— Ерунда. Все можно узнать изъ разспросовъ. Справься у кого хочешь изъ мѣстныхъ жителей, каждый тебѣ охотно разскажетъ. А если стѣсняешься, я

помогу. Ну, вотъ, мы уже въ городѣ. Идемъ направо, къ площади. Такъ будетъ ближе.

8.

За нѣсколько домовъ до аптеки Сергѣй, вдругъ, остановился и нахмурился, будто вспомнилъ что-то непріятное.

— Витя, — слегка покраснѣвъ, проговорилъ онъ. — Зайди, голубчикъ, одинъ. Я подожду тебя тутъ, за столикомъ, возлѣ кафе.

— А почему не вдвоемъ?

— Да такъ. Мнѣ не хочется встрѣчаться со старикомъ. Да и съ этой самой... Наташей тоже.

Шоринъ пытливо посмотрѣлъ на друга, ничего не сказалъ и отправился въ аптеку одинъ. Войдя внутрь, онъ увидѣлъ за стойкой хорошенькую молодую брюнетку, догадался, что это Наташа, и тутъ же про себя рѣшилъ, что Сергѣй не очень уменъ. Неужели можно добровольно отказываться отъ встрѣчи съ такой обаятельной дѣвушкой?

— Вамъ что угодно? — любезно спросила по-французски Наташа, прекращая растирать въ стеклянной посудѣ какой-то порошекъ.

— Мнѣ, мадемуазель? — съ лукавой улыбкой отвѣчалъ по-русски Викторъ. — Мнѣ бы хотѣлось, прежде всего, чтобы вы говорили со мною на нашемъ могучемъ русскомъ языкѣ.

Шоринъ, считавшій себя знатокомъ женщинъ, зналъ, что всѣ онѣ, особенно русскія, очень цѣнятъ въ собесѣдникѣ загадочность характера, изысканность мысли. И потому рѣшилъ показать весь блескъ своей многогранной натуры. Произнеся послѣднія слова, онъ для таинственности многозначительно крякнулъ и придалъ лицу дьявольски - насмѣшливое выраженіе.

— А откуда вы знаете, что я говорю по-русски? — переходя на русскій языкъ, спросила Наташа.

— О, это сразу чувствуется. Человѣкъ, совершенный во всѣхъ отношеніяхъ, какъ вы, обязательно долженъ быть русскимъ. Ну, а что касается перехода къ интересующему меня дѣлу, какъ говаривалъ у Диккенса Самуэль Уеллеръ, или вѣрнѣе, не Самуэль, а палачъ, берясь за топоръ, то позвольте узнать: есть ли у васъ крысиный ядъ?

— Крысиный ядъ? — Наташа съ изумленіемъ взглянула на развязнаго молодого человѣка, у котораго на головѣ неожиданно выросъ серьезныхъ размѣровъ вихоръ и придалъ лицу угрожающе-агрессивный видъ. — Думаю, что есть. Сейчасъ узнаю.

Дѣвушка скрылась за внутренней дверью аптеки, и Шоринъ слышалъ, какъ она начала тихо переговариваться съ кѣмъ-то. Затѣмъ изнутри вышелъ почтенный старикъ съ сѣдой бородой, очевидно, отецъ, и со строгимъ видомъ обратился къ Виктору по-русски:

— Какого вамъ яда нужно, молодой человѣкъ?

— Не болѣе не менѣе какъ крысинаго, мсье.

— А что вы съ нимъ будете дѣлать?

— Я? — Шоринъ покраснѣлъ, чувствуя, что старикъ не особенно ему довѣряетъ. — Я буду дѣлать съ нимъ то, что въ такихъ случаяхъ полагается. Травить крысъ.

— А вы гдѣ живете?

— Въ замкѣ у Вольскихъ. Въ качествѣ почетнаго гостя.

— А! У Вольскаго... Такъ. А развѣ тамъ много крысъ?

— Увы! По ночамъ, повѣрите ли, иногда собирается цѣлая палата общинъ.

— Странно. При мнѣ ихъ почти не было.

Старикъ подошелъ къ стѣнѣ, выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ.

— Хорошо, я предложу вамъ средство... Имъ нужно посыпать хлѣбъ или какую-нибудь ѣду и класть возлѣ норы. Только время отъ времени возобновляйте.

— Слушаю.

— А сколько же дать? — Лунинъ поставилъ на стойку ящичекъ съ бѣлымъ порошкомъ и задумчиво посмотрѣлъ на покупателя. — Наташа! — крикнулъ онъ оборачиваясь къ двери.

— Сколько дать? По-моему, дайте на двѣ, на три сотни. Хотя точно не знаю. Я ихъ не считалъ, сказать по правдѣ.

Шоринъ произнесъ послѣднюю остроумную фразу исключительно для того, чтобы ее слышала входившая Наташа. Но Лунинъ въ отвѣтъ на эти слова нахмурился и отвернулся.

— Отвѣсь, пожалуйста, полъ-фунта порошка этому господину, — угрюмо сказалъ дочери старикъ, уходя во внутреннее помѣщеніе аптеки.

Наташа начала осторожно пересыпать бѣлый порошекъ въ мѣшочекъ.

— Вы, кажется, знакомы съ моимъ другомъ Сергѣемъ Вольскимъ, — снова игриво заговорилъ Викторъ, съ нескрываемымъ удовольствіемъ разглядывая тонкіе пальчики дѣвушки. — Онъ мнѣ про васъ много разсказывалъ.

— Очень возможно.

— Онъ въ восторгѣ отъ васъ. Я рѣдко встрѣчалъ мужчину, который такъ бы основательно терялъ голову отъ женской красоты, какъ Сережа.

Наташа пожала плечами, молча стала перевязывать пакетъ.

— Да. Говоря между нами, Сергѣй вообще очень влюбчивъ и непостояненъ, — продолжалъ Викторъ. — Не то что я. А почему, позвольте спросить? Потому, что поэтъ. Поэты, сами знаете, какъ вѣтеръ. Сегодня дуютъ въ одну сторону, завтра въ другую. Меж-

ду прочимъ, сейчасъ Сережа подъ моимъ наблюденіемъ пишетъ романъ въ стихахъ о несчастномъ рыцарѣ, которому всю жизнь не везло въ любви. Недурная вещица. А, кстати, мадемуазель... Разрѣшите узнать... Когда у васъ здѣсь, въ Савойѣ, происходитъ преступленіе, кто является первымъ для констатированія убійства? Мэръ или полиція?

— Убійство? — Наташа удивленно взглянула на Шорина. — А какое именно убійство?

— Какъ вамъ сказать... Все равно какое. Напримѣръ, кто-нибудь кого-нибудь застрѣлилъ. Или отравилъ. Или изрѣзалъ на куски и отправилъ по почтѣ. Вотъ, предположимъ, у васъ въ домѣ нашли трупъ при загадочныхъ обстоятельствахъ. Кого приходится звать въ первую очередь?

— Простите, но подобными вопросами я никогда не интересовалась. Вотъ пакетъ. Съ васъ десять франковъ.

— Жаль, очень жаль. Благодарю васъ. — Шоринъ взялъ мѣшочекъ съ ядомъ и уплатилъ деньги. — Между прочимъ... Еще одно порученіе. Послѣднее. Сергѣй просилъ у васъ справиться: если мы на-дняхъ соберемся на автомобилѣ ѣхать въ Шамони, вы не откажетесь принять участіе въ поѣздкѣ?

— Передайте Сергѣю... Павловичу, что это предложеніе я рада буду выслушать отъ него лично. До-свиданья.

— До-свиданья. Ахъ, какъ вы мнѣ напоминаете Діану!

— Прощайте.

— Прощайте, мадемуазель... Всего хорошаго.

9.

Молодые люди вернулись въ замокъ только къ чаю. Шли по тропинкѣ надъ обрывистымъ берегомъ

горной рѣки, часто останавливаясь и любуясь вздувшимся потокомъ, бурлившимъ среди покрытыхъ мхомъ камней и обдававшимъ брызгами мутной воды встрѣчныя скалы.

— Вы гдѣ были? — спросилъ сына Павелъ Андреевичъ. — Въ горахъ?

— Нѣтъ, въ городѣ. Крысиный ядъ покупали.

Сергѣй вдругъ смутился. Онъ почувствовалъ, какъ Викторъ, сидѣвшій за столомъ рядомъ, неодобрительно толкнулъ его ногой.

— Крысиный ядъ? — заинтересовался Вольскій. — А къ чему?

— У насъ наверху много крысъ. Спать не даютъ. Главнымъ образомъ, не у меня, а, вотъ, у Вити.

— Да, вѣрно, — непринужденно подтвердилъ Шоринъ. — До сихъ поръ еще, знаете, терпимо было. Но вчера, представьте, одна крыса взобралась ко мнѣ на кровать и рѣшила прогуляться по моему лицу. Воображаю, какая карьера ждала бы меня, если бы я послѣ университета вступилъ въ общественную жизнь безъ носа!

— Съ носомъ или безъ носа, но вы оба, по моему, особенной карьеры не сдѣлаете, — недовольно пробормоталъ Вольскій. — Во всякомъ случаѣ, прошу васъ, господа, осторожно обращаться съ ядомъ.

— О, не безпокойтесь, Павелъ Андреевичъ, ядъ у меня тутъ. — Шоринъ весело похлопалъ себя по карману. — Если нужно, мы даже можемъ подѣлиться съ кѣмъ-нибудь. У насъ цѣлыхъ полфунта, ровно на 1450 крысъ. Николай Ивановичъ, вамъ, кстати, не нужно?

— Что же, я бы взялъ немного. У меня вчера, дѣйствительно, что-то скреблось въ углу.

— А вамъ, Ольга Петровна?

— Да. Дайте. Оставьте, кстати, немного для Бетси и Тома. Они тоже жалуются.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Хватитъ на всѣхъ. А вы не хотите посмотрѣть, Николай Ивановичъ? Любопытный порошекъ. Одного грамма достаточно, чтобы отправить человѣка на свиданіе съ его предками.

— Викторъ, спрячьте сейчасъ же въ карманъ! съ отвращеніемъ глядя на появившійся на столѣ пакетъ, произнесъ Павелъ Андреевичъ. — Не думайте, пожалуйста, что вашъ порошекъ необходимая приправа къ чаю.

— Слушаю-съ.

На слѣдующій день Шоринъ разсыпалъ порошекъ въ отдѣльные пакетики, одинъ далъ Николаю Ивановичу, другой Горевой, третій Бетси, а остатокъ отнесъ въ подземелье. Посыпавъ ядомъ нѣсколько кусочковъ хлѣба, молодые люди разбросали ихъ по разнымъ угламъ комнаты, а оставшійся въ мѣшочкѣ запасъ положили здѣсь же на полку.

— Запомни только, братъ, что это не для удовлетворенія аппетита, — обращаясь къ Сергѣю, наставительно сказалъ Викторъ. И затѣмъ, дѣловито оглядѣвъ комнату, добавилъ:

— Ну, а теперь не будемъ мѣшать крысамъ. Пусть въ послѣдній разъ повеселятся на чужой счетъ. Можетъ быть, поѣдемъ въ гости къ Наташѣ?

— Куда?

— Къ Наташѣ. Я, между прочимъ, забылъ тебѣ вчера сказать, что она приглашала насъ къ себѣ. Сговориться насчетъ поѣздки въ Шамони.

— Глупости. Никуда я не поѣду и никакой Наташи знать не хочу.

— Дѣло твое. Хотя странно, почему ты такъ жестоко относишься къ дѣвушкѣ, которая по уши въ тебя влюблена.

— Она? — Сергѣй неестественно разсмѣялся. —

Не говори ерунды. Вѣдь, ты это сейчасъ экстренно выдумалъ.

— Ничуть не бывало. Я, братъ, слава Богу, хорошій психологъ. Ты бы посмотрѣлъ на нее, когда она вчера разспрашивала про тебя: голосъ у несчастной такъ и дрожалъ.

— Чего не хватало: дрожалъ. Впрочемъ, если хочешь, отправляйся къ ней одинъ и сговаривайся. А у меня важное дѣло. Я сегодня буду имѣть рѣшительный разговоръ съ отцомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Насчетъ денегъ?

— Да. И вообще. Я ему, въ концѣ концовъ, не мальчишка.

— Это вѣрно. Пора тебѣ сдѣлаться взрослымъ человѣкомъ. А то не успѣешь оглянуться, какъ стукнетъ сначала тридцать лѣтъ, за тридцатью — сорокъ, а тамъ, смотришь — и пятьдесятъ. Знаешь, что? Скажи отцу, что ты сейчасъ пишешь романъ и просишь подъ это произведеніе авансъ. Когда получишь гонораръ, тогда и отдашь.

— Ты находишь? Что-жъ... Можетъ быть... Хотя я предполагалъ говорить о своемъ положеніи вообще. Принципіально.

— И принципіально тоже не плохо. Ну, идемъ. Надѣюсь, съ сегодняшняго дня крысы перестанутъ считать это мѣсто самымъ уютнымъ изъ всѣхъ, которыя встрѣчали въ своей жизни. А когда ты будешь говорить съ отцомъ?

— Послѣ обѣда.

— Разскажешь о результатахъ?

— Обязательно. Встрѣтимся съ тобой на скамьѣ за гаражемъ. Жду тебя тамъ.

— Отлично. Желаю успѣха.

Павелъ Андреевичъ сидѣлъ вечеромъ послѣ обѣда на площадкѣ замка и наблюдалъ, какъ въ долинѣ постепенно загорались огоньки. Вотъ, точно вытянув-

шись въ нить, задрожали одновременно фонари далекаго городка. Очевидно, вдоль улицы. Выше, по склонамъ, гдѣ ютились одинокія виллы, загорались причудливыя созвѣздія, среди нихъ отдѣльно семь огней — что-то вродѣ Большой Медвѣдицы. А выше — свѣтъ все рѣже и рѣже. Одинъ огонекъ взобрался куда-то высоко, подъ самыя скалы, вглубь каменной складки. Что тамъ? Горный отель? Санаторія? Или живетъ въ хижинѣ какой-нибудь лѣсникъ, сторожъ?

Постепенно изъ синихъ горы сдѣлались неясными, мглистыми. Ночное небо прикрыло вершины темнымъ бархатомъ съ серебрянымъ звѣзднымъ шитьемъ. Вечеръ наступалъ тихій, теплый. Со всѣхъ сторонъ несся торжественно однозвучный звонъ неугомонныхъ цикадъ.

Услышавъ чьи-то приближающіеся шаги, Павелъ Андреевичъ обернулся и увидѣлъ передъ собой фигуру сына.

— Это ты, Сергѣй?

— Я. Папа... Мнѣ хотѣлось бы поговорить съ тобой...

— Очень буду радъ. А въ чемъ дѣло? Садись.

Сынъ сѣлъ возлѣ отца на плетеный стулъ и смущенно сталъ теребить пуговицы своего пиджака.

— Это очень серьезное дѣло, папа, — послѣ нѣкоторой паузы произнесъ, наконецъ, онъ.

— Тѣмъ лучше, другъ мой. Я люблю наблюдать серьезность въ молодыхъ людяхъ.

— Только я хотѣлъ бы... Я просилъ бы... Чтобы ты все это не обращалъ въ шутку. Обѣщаешь?

Старикъ снисходительно улыбнулся.

— Ну, голубчикъ, послѣ такого предисловія не жди, чтобы я былъ слишкомъ серьезенъ. Во всякомъ случаѣ, мой милый, мнѣ отлично извѣстно, когда шутки умѣстны.

— Да, да, конечно. Я не въ этомъ смыслѣ... Но

я хотѣлъ бы, папа, чтобы ты отнесся ко мнѣ какъ къ взрослому человѣку, которому становится невыносимо оставаться на положеніи ребенка. Папа, я долженъ... То-есть не долженъ, а... какъ тебѣ сказать... Ну, словомъ дай мнѣ, пожалуйста, три тысячи франковъ.

— Вотъ оно что! — Вольскій съ любопытствомъ посмотрѣлъ въ сторону сына, который, несмотря на окружающую темноту, отвелъ глаза, чтобы не выдать своего смущенія. — Хорошая идея, сынокъ. Не могу отрицать. А на что тебѣ три тысячи франковъ?

— Я хочу на нѣсколько дней поѣхать въ Парижъ.

Сергѣй сдѣлалъ усиліе, смѣло взглянулъ на отца, лицо котораго ясно освѣщалось огнями изъ замка.

— Такъ. Въ Парижъ. Очень хорошо. Но, все-таки, не понимаю: къ чему тебѣ Парижъ? Лѣтомъ тамъ духота, жара, воздухъ насыщенъ бензиномъ. По-моему, для здоровья послѣ плеврита гораздо лучше эти горы.

— Да. Но у меня тамъ серьезныя дѣла. Если бы это не было важнымъ вопросомъ, я бы не сталъ тебя безпокоить. Тѣмъ болѣе. что ты мнѣ впередъ заявилъ, чтобы я до октября на тебя не разсчитывалъ.

— Да, да. У тебя отличная память, Сергѣй. И, по-моему, она гораздо лучше твоей логики. Вѣдь, если я тебя предупредилъ, то къ чему весь этотъ разговоръ? Понимаю, у тебя могутъ быть неожиданныя желанія. Это вѣрно. Если бы, напримѣръ, тебѣ понадобился для прогулокъ костюмъ, новый велосипедъ, вообще что-нибудь вродѣ этого, я бы, конечно, не отказалъ. Но для поѣздки въ Парижъ... Охъ, дорогой мой. Я самъ былъ въ свое время молодымъ человѣкомъ и знаю, почему можетъ тебѣ понадобиться такая поѣздка.

— Нѣтъ, ты ничего не знаешь, папа. Ты, вѣдь,

не можешь упрекнуть меня въ плохомъ поведеніи.

— Да. Не могу. Ты хорошій мальчикъ, вѣрно. Но почему? Только потому, что я тебя ограничиваю во всемъ. А потакай я тебѣ во всѣхъ твоихъ фантазіяхъ, вышелъ бы изъ тебя такой же субъектъ, какъ всѣ эти экземпляры изъ нынѣшней распущенной молодежи.

— По-моему, было бы хуже, папа, если бы я тебѣ солгалъ и не сказалъ, на что мнѣ эти деньги. Ну, хорошо. Если не хочешь давать просто, я предлагаю комбинацію: одолжи мнѣ три тысячи въ видѣ аванса. Я осенью получу съ одного издательства гонораръ за свою книгу и уплачу тебѣ.

— Вотъ это уже лучше, — усмѣхнувшись, согласился Павелъ Андреевичъ. — Меня радуетъ, что ты, наконецъ, начинаешь самостоятельную жизнь. А гдѣ твоя книга? Ты мнѣ что-то о ней ничего не говорилъ. Она написана?

— Не написана, но будетъ написана. Черезъ мѣсяцъ.

— Ну, вотъ. Не написана. Въ такомъ случаѣ, ты можешь смѣло попросить у меня авансъ и подъ будущее жалованье, которое начнешь получать въ качествѣ профессора Кэмбриджскаго университета. Нѣтъ, брось, Сережа. Оставь глупыя мысли о Парижѣ и сиди тутъ. Вотъ, хочешь, возьмите съ Викторомъ автомобиль, сговоритесь съ Джекомъ и поѣзжайте куда-нибудь. Предложи, напримѣръ, Наташѣ покататься съ вами. Наташа очень приличная дѣвушка. Кстати, я ожидаю на-дняхъ Лунина, можетъ быть, и она пріѣдетъ съ нимъ.

— Значитъ, ты отказываешь?

Сергѣй со зловѣщимъ видомъ всталъ со стула.

— Да, дорогой мой. Не то, что отказываю, но не согласенъ дать. Хотя это, въ концѣ концовъ, одно и то же.

— Что жъ. Очень жаль. Прости, въ такомъ случаѣ, за безпокойство.

Сергѣй взволнованный, раздосадованный, круто повернулся и отправился къ своему другу, поджидавшему его за гаражемъ возлѣ старыхъ каштановъ. Кратко сообщивъ Шорину о неудачномъ результатѣ бесѣды, онъ сѣлъ на скамью и съ мрачнымъ видомъ сталъ смотрѣть на сверкавшую огнями долину.

— Что же ты теперь будешь дѣлать? — участливо спросилъ послѣ нѣкоторой паузы Викторъ.

— Не знаю. Навѣрно, брошу отца и буду самъ зарабатывать. Рабочимъ куда-нибудь поступлю.

— А университетъ?

— Многіе извѣстные люди не кончали никакого университета.

— Да, правда. Впрочемъ... многіе неизвѣстные тоже не кончали. Нѣтъ. Сережа, на старика надо все-таки какъ-нибудь воздѣйствовать.

— Что же дѣлать? Не ограбить же его, въ самомъ дѣлѣ.

— Зачѣмъ грабить. Это старо. А что-нибудь придумать нужно. Знаешь что? Ты можешь исчезнуть.

— Я это именно и предполагалъ. Уйду куда-нибудь бродить въ горы. На цѣлую недѣлю. Пусть безпокоится.

— Нѣтъ, зачѣмъ бродить. Гораздо лучше не бродить, а, знаешь, устроиться тамъ, въ нашей потайной комнатѣ. Честное слово. Не даромъ мы ее открыли. Ты накупишь себѣ запасъ консервовъ, бисквитовъ, сгущеннаго молока, всякой всячины; а горячую пищу будешь готовить на спиртовкѣ, которую купимъ. Нѣтъ, ей-Богу, это шикарно! Ты можешь тамъ, дѣйствительно, написать отличный романъ!

— Можетъ быть, такъ и придется сдѣлать. Только... какой все-таки результатъ, въ концѣ концовъ? Посижу день, два, недѣлю... А потомъ?

— Потомъ еще посиди.

— А развѣ онъ дастъ денегъ, когда я вылѣзу?

— Гм.. Денегъ? Денегъ, пожалуй, не дастъ. Вѣрно. Ну, а если ты ему пришлешь письмо, что не вернешься домой, пока онъ не согласится на предлагаемыя условія?

— Все равно. Онъ чертовски упрямъ.

— Въ такомъ случаѣ... Въ такомъ случаѣ, погоди... Идея! Пусть тебя похитятъ савойскіе разбойники и потребуютъ выкупа!

Сергѣй задумался. Какъ человѣкъ, видѣвшій въ кинематографахъ не мало поучительныхъ фильмовъ, онъ сразу понялъ, къ чему клонитъ его другъ.

— Что же... — съ горькой улыбкой произнесъ, наконецъ, онъ. — Это, можетъ быть, самое лучшее. Только такую исторію трудно обставить какъ слѣдуетъ. Развѣ здѣсь въ окрестностяхъ существуютъ бандиты?

— До сихъ поръ не было. Но они всегда могутъ, вдругъ, появиться. Не забудь, что теперь кризисъ, много безработныхъ. Погоди. Что это? Кто-то подслушиваетъ?

Шоринъ вскочилъ, осмотрѣлся. Вокругъ было совсѣмъ темно, но при свѣтѣ, шедшемъ изъ замка, ему показалось, будто высокая черная фигура быстро вышла изъ-за кустовъ и скрылась за стѣною гаража.

— Кто-то, дѣйствительно, былъ недалеко, — садясь, проговорилъ Викторъ.—Возможно, что Джекъ. Или Томъ. Пустяки. Ну, что-жъ, братъ? Рѣшаемъ? Только имѣй въ виду, нужно все заранѣе обсудить до мельчайшихъ подробностей. Иначе и ты самъ ничего не достигнешь, и мнѣ со скандаломъ придется уѣзжать отсюда, какъ соучастнику.

10.

Прошло нѣсколько дней. Однажды рано утромъ, встрѣтивъ на террасѣ отца, Сергѣй объявилъ ему, что послѣ завтрака уходитъ съ Викторомъ въ далекую экскурсію и не вернется ночевать, такъ какъ будетъ встрѣчать на вершинѣ одной изъ ближайшихъ горъ восходъ солнца.

Павелъ Андреевичъ сначала встревожился: не думаетъ ли сынъ уѣхать въ Парижъ? Однако, увидѣвъ молодыхъ людей въ костюмахъ туристовъ и узнавъ отъ Ольги Петровны, что Бетси готовитъ имъ въ дорогу провизію, успокоился.

— Сережа, — заботливо спросилъ онъ сына, — а вы возьмете съ собой что-нибудь теплое? На вершинѣ горы ночью должно быть холодно.

— Да. Мы беремъ пальто и плэды.

— Въ этомъ отношеніи вы не безпокойтесь за него, — вмѣшался въ разговоръ Шоринъ. — Я даже удивился, когда увидѣлъ, что Сергѣй въ свой походный мѣшокъ положилъ подушку.

— Что же, очень разумно. А когда вы вернетесь? Утромъ? Во всякомъ случаѣ, я бы хотѣлъ, чтобы завтра къ полдню вы пришли. Ко мнѣ пріѣдетъ съ визитомъ Лунинъ.

— Хорошо, папа. Постараемся.

Накинувъ на плечи мѣшки и вооружившись альпенштоками, молодые люди ушли. Павелъ Андреевичъ любовно посмотрѣлъ вслѣдъ сыну, затѣмъ взглянулъ на небо — нѣтъ ли тучъ; и, увидѣвъ ясную синеву, удовлетворенно сѣлъ въ кресло, принялся за чтеніе.

— Все-таки у мальчика слабый характеръ, — подумалъ онъ, разворачивая только что полученный номеръ газеты. — Я въ его годы былъ болѣе своеволенъ. Я бы, навѣрно, сбѣжалъ.

Молодые люди, между тѣмъ, отправились въ горы странной дорогой, которую не одобрилъ бы ни одинъ здравомыслящій туристъ. Выйдя изъ воротъ, юни спустились на шоссе, прошли до ближайшаго перекрестка, затѣмъ углубились въ лѣсъ, тамъ круто повернули въ сторону, вышли изъ лѣса на дорогу и поднялись въ заброшенный фруктовый садъ, подходившій къ глухой стѣнѣ замка.

Проникнувъ въ потайную комнату подземелья, оба друга сбросили съ себя мѣшки, вытащили изъ нихъ плэды, подушку, всякую мелочь, свалили все это на диванъ, на которомъ во время своего исчезновенія долженъ былъ спать Сергѣй, и, взявъ пустые мѣшки, осторожно вышли изъ подземелья, держа путь на сосѣдній городокъ.

— А на сколько же дней покупать консервовъ? — спросилъ по дорогѣ Сергѣй.

— Какъ тебѣ сказать. На недѣлю, пожалуй. Я разсчитываю такимъ образомъ: въ первый день ты исчезаешь. Во второй — о тебѣ ни слуху, ни духу. На третій — отецъ получаетъ письмо отъ бандитовъ. Этотъ третій день и четвертый онъ колеблется. На пятый несетъ деньги въ пещеру, которую бандиты ему указали. На шестой разбойники свою добычу берутъ. А на седьмой ты возвращаешься худой, блѣдный, измученный.

— Но, все-таки сидѣть на однихъ консервахъ и сухаряхъ довольно противно. Можетъ быть, ты будешь приносить мнѣ иногда кое-что отъ обѣда? И свѣжій хлѣбъ?

— Чего захотѣлъ: свѣжаго хлѣба! Нѣтъ, братъ, изъ тебя, очевидно, никогда не выйдетъ ни Ливингстона, ни Стэнли. Ну, какъ я тебѣ буду носить хлѣбъ? Ты забываешь, что кругомъ начнется слѣжка за всѣми. Глупо изъ-за такой ерунды вляпаться.

— Да, приносить опасно, это вѣрно. Но ты мо-

жешь класть хлѣбъ и другую ѣду гдѣ-нибудь около замка. Въ условленномъ мѣстѣ. А я буду ночью незамѣтно выходить изъ подземелья и брать.

— Ну, если такимъ способомъ, тогда дѣло другое. Между прочимъ, знаешь гдѣ можно? Въ кустахъ ежевики возлѣ шоссе, гдѣ кончается старый садъ. Я помню одно мѣстечко. Очень удобное.

— Хорошо... А вотъ еще что. Отецъ, предположимъ, получитъ письмо. Ему, конечно, сначала придетъ въ голову, что это наша шутка, и онъ прежде всего обратится къ тебѣ. Ты увѣренъ, что прилично сыграешь свою роль?

— Разумѣется.

— А, вдругъ, улыбнешься? Или фыркнешь?

— Не говори глупостей. Развѣ я не настолько уменъ, чтобы, какъ слѣдуетъ, валять дурака?

— Ну, а затѣмъ вотъ еще что. Предположимъ, отецъ повѣритъ, рѣшитъ дать деньги и въ то же время вызоветъ полицію, чтобы захватить бандитовъ. Въ такомъ случаѣ, когда ты будешь брать деньги, тебя неожиданно могутъ накрыть. Получится страшный скандалъ.

— Объ этомъ я уже думалъ. Но, въ концѣ концовъ, что тутъ опаснаго? Вѣдь, я всегда могу узнать, есть полиція около пещеры или нѣтъ, и не стану брать денегъ до тѣхъ поръ, пока она не прекратитъ наблюденія.

— А если это будетъ тянуться не меньше мѣсяца?

— Что-жъ такого? Сиди и кончай романъ. Нужно только купить побольше консервовъ. Кромѣ того, я увѣренъ, что отецъ твой испугается приписки: «въ случаѣ, если вы дадите знать полиціи, вашъ сынъ будетъ убитъ». Со стороны соображеніе это, конечно, глупо. Но для отцовскаго сердца, когда всего одинъ сынъ... Самъ сообрази: зачѣмъ ему рисковать твоей

жизнью изъ-за какихъ-то несчастныхъ пяти тысячъ?

Придя въ городъ, пріятели отправились по магазинамъ, закупая все, что значилось въ заранѣе заготовленномъ спискѣ. Когда продукты были пріобрѣтены, и оба мѣшка нагружены, Сергѣй предложилъ, во избѣжаніе нежелательныхъ встрѣчъ съ обитателями замка, пройти въ гору и тамъ въ лѣсу ожидать наступленія вечера.

Однако, Шоринъ, которому хотѣлось повидать Наташу, предложилъ на нѣсколько минутъ зайти въ аптеку.

— А что намъ нужно въ аптекѣ?

— Хинину не мѣшало бы. Іода. Пусть будутъ у тебя въ комнатѣ на всякій случай. А до вечера все равно масса времени. Къ чему спѣшить въ лѣсъ?

— Хорошо. Если хочешь, иди одинъ. Я подожду.

Сергѣй сѣлъ за столикъ кафе возлѣ городской площади, заказалъ бокалъ пива. Викторъ отправился покупать лѣкарства.

— Добрый день, мадемуазель Лунина, — весело сказалъ онъ, войдя въ аптеку и увидѣвъ за стойкой Наташу. — Могу я васъ потревожить кое чѣмъ?

— Пожалуйста. Подождите только минуту. Я сейчасъ освобожусь.

Она иронически улыбнулась и передала пакетъ съ лѣкарствами стоявшему возлѣ кассы кліенту.

— Ну, что вамъ угодно?

— Прежде всего, — изысканно началъ Шоринъ, — не откажите въ любезности дать мнѣ іоду. Небольшой пузырекъ. На случай кроваваго столкновенія съ людьми или съ неодушевленными предметами, вродѣ гвоздя. Затѣмъ, если можно, я бы взялъ еще и хинина. Нѣсколько таблетокъ. Мы сегодня идемъ съ Сергѣемъ на вершину горы встрѣчать восходъ солнца, и все это можетъ, такъ сказать, пригодиться.

— Пожалуйста. — Наташа достала съ полки іодъ, перелила его въ небольшую склянку. — А хининъ вы тоже берете на прогулку?

— Хининъ тоже. Конечно, это не для меня, а для Сергѣя. Онъ, вѣдь, у насъ болѣзненный малый, недавно перенесъ плевритъ, безъ хинина никуда не выходитъ. А вы завтра съ вашимъ батюшкой собираетесь, кажется, навѣстить Вольскихъ?

— Не знаю. Можетъ быть. Вамъ сколько таблетокъ? Десять довольно?

— Что вы! Двухъ хватитъ. А вы бывали когда нибудь на вершинѣ вотъ этой горы?

Викторъ тряхнулъ головой въ сторону витрины.

— Да.

— Навѣрно, оттуда великолѣпный видъ?

— Да.

— Я вообще люблю природу. Особенно, знаете, когда безнадежно влюбленъ... А вы обыкновенно совершаете экскурсіи въ компаніи или одна?

— Какъ когда. Во всякомъ случаѣ, я не люблю болтливыхъ людей, въ особенности на прогулкахъ.

Шоринъ смущенно улыбнулся, взялъ свертокъ, который протянула ему Наташа, повертѣлъ его въ рукѣ и задумался. Чего бы еще купить, чтобы не уходить сразу?

— Ахъ, простите, — заговорилъ онъ, будто бы неожиданно вспомнивъ. — Чуть не забылъ. Дайте еще очищенной соды.

— Соды? Сколько?

— Ну... Полфунта, что ли. Или четверть.

— Тоже для прогулки?

Едва сдерживая смѣхъ, Наташа нагнулась къ большой стеклянной банкѣ и стала пересыпать оттуда соду въ мѣшечекъ.

— Да... Тоже для прогулки, — не смущаясь,

бодро отвѣтилъ Викторъ. — У насъ есть одинъ крѣпкій напитокъ, такъ мы его будемъ разбавлять. На подобіе сода-виски...

— Надѣюсь, больше вамъ ничего не надо? — передавая пакетъ, со снисходительной улыбкой спросила Наташа.

— Кажется, ничего. Разрѣшите уплатить.

— Два франка пятьдесятъ сантимовъ сдачи. Вотъ. — Наташа протянула Шорину деньги. — Кстати... Когда начнете экскурсію, скажите Сергѣю, чтобы онъ принялъ одну таблетку хинина передъ подъемомъ на гору, а другую, когда взберется. А что касается іода, то, къ сожалѣнію, іодъ едва ли предохранитъ васъ отъ бандитовъ, которыхъ въ этомъ году много развелось въ нашихъ горахъ.

— Что? Бандиты? У васъ есть бандиты? Ура!

Наташа испуганно взглянула на Шорина. — Чему радуется этотъ типъ? — подумала она, замѣтивъ неподдѣльный восторгъ на физіономіи молодого человѣка.

— И что же они? Просто нападаютъ? — нервно спросилъ Викторъ. — Или похищаютъ людей съ требованіемъ выкупа?

— Не знаю. Иногда просто убиваютъ. Иногда похищаютъ. Всего хорошаго, до-свиданья.

— Всего хорошаго... Вотъ пріятная новость! Спасибо вамъ!

— Сережа, — весело сказалъ Шоринъ, подходя къ столику кафе, гдѣ сидѣлъ его другъ. — Представь: планъ нашъ пріобрѣтаетъ вполнѣ солидное основаніе. Здѣсь, понимаешь, дѣйствительно, есть бандиты! Убиваютъ. И даже похищаютъ, съ цѣлью выкупа!

— Въ самомъ дѣлѣ? Чудесно, если такъ.

Сергѣй опустилъ голову къ бокалу, сдѣлалъ глотокъ и недовѣрчиво добавилъ:

— А это тебѣ кто сказалъ?

— Наташа.

— А она не выдумываетъ?

— Зачѣмъ ей выдумывать? У насъ завязались такія хорошія дружескія отношенія... Между прочимъ, скажу тебѣ откровенно: большая кокетка эта твоя подруга дѣтства. Стрѣляла сейчасъ въ меня глазами, ужасъ. Въ общемъ, я бы не прочь за ней серьезно поухаживать. Очень остроумна, образована... А кругомъ, очевидно, нѣтъ интересныхъ мужчинъ. Поневолѣ душа довѣрчиво потянулась ко мнѣ.

— Очень радъ за тебя. Надѣюсь только, вы въ вашей бесѣдѣ не касались меня?

— Конечно, нѣтъ. Такъ увлеклись флиртомъ, что не до тебя было. Впрочемъ, погоди, вру. Когда я покупалъ у нея всю эту дрянь — соду, хининъ, іодъ, она спросила, для чего мнѣ хининъ, а я отвѣтилъ, что для тебя. Будто ты хочешь принять его передъ подъемомъ на гору, чтобы не заболѣть.

— Зачѣмъ же ты это сказалъ?

— Что-жъ такого? Тебѣ она не нравится, даже противна. Ну, а намъ обоимъ было очень забавно.

— Прости меня, Витя... Но откровенно скажу, что ты свинья. Нравится или не нравится, все равно. Это не по-джентльменски. Идемъ.

11.

Пробывъ въ лѣсу до наступленія темноты, оба пріятеля окольными путями, избѣгая людныхъ мѣстъ, стали пробираться къ замку. Благополучно продѣлавъ весь путь, они углубились, наконецъ, въ чащу сада

и спустились въ подземелье, осторожно освѣщая коридоръ электрическимъ фонаремъ.

— А какъ-же со свѣтомъ? — спросилъ Сергѣй, входя въ потайную комнату. — Вѣдь, если зажечь лампочку, окно будетъ свѣтиться.

— Когда горитъ свѣтъ, окно нужно чѣмъ-нибудь прикрывать. Вотъ, возьми плэдъ.

Нацѣпивъ на оконную раму плэдъ, молодые люди зажгли свѣтъ и начали устраиваться. Викторъ аккуратно разставилъ на полкахъ все только что купленное въ городѣ, Сергѣй же занялся приведеніемъ письменнаго стола въ порядокъ.

Окончивъ приготовленія, друзья рѣшили закусить, распить на новосельи бутылку вина, и затѣмъ лечь спать.

— А знаешь, братъ, — благодушно заговорилъ Викторъ, наливая вино себѣ и Сергѣю. — Я почему то увѣренъ, что романъ тебѣ удастся на славу. Вотъ, въ газетахъ я читалъ, будто въ Нью-Іоркѣ какой то преступникъ, сидя въ тюрьмѣ, изобрѣлъ особую гидравлическую машину, дающую огромный процентъ экономіи. Въ наше время, когда жизнь черезчуръ безпокойна, и всѣ другъ другу мѣшаютъ, изобрѣтать или творить можно только въ тюрьмѣ или вотъ въ такихъ уютныхъ мѣстахъ, какъ это.

— Пожалуй, ты правъ, — согласился Сергѣй, осушая стаканъ. — Недаромъ, средневѣковые монахи были самыми образованными людьми своего времени. Кругомъ рыцари сражаются, бьются, а тѣ сидятъ спокойно взаперти и занимаются Аристотелемъ или Платономъ.

— По-моему, — продолжалъ Викторъ, снова наливая себѣ вина, — въ концѣ концовъ, только тюрьма и спасетъ міръ отъ полнаго исчезновенія писателей и ученыхъ. Отравитъ какая-нибудь женщина своего мужа изъ ревности, посадятъ ее, а смот-

ришь — черезъ годъ, черезъ два, вдругъ, получилась Жоржъ Зандъ. Или убьетъ кто-нибудь прохожаго, ограбитъ... А въ тюрьмѣ возьметъ и напишетъ «Войну и миръ».

— Ну, что же, — зѣвая, проговорилъ Сергѣй. — Не пора ли и спать?

— Давай. Ты располагайся на диванѣ, а я, вотъ, на томъ столѣ у стѣны. Будетъ отлично.

— Нѣтъ, извини. Ты будешь спать на диванѣ.

— Не спорь, несчастный. Какъ опытный спортсмэнъ, я легче тебя приспособляюсь къ походной жизни. Мѣшокъ подъ голову, плэдъ снизу.... Чѣмъ не постель? А ты знаешь: крысъ совсѣмъ не слышно.

— Прекрасно. Какъ будто вывели всѣхъ.

Викторъ подождалъ, пока Сергѣй уляжется, потушилъ свѣтъ, взобрался на столъ.

— Тебѣ удобно? — спросилъ съ дивана Сергѣй.

— Очень. А тебѣ?

— Великолѣпно.

— Ну, спи.

Они помолчали.

— Сережа!

— Ну?

— А ты не будешь здѣсь бояться ночевать одинъ?

— Глупости.

— Я тоже думаю, что глупости. Но все-таки въ мірѣ бываютъ иногда странныя вещи. Ты, между прочимъ, вѣришь въ астрологію?

— Нѣтъ. Спи.

— Я тоже не вѣрю. А вотъ, представь, мой дядя Володя, хотя и профессоръ математики, а вѣритъ. Онъ говоритъ, что нынѣшняя физика ведетъ къ мистикѣ, а потому средневѣковая алхимія и астрологія совсѣмъ не такая чепуха. Когда я спросилъ

дядю, неужели какой-нибудь Сиріусъ можетъ вліять на его судьбу, онъ, знаешь, что отвѣтилъ? Онъ отвѣтилъ: не только Сиріусъ, даже ты, Викторъ, и то иногда вліяешь.

— Что-жъ... Можетъ быть, дядя и правъ. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Они помолчали.

— Сережа, — снова заговорилъ Шоринъ. — А намъ нужно не забыть еще одного: какъ составить письмо отъ бандитовъ. Ты думаешь, по-французски или по-русски?

— Разумѣется, по-французски. Гдѣ же савойскіе бандиты научатся русскому языку?

— Это вѣрно. Хотя... Современные бандиты, знаешь, бываютъ иногда гораздо образованнѣе насъ съ тобой. Это тебѣ не прежніе нечесанные свирѣпые люди.

Сергѣй ничего не отвѣтилъ.

— Вотъ, въ газетныхъ иллюстраціяхъ, — продолжалъ Викторъ, — только прочтя надпись, можно узнать, кто передъ тобой: общественный дѣятель или разбойникъ. Правда, въ Старомъ Свѣтѣ разбойники еще не достигли особенно высокаго культурнаго уровня, но зато въ Америкѣ... Шикъ! Ты что? Храпишь уже?

— Гм... — промычалъ во снѣ Сергѣй.

— Ну, Богъ съ тобой, не просыпайся. Видно, усталъ за день.

Черезъ нѣкоторое время уснулъ и Шоринъ. Отъ выпитаго-ли вина или отъ разыгравшагося желанія пофилософствовать, но различныя назойливыя мысли не сразу оставили его сознаніе. Лѣзли въ голову и астрологія, и завоеванія техники, и спиритизмъ, и алхимія. А передъ самымъ погруженіемъ въ сонъ, ему даже показалось, будто гдѣ-то недалеко ходитъ

женщина, постукивая каблучками, и протяжно вздыхаетъ.

Но это, навѣрно, только такъ показалось.

12.

День былъ жаркій. Долина покрылась знойной мглой, очертанія далекихъ горъ тонули въ раскаленномъ туманѣ. Воздухъ застылъ на мѣстѣ подъ взглядомъ неистоваго солнца. И гигантскіе каштаны, обычно ведущіе надъ площадкой замка нескончаемыя бесѣды мирнымъ шелестомъ листьевъ, теперь беззвучно насторожились. Покорно замерли вѣтви, не осмѣливаясь нарушить покоя. И только цвѣты, яркимъ покровомъ устлавшіе ближайшія клумбы, сильнѣе благоухали. Ярче былъ ароматъ розъ.

— Что-то они не идутъ, а уже скоро двѣнадцать, — сидя на площадкѣ подъ деревьями въ обществѣ кузины и секретаря, недовольно проговорилъ Павелъ Андреевичъ. — Воображаю, какъ имъ возвращаться въ такую жару.

— Да, — согласился Суриковъ. — Жара феноменальная. Я ходилъ на почту въ десять часовъ и то едва взобрался на нашу гору при своемъ возвращеніи.

— Сами виноваты, — склонясь надъ кускомъ шелковой матеріи и дѣлая на ней мережку, наставительно замѣтила Горева. — Кто въ такіе дни надѣваетъ крахмальные воротнички и шерстяной костюмъ?

— Ничего не могу подѣлать, Ольга Петровна. Самъ понимаю, что въ суконномъ костюмѣ въ это время человѣкъ подобенъ термосу. А, вотъ, привыкъ такъ одѣваться.

— Я бы при такихъ условіяхъ немедленно ли-

шила себя жизни. Шея съ трудомъ поворачивается. Подбородокъ упирается въ лезвіе воротничка... Посмотрите на себя, Николай Ивановичъ: у васъ скоро, должно быть, глаза вылѣзутъ изъ орбитъ.

— Не бѣда. — Суриковъ устало улыбнулся. — Если начнутъ вылѣзать, имъ все равно помѣшаютъ очки. А что женщины лѣтомъ одѣваются умнѣе мужчинъ, это вѣрно. Я вообще думаю, что зимой и лѣтомъ мужчины съ женщинами мѣняются ролями. Зимой благоразумнѣе мы. А лѣтомъ вы.

Суриковъ искоса взглянулъ на Вольскаго и, чтобы отвлечь старика отъ непріятныхъ мыслей, шутливо продолжалъ:

— Когда, напримѣръ, я вижу въ январскіе дни дамъ въ тоненькихъ чулкахъ и съ открытой шеей, мнѣ, знаете, начинаетъ казаться, будто мужчины и женщины представляютъ собой двѣ различныя расы. Которыя появились на свѣтъ на совершенно различныхъ широтахъ. Вы — подъ экваторомъ, а мы у полюсовъ.

— Замѣчательная теорія, — презрительно пробормотала Горева.

— Да. Ну, а затѣмъ, когда женщины, это самое, размножились на югѣ, а мужчины на сѣверѣ, обѣ эти группы начали передвигаться, стали искать новыхъ пастбищъ и столкнулись, наконецъ, въ центральной Европѣ. Въ Парижѣ, напримѣръ. Или въ Лондонѣ.

— Такъ. Я вижу, Николай Ивановичъ, что жара дѣйствуетъ на мужчинъ, и особенно на толстяковъ, очень неблаготворно.

— Погодите, господа... — проговорилъ Павелъ Андреевичъ, повернувшись въ сторону воротъ. — Кажется, они. Да. Идутъ. Хорошо, что не опоздали къ завтраку.

Молодые люди медленно направились къ тому

мѣсту, гдѣ сидѣли старшіе. У обоихъ лица были мрачныя. Видъ какой-то растерянный.

— Что-нибудь случилось? — здороваясь съ сыномъ, удивленно спросилъ Вольскій.

— Да... Была исторія, — не глядя въ глаза отцу, угрюмо пробормоталъ Сергѣй. — Вотъ, пусть Викторъ разскажетъ.

— А что такое?

— Ахъ, Павелъ Андреевичъ, — вздохнувъ, заговорилъ Шоринъ. — Не даромъ я не довѣряю этой Савойѣ. Представьте: на горѣ ночью какіе-то мошенники напали на насъ и ограбили. Отобрали пальто, плэды. А у Сережи, кромѣ того, отняли мѣшокъ.

— Что вы говорите? Не можетъ быть!

— Къ сожалѣнію, фактъ.

— Удивительно... А всѣ утверждаютъ, что населеніе въ Савойѣ очень приличное. Николай Ивановичъ, вы слышали?

— Я пораженъ...

— Вообще, можетъ быть населеніе здѣсь и приличное, — съ печальной ироніей въ голосѣ продолжалъ Шоринъ, — но иногда, очевидно, встрѣчаются парни и не особенно любезные. Вотъ, у Сергѣя, между прочимъ, отобрали и кошелекъ. Сколько у тебя было въ кошелькѣ, Сережа? Двѣсти франковъ?

— Нѣтъ, меньше. Около ста приблизительно

Сѣвъ на свободный стулъ, Викторъ съ негодованіемъ началъ излагать подробности возмутительнаго нападенія. Какъ оказывается, къ сумеркамъ молодые люди взобрались на вершину горы и расположились тамъ на травѣ, возлѣ обрыва. Спокойно просидѣли они до восхода солнца, мирно бесѣдуя... И, вдругъ, изъ-за скалъ снизу показалось нѣсколько фигуръ. Можетъ быть, это были пастухи. Можетъ быть, просто бандиты. Молча, не угрожая оружіемъ, бандиты окружили обоихъ туристовъ, приказали от-

дать все, включая деньги... И такъ какъ ихъ было восемь человѣкъ, то волей-неволей пришлось повиноваться. Слава Богу еще, что не сняли костюмовъ. Иначе была бы картина при возвращеніи домой!

Это просто невѣроятно, — со страхомъ сказала Ольга Петровна, выслушавъ повѣствованіе Шорина. — Въ такой культурной странѣ и такая гадость!

— Что-жъ, это не Англія, — добавилъ въ свою очередь Суриковъ. — Во Франціи до сихъ поръ не мало дикихъ угловъ.

— Въ такомъ случаѣ, дорогіе мои, — наставительно заговорилъ Павелъ Андреевичъ, обращаясь къ молодымъ людямъ, — я васъ очень прошу не ходить больше по ту сторону долины. Мы сюда пріѣхали вовсе не для того, чтобы развлекать мѣстныхъ хулигановъ.

— А я именно хочу еще разъ пойти, — не глядя ни на кого, твердо произнесъ Сергѣй. — Возьму револьверъ и отыщу негодяевъ.

— Что съ нимъ? — Горева съ изумленіемъ взглянула на Сергѣя. — Онъ одинъ будетъ ловить восьмерыхъ бандитовъ? И притомъ — послѣ плеврита?

— Нѣтъ, нѣтъ, Сережа, пожалуйста, не говори пустяковъ, — строго замѣтилъ Вольскій. — Викторъ, прошу васъ не подбивать моего сына на подобное сумасбродство.

— Я его не подбиваю, Павелъ Андреевичъ. Но что дѣлать, если онъ накалился. Вѣдь, ты накалился. Сережа, вѣрно?

Разумѣется.

Ну, вотъ. Вы бы сами посмотрѣли, Павелъ Андреевичъ, какъ онъ негодовалъ. Признаться по правдѣ, я даже не ожидалъ отъ него такой смѣлости. Отдавая кошелекъ, бранилъ ихъ, громилъ, и

даже заявилъ, что на-дняхъ вернется назадъ съ оружіемъ и перестрѣляетъ всѣхъ, какъ бѣшеныхъ собакъ. Сережа, было это или не было?

— Конечно, было. Я бы, пожалуй, не такъ разсердился, если бы они взяли только плэдъ и деньги. А то къ нимъ попали и кое-какія мои дѣловыя письма, которыя находились въ пальто. А этого я не могу оставить такъ.

— А я тебя не пущу, — сурово возвысилъ голосъ Павелъ Андреевичъ. — Если хочешь, дадимъ знать полиціи, она отыщетъ письма и вернетъ. Викторъ! Я запрещаю вамъ и ему ходить на ту сторону. Слышите?

— Слышу.

— Вы понимаете, что я не шучу?

— Я вижу, что шутки тутъ неумѣстны, Павелъ Андреевичъ.

— То-то же. Помните это. А теперь идите переодѣваться. Пора завтракать.

13.

Часамъ къ шести въ замокъ явился Лунинъ съ дочерью. Вольскій любезно принялъ гостей, распорядился подать на террасу чай и послѣ нѣкотораго обмѣна мнѣніями о погодѣ, о жарѣ, о дождяхъ разсказалъ въ присутствіи Сергѣя и Виктора о происшествіи съ молодыми людьми.

— Странно, очень странно, — выслушавъ Павла Андреевича, удивленно замѣтилъ профессоръ. — Конечно, и здѣсь бываютъ преступленія. Убійства изъ ревности, столкновенія на почвѣ семейныхъ раздоровъ. Но о такомъ ограбленіи, сказать правду, я въ первый разъ слышу.

— Папа, мы идемъ съ Наташей и съ Витей на

прогулку, — смущенно сказалъ Сергѣй, которому тяжело было возвращаться къ обсужденію вымышленной исторіи о бандитахъ.

— Отлично. Не уходите только далеко. Скоро будемъ обѣдать.

— Симпатичный молодой человѣкъ вышелъ изъ вашего мальчика, — одобрительно сказалъ Лунинъ, оставшись на террасѣ вдвоемъ съ Вольскимъ. — Теперь рѣдко встрѣтишь такихъ почтительныхъ застѣнчивыхъ юношей.

— Да, слава Богу, я имъ доволенъ. Мальчикъ чистый, хорошій. Не напрасно послѣ смерти жены я слѣжу за каждымъ его шагомъ. Но вамъ, я думаю, тоже не приходится жаловаться на свою дочь. Настоящая красавица, а въ то же время держится скромно, естественно.

— Это правда, жаловаться нѣтъ основаній, — съ довольной улыбкой согласился профессоръ. — Хотя она любитъ туризмъ и своими экскурсіями заставляетъ меня иногда безпокоиться, однако, въ общемъ мало похожа на современныхъ дѣвицъ. Вы сами знаете, какая теперь молодежь.

— Охъ, лучше и не говорите. — Вольскій вздохнулъ. — Именно отъ подобной молодежи я все время и оберегаю сына. Недавно въ Лондонѣ пришлось мнѣ побывать на одномъ благотворительномъ вечерѣ... Что за танцы теперь! По-моему, честное слово, свѣтопреставленіе близко.

— Да.... — согласился профессоръ. — Міръ безусловно сходитъ съ ума. Между прочимъ, танцы танцами, а вотъ чего я еще не переношу, это — какъ молодежь теперь одѣвается. Въ прошломъ году жили мы съ Наташей въ Эвіанѣ въ большомъ отелѣ, и я имѣлъ счастье наблюдать нравы. Нынѣшнія молодыя женщины почему-то вообразили, будто штаны основная принадлежность дамскаго платья. Въ наше вре-

мя всегда все было ясно уже издали: кто отецъ, кто мать, кто сынъ, кто дочь. А теперь? Всѣ одѣты одинаково, всѣ въ панталонахъ, стриженыя, плоскія, одинаково по-мужски курятъ, размахиваютъ руками. Попробуйте при такихъ обстоятельствахъ догадаться, особенно вечеромъ, въ полутьмѣ, кто къ кому вошелъ въ комнату. Мужъ къ мужу? Жена къ женѣ? Или чужой мужъ къ чужой женѣ? Или чужая супруга къ чужому мужу?

— Такъ, такъ. Потому-то и опасно теперь имѣть взрослыхъ дѣтей. Вотъ, если бы, напримѣръ, мой Сергѣй захотѣлъ жениться на вашей Наташѣ, а она согласилась бы выйти за него, я былъ бы въ восторгѣ. Покойная жена, между прочимъ, предсказывала, что это такъ и будетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ: много ли теперь приличныхъ дѣвушекъ? Кого изъ нихъ можно рекомендовать въ жены?

Пока старики бесѣдовали, порицая современные нравы и вспоминая прошлое время, молодые люди вышли за ограду замка, поднялись на ближайшій холмъ и оттуда по тропинкѣ стали спускаться къ ущелью. Шоринъ, пришедшій въ великолѣпное расположеніе духа отъ присутствія Наташи, всю дорогу безъ умолка говорилъ о себѣ, вспоминая свои исключительныя удачи въ области бокса, футбола и тенниса. Сергѣй же, наоборотъ, почти всю дорогу молчалъ и старался идти сзади, чтобы не мѣшать своему другу плѣнить сердце прекрасной собесѣдницы.

— Хорошо... Но если вы такой боксеръ, то почему же вы не отразили нападенія бандитовъ боксомъ? — съ притворнымъ удивленіемъ глядя на Виктора, спросила Наташа.

— Ну, да! — возмущенно отвѣтилъ тотъ, пригладивъ волосы, отъ волненія разметавшіеся по всей головѣ. — Какъ-же мнѣ было драться съ ними, если они не знаютъ самыхъ элементарныхъ пріемовъ?

Подойдя къ обрыву, молодые люди сѣли на стволъ поваленнаго бурей дерева и нѣкоторое время молча любовались видомъ на мрачные извивы ущелья.

— Скажите, Сережа, — спросила, наконецъ, Наташа. — Вы когда-нибудь летали на аэропланѣ?

— Нѣтъ, никогда.

— А вы, Викторъ Степановичъ?

— Я? Конечно.

— Много разъ?

— Разъ десять... Двѣнадцать.

Сергѣй удивленно взглянулъ на пріятеля, но ничего не сказалъ.

— А вокругъ свѣта вы ни съ кѣмъ не летали?

— Не приходилось. Думаю, однако, что не полетѣлъ бы, даже если бы представилась возможность. Очень ужъ скучно. Наверху или тучи, или голубое небо и звѣзды. А внизу все время какіе-то географическіе контуры. Нѣтъ, гораздо лучше для путешествій автомобиль. Взялъ, напримѣръ, машину лучшей марки, сѣлъ за руль — и въ путь. Одно государство проѣхалъ, другое проѣхалъ, третье. Пустыни по дорогѣ, перевалы, степи...

— А я охотно полетѣла бы, напримѣръ, на полюсъ, — обращаясь къ Сергѣю, серьезно проговорила Наташа. — Теперь, когда путешественники могутъ сноситься съ оставшимися близкими по радіо, все это такъ интересно... Подумайте: люди отдѣлены океанами, льдами, а оставшіеся здѣсь слѣдятъ за ними, узнаютъ объ успѣхахъ, неудачахъ... Какъ мы сейчасъ далеко ушли отъ положенія прежнихъ мореплавателей! Отплывали они, исчезали, и по нѣсколько мѣсяцевъ, даже по нѣсколько лѣтъ — никакихъ вѣстей. Гдѣ? Что съ ними?

Наташа, вдругъ, прервала рѣчь, покраснѣла. Ей показалось страннымъ: откуда такое краснорѣчіе? И

почему такой поэтическій тонъ? Тряхнувъ головой и пренебрежительно разсмѣявшись, она взглянула на возвышавшуюся надъ обрывомъ скалу и весело спросила:

— А вы, господа, взбирались на этотъ пикъ?

— На этотъ? Нѣтъ, не взбирались, — отвѣтилъ Сергѣй.

— Какъ не взбирались? — Викторъ обидѣлся. — Я взбирался, конечно.

— Когда же? Не помню.

— Ясно, почему не помнишь. Я лазилъ туда одинъ, когда ты сидѣлъ дома и писалъ стихи.

— А я любила, вскарабкавшись на него, опускать ноги внизъ, въ пропасть, и сидѣть такъ. Сережа, хотите, полѣземъ?

— Нѣтъ. Я не спортсмэнъ.

— Да, знаю. Поэты любятъ только описывать все возвышенное, но не испытывать. А вы?

— Я? — Шоринъ мелькомъ взглянулъ на скалу, на которой никогда еще не бывалъ. — Съ удовольствіемъ... Къ сожалѣнію, только, для этого костюмъ нуженъ былъ бы другой... И палка. Но, во всякомъ случаѣ, пожалуйста.

Наташа легко, граціозно начала взбираться по уступамъ скалы. Не прошло и десяти минутъ, какъ она уже стояла наверху стройная, бѣлая, точно горная фея, и съ улыбкой смотрѣла, какъ медленно, неуклюже, хватаясь руками за уступы и вѣтви молодыхъ сосенъ, къ ней пробирался Викторъ.

Сергѣй присѣлъ у основанія скалы и съ притворнымъ равнодушіемъ сталъ ждать возвращенія спутниковъ. Конечно, онъ тоже могъ бы подняться, это не такъ трудно. Но отвѣсныхъ обрывовъ и пропастей онъ не любилъ. Кружилась голова, возникало отвратительное ощущеніе тошноты. А, кромѣ того, съ какой стати онъ будетъ исполнять прихоти этой

сумасбродной дѣвицы? Вотъ, если бы тутъ была Кэтъ... Дѣло другое. Что съ ней сейчасъ? Ѣздитъ, навѣрно, по Парижу. Осматриваетъ музеи, дворцы. А, можетъ быть, грустно сидитъ въ паркѣ, смотритъ на фонтанъ и думаетъ о немъ?..

Сергѣй бросилъ взглядъ наверхъ, гдѣ находилась Наташа, но затѣмъ, точно испугавшись, опустилъ голову и грустно началъ разсматривать росшую вокругъ траву. Вотъ, муравей ползетъ внизу.... Тащитъ громадную ношу. Ноша гораздо больше его, чувствуется, что не подъ силу. Но упрямецъ не впадаетъ въ отчаяніе, лѣзетъ. Какъ ему страшно среди всѣхъ этихъ зарослей! Трава для него — дремучій лѣсъ. Стебли — стволы деревьевъ. А на вершинахъ нѣкоторыхъ деревьевъ — гигантскіе цвѣты. Въ сотни разъ больше него... Удивительно.

— Сережа! — крикнула Наташа. — Идите сюда!

Онъ радостно приподнялъ голову. Но затѣмъ нахмурился.

— А вы долго будете сидѣть тамъ?

— Здѣсь чудесно! Какой видъ, если бы вы знали!

Молодой человѣкъ лѣниво всталъ, нехотя сталъ подниматься.

— Ну, вотъ, видите, — сказала она, когда Сергѣй, стараясь сдержать ускоренное дыханіе, появился наверху. — Ничего труднаго. А хининъ вы съ собой захватили?

— Какой хининъ? А, да... — онъ усмѣхнулся и укоризненно посмотрѣлъ на Виктора. — Это онъ наклеветалъ. Откуда вообще у человѣка берется фантазія? А вы все-таки не стойте такъ близко къ обрыву. Упадете.

— Не бѣда. Погибну, похоронятъ. Если хотите, я еще ближе могу стать.

Она подошла къ краю скалы, наклонилась впе-

редъ, разглядывая протекавшій далеко внизу бурный потокъ.

— Можно было бы спуститься и туда, на тотъ выступъ. Но для этого нужны другіе башмаки. Смотрите, Сережа, какіе смѣшные цвѣты. Я никогда не видала такихъ.

— Эдельвейсъ? — спросилъ Викторъ, осторожно подходя къ обрыву.

— Что вы... эдельвейсъ! Наши мѣста слишкомъ низки для эдельвейсовъ. Видите, вотъ: красноватые, безъ листьевъ. Будто искусственные.

Она спокойно сѣла на выступъ, свѣсила ноги въ пропасть, начала поправлять прическу.

— Хорошая площадка здѣсь, — стоя сзади Наташи, проговорилъ Шоринъ. — Смотрите: ровная, гладкая. Можетъ быть, господа, потанцуемъ? — Онъ извлекъ изъ горла нѣсколько хриплыхъ нотъ, стараясь изобразить звуки танца, вытянулъ впередъ руки, болтнулъ въ воздухѣ одной ногой, другой, сдѣлалъ нѣсколько па румбы, но осторожно, чтобы не приблизиться къ обрыву. И, замѣтивъ, что въ его спутникахъ это предложеніе не находитъ никакого отклика, сѣлъ на камень, вздохнулъ и дѣловито спросилъ:

— А, можетъ быть, на-дняхъ поѣхать компаніей въ Шамони?

— Я не очень люблю Шамони, — поморщившись произнесла Наташа. — Слишкомъ много народу. И ущелье неуютное. Вотъ, если хотите, соберемся какъ нибудь на вершину Монблана. Поднимемся сначала по телеферику, затѣмъ къ Гранъ Мюле, на Коль дю Домъ... Это, дѣйствительно, интересно. Ну, Викторъ Степановичъ, сломайте мнѣ гдѣ-нибудь палку. Я все таки хочу достать цвѣтокъ.

— Палку? Палкой все равно не достанете.

— А вотъ увидите. Поищите.

— Хорошо. Если вамъ хочется... Конечно, будь тутъ какое-нибудь деревцо, я бы просто ухватился за вѣтку, повисъ бы надъ пропастью и сорвалъ бы. Но, къ сожалѣнію, здѣсь ничего нѣтъ.

— А вы найдите что-нибудь... Вотъ, видите, большой кустъ растетъ. Впрочемъ, не нужно. Я сама.

Наташа вскочила, прошла по скалѣ, отломила небольшую вѣтвь, вернулась назадъ.

— Если не сорву, то собью, во всякомъ случаѣ, — пробормотала она, снова садясь на край выступа. — Ну-ка, попробуемъ.

— Послушайте... Не дѣлайте этого, — взволнованно произнесъ Сергѣй.

— Дайте лучше мнѣ, — нерѣшительно добавилъ Шоринъ.

— Вотъ, если немного еще протянуть... Если чуть-чуть длиннѣе... Или ухватиться рукой за камень...

Она вдругъ отбросила въ сторону вѣтку. Громко вскрикнула. Подняла обѣ руки. И, соскользнувъ съ уступа, исчезла внизу.

— Господи! — въ ужасѣ прошепталъ Викторъ, отшатнувшись отъ обрыва. — Погибла!

— Упала? — воскликнулъ Сергѣй, бросаясь впередъ.

Онъ легъ на скалу, подползъ къ краю и увидѣлъ, какъ Наташа, плотно прислонившись къ скалѣ, стояла на крошечномъ выступѣ, подъ которымъ начинался отвѣсный обрывъ до самой рѣки.

— Витя, держи меня за ноги! — повелительно крикнулъ Сергѣй. — Наташа! Не двигайтесь! Поднимите ко мнѣ руки! Витя, обопрись крѣпче, не выпускай!

Шоринъ тянулъ своего друга за ноги, сползая назадъ, а Сергѣй тянулъ, въ свою очередь, Наташу. Когда корпусъ дѣвушки уже былъ благополучно пе-

ретянуть на скалу, Сергѣй съ мрачнымъ видомъ отошелъ всторону, а Викторъ галантно бросился помогать.

— Исцарапали руки? — участливо спросилъ онъ.

— Нѣтъ, пустяки. А вы, Сережа, герой. Только знаете, что? Напрасно мнѣ помогали. Тамъ отлично можно пройти по краю и добраться до безопаснаго мѣста.

Она лукаво посмотрѣла на обоихъ молодыхъ людей и со смѣхомъ добавила:

— Вѣдь, это же трюкъ. Развѣ не догадались? Я нарочно соскользнула на выступъ. Раньше часто такъ дѣлала.

— Что жъ, очень мило. — Сергѣй нахмурился. — Теперь будемъ знать... Ну, пора домой. Идемъ.

Всѣ трое молча стали спускаться.

14.

— Викторъ, а гдѣ Сережа? — спросилъ Павелъ Андреевичъ.

Это было на слѣдующій день, когда всѣ собрались въ столовой къ завтраку.

— Не знаю. Мы съ Николаемъ Ивановичемъ были въ виноградникѣ.

— Бетси, вы уже два раза звонили въ гонгъ?

— Два, сэръ.

— Навѣрно, задержался гдѣ-нибудь на прогулкѣ, — весело высказалъ предположеніе Шоринъ, принимаясь за ѣду. — Между прочимъ, вчера Наташа показала намъ новыя мѣста недалеко отъ замка. Очень интересна одна скала, напримѣръ. Крутой обрывъ къ рѣкѣ, а наверху голая площадка. Отличное испытаніе для нервовъ.

— Ну, нервы Сергѣя меня не безпокоятъ. Но я не хотѣлъ бы, чтобы онъ рисковалъ своей головой.

— Между прочимъ, господа... — равнодушно проговорила Ольга Петровна. — Я видѣла Сергѣя часъ тому назадъ выходящимъ изъ воротъ съ мѣшкомъ за спиной и съ палкой.

— Куда же онъ могъ идти съ мѣшкомъ?

— Не знаю, куда онъ могъ идти съ мѣшкомъ. Только, увидѣвъ меня, Сергѣй попросилъ передать Виктору Степановичу, чтобы онъ не искалъ своего браунинга. Браунингъ Сергѣй взялъ съ собой.

— Браунингъ?

Павелъ Андреевичъ встревожился. Пытливо посмотрѣлъ на Шорина.

— А для чего ему браунингъ? Неужели отправился туда, гдѣ у него отобрали бумажникъ?

— Не думаю, чтобы Сережа на это рѣшился, — задумчиво проговорилъ Викторъ. — Вчера вечеромъ, правда, онъ возобновлялъ со мною бесѣду на эту тему, но я, помня ваше предупрежденіе, прекратилъ разговоръ въ самомъ началѣ.

Весь день Павелъ Андреевичъ просидѣлъ на площадкѣ замка съ газетой въ рукѣ, дѣлая видъ, что читаетъ. Но по мѣрѣ того, какъ приближался вечеръ, въ душѣ старика росла тревога. Время отъ времени онъ украдкой взглядывалъ на спускъ, который велъ къ воротамъ замка, и быстро оборачивался каждый разъ, когда гдѣ-нибудь сзади раздавались шаги.

Въ восемь часовъ сѣли за обѣдъ и опять заговорили о Сергѣѣ. Вольскій уже склонялся къ мысли дать знать въ полицію. Но его удерживало одно соображеніе: а, вдругъ, сынъ просто скрывается гдѣ-нибудь, чтобы заставить отца безпокоиться? Въ такомъ случаѣ, обратившись въ полицію, можно попасть въ неловкое положеніе.

— Разрѣшите предложить слѣдующее, Павелъ

Андреевичъ, — участливо сказалъ Викторъ. — Я подожду до полуночи, и если Сережа не вернется, отправлюсь на розыски.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Павелъ Андреевичъ задумался. До сихъ поръ у него было довольно сильное подозрѣніе противъ Шорина: не является ли тотъ соучастникомъ во всей этой исторіи? Однако, послѣднее предложеніе, высказанное вполнѣ искреннимъ тономъ, растрогало старика.

— Это было бы хорошо, конечно... — нерѣшительно проговорилъ онъ. — Но только... Развѣ вы найдете ночью дорогу на гору?

— Ночью? Гм... Въ самомъ дѣлѣ... Ночью, пожалуй, можно сбиться.

— Если угодно, я тоже пойду съ Викторомъ Степановичемъ, — растерянно произнесъ, въ свою очередь, Николай Ивановичъ, боясь, что шефъ согласится принять отъ него эту любезность. — Можетъ быть, мы вдвоемъ... Какъ-нибудь...

— Оставьте. Куда вамъ! — Вольскій пренебрежительно оглядѣлъ округлую фигуру секретаря. — Вы отъ почты едва взбираетесь къ замку, а тутъ... Кромѣ того, чтобы ходить ночью по горѣ, нужно предварительно побывать тамъ не разъ. Дрянной мальчишка! — неожиданно воскликнулъ старикъ, стукнувъ кулакомъ по столу. — Пусть вернется, я ему покажу!

Онъ порывисто всталъ изъ-за стола и при тягостномъ молчаніи оставшихся вышелъ изъ комнаты. Черезъ минуту послышалось, какъ хлопнула дверь его кабинета.

— Какъ вы думаете, Ольга Петровна, попытаться намъ все-таки искать его сегодня? — тревожнымъ шопотомъ спросилъ Николай Ивановичъ.

— Искать въ горахъ можно все, — сухо отвѣтила старуха. — Но найти — дѣло другое.

Павелъ Андреевичъ сидѣлъ у себя въ спальнѣ передъ столомъ и, стараясь отвлечься отъ мрачныхъ мыслей, перелистывалъ новый номеръ иллюстрированнаго журнала. Затѣмъ, закрывъ журналъ, взялся за подвернувшуюся подъ руку книгу, прочелъ нѣсколько строкъ, ничего не понялъ и отбросилъ книгу въ сторону.

— Хорошъ сынокъ, очень хорошъ, — пробормоталъ онъ, вставъ съ кресла и начавъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. — Конечно, это нарочно, чтобы отомстить. Не пустилъ въ Парижъ, вотъ и получай.

Онъ остановился около кровати въ раздумьи: ложиться ли?

— А, главное, Сергѣй вовсе не такой храбрецъ, чтобы идти одному противъ хулигановъ, да притомъ ночью, — снова вернулся къ мыслямъ о сынѣ Вольскій. — Очевидно, отказъ сильно задѣлъ самолюбіе. Да и не стоило, въ самомъ дѣлѣ, такъ обижать мальчика. Какіе-то пустяки, три тысячи. А вѣдь онъ поведенія скромнаго... Не бѣда, если бы и побывалъ одинъ въ Парижѣ.

Раскаяніе стало мучить старика. Онъ отошелъ отъ кровати, опять прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, опять остановился.

— Но упрямство... Упрямство, все-таки, нужно изъ него выбить. Откуда такой ужасный характеръ? Въ кого?

Павелъ Андреевичъ задумался. Покойная жена была женщина мягкая, тихая. Всегда уступала мужу во всемъ, никогда не спорила, избѣгала даже возможности какихъ-либо мелкихъ конфликтовъ. Не даромъ ее всѣ такъ любили, считали святой женщиной...

— Значитъ, въ меня? — сообразилъ, наконецъ, старикъ. — Очевидно. Ну, да все равно, впрочемъ. Что будетъ, то будетъ.

Онъ тряхнулъ головой, снова подошелъ къ кровати, твердо рѣшивъ ложиться. И, вдругъ, гдѣ-то, не то за стѣной, не то въ коридорѣ, ясно услышалъ кашель сына.

Онъ быстро подошелъ къ двери, раскрылъ настежь.

— Сережа, ты?

Въ коридорѣ было свѣтло. Электрическая лампочка горѣла въ противоположномъ концѣ, у поворота. Но нигдѣ никого не было.

Старикъ подошелъ къ пустой сосѣдней комнатѣ, открылъ дверь, зажегъ электричество, осмотрѣлся: здѣсь тоже никого.

— Нервы расшатались, — нахмурившись, подумалъ онъ. — До чего довелъ отца негодный!

Онъ вернулся къ себѣ, подошелъ къ столу, остановился въ раздумьи. И, вдругъ, снова услышалъ... Уже не кашель, а отдаленные звуки пѣнья Сергѣя. Это, безусловно, онъ. Его любимая мелодія. Изъ какой-то оперы...

— Чортъ возьми, я схожу съ ума!

Вольскій испуганно оглянулся по сторонамъ, подошелъ къ кнопкѣ электрическаго звонка, позвонилъ.

— Что угодно, сэръ? — спросила горничная.

— Бетси... Мой сынъ, случайно, не вернулся?

— Нѣтъ, сэръ.

— Мнѣ казалось, будто я слышалъ его голосъ. Пойдите, провѣрьте.

— Слушаю, сэръ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ дверь раздался стукъ. Это былъ Николай Ивановичъ, которому Бетси разсказала о порученіи хозяина.

— Сергѣя Павловича до сихъ поръ нѣтъ, — почтительно доложилъ секретарь, стараясь не придавать своему голосу ни слишкомъ большой тревоги, ни излишней жизнерадостности. — Я входилъ къ нему въ комнату, былъ у Шорина, затѣмъ прошелся по саду.

— Спасибо, дорогой мой. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Павелъ Андреевичъ.

Раздѣвшись и потушивъ свѣтъ, старикъ долго не могъ уснуть. Ему нѣсколько разъ опять показалось, будто гдѣ-то вдали тихо напѣваетъ Сергѣй. Будто кто-то ходитъ, передвигаетъ стулья. Натянувъ на себя одѣяло, Вольскій прикрылъ ухо, сдѣлалъ усиліе, чтобы отвлечься отъ мыслей о сынѣ, и тяжело забылся, наконецъ.

Утромъ, когда Бетси принесла чашку чая, онъ противъ обыкновенія заговорилъ съ нею.

— Почта пришла?

— Да, сэръ. Она внизу, въ столовой.

— И письма есть?

— Есть.

— Хорошій день сегодня. А кстати, мой сынъ дома?

— Нѣтъ, не вернулся.

Письмо было изъ Парижа отъ Жоржа, сына Ольги Петровны. Жоржъ писалъ одновременно дядѣ и матери, что внѣ очереди, неожиданно получаетъ отпускъ и, пользуясь приглашеніемъ, пріѣдетъ въ замокъ на-дняхъ.

— Счастливая Ольга... — думалъ старикъ, сидя въ столовой и съ завистью глядя на сосредоточенно поглощавшую свой утренній завтракъ кузину. — Сынъ уже взрослый. Самостоятельный. Не нужно слѣдить за поведеніемъ. А этотъ мальчишка... Неужели, дѣйствительно, сбѣжалъ? Откуда такая жесто-

кость? Если же не сбѣжалъ, то невозможно сидѣть сложа руки. Каждая минута дорога...

Выйдя на террасу, онъ подозвалъ секретаря и вполголоса, чтобы не слышала Ольга Петровна, спросилъ:

— Ну, что? Осматривали замокъ?

— Все осмотрѣлъ.

— На чердакѣ были?

— Былъ. Заходилъ въ оранжерею, въ птичникъ, во всѣ пристройки. Нигдѣ нѣтъ.

— Такъ. Что же теперь дѣлать, по-вашему?

— Я бы предложилъ слѣдующее... Мы съ Викторомъ возьмемъ автомобиль, отправимся на ту сторону, объѣдемъ гору и разспросимъ жителей. Быть можетъ это дастъ благопріятные результаты...

— Хорошо. Сговоритесь и поѣзжайте.

Черезъ полчаса Суриковъ уѣхалъ съ Шоринымъ на розыски. Сначала, ссылаясь на отличное знакомство съ окрестностями злосчастной горы, Викторъ предложилъ себя въ качествѣ руководителя поѣздки; но когда Джекъ, довѣрившись его указаніямъ, свернулъ съ шоссе на какую-то проселочную дорогу и чуть не застрялъ въ пескѣ, уткнувшись въ заброшенную каменоломню, откуда выхода не было, Николай Ивановичъ рѣшилъ взять иниціативу въ свои руки. До пяти часовъ вечера они безплодно носились по горнымъ дорогамъ, нѣсколько разъ возвращаясь на тѣ мѣста, гдѣ уже побывали; часто останавливались, безрезультатно разспрашивали мѣстныхъ жителей. И, наконецъ, усталые, голодные, вернулись въ замокъ.

— Въ такомъ случаѣ, — выслушавъ грустное донесеніе секретаря, хмуро сказалъ Вольскій, — пройдемте ко мнѣ въ кабинетъ. У меня есть къ вамъ порученіе.

Предложивъ Николаю Ивановичу сѣсть, ста-

рикъ плотно прикрылъ дверь кабинета и, расположившись въ креслѣ у письменнаго стола, началъ:

— Дѣло вотъ въ чемъ. Прежде всего то, о чемъ я вамъ скажу, останется между нами.

— Слушаю.

— О моемъ планѣ никто не долженъ знать въ замкѣ. Ни Ольга Петровна, ни тѣмъ болѣе Шоринъ. Хотя этотъ мальчишка и кажется вполнѣ искреннимъ, но, въ концѣ концовъ, кто его знаетъ.

— Понимаю...

— Въ ваше отсутствіе я обдумалъ, какъ поступить дальше, если вы вернетесь ни съ чѣмъ. Такъ какъ у меня нѣтъ увѣренности, что сынъ не вздумалъ подшутить надо мной, я рѣшилъ не обращаться въ мѣстную полицію. Не къ чему компрометировать свое имя. Между тѣмъ, когда мы были въ Парижѣ, мсье Камбонъ какъ-то разсказывалъ намъ различныя исторіи про одного извѣстнаго парижскаго сыщика. Детективъ этотъ, насколько помню, французъ, но мать его русская; въ Россіи, передъ революціей онъ, кажется, началъ свою карьеру. Такъ, вотъ, будьте добры, Николай Ивановичъ... Отправьтесь на почту, попросите соединить васъ съ Парижемъ и вызовите Камбона. Я не хочу, чтобы вы говорили отсюда, изъ замка. Попросите Камбона немедленно разыскать сыщика и срочно направить сюда. Хорошо было бы, чтобы тотъ выѣхалъ сегодня же вечеромъ. Въ случаѣ, если сынъ мой вернется, я вознагражу детектива и отправлю назадъ. Если же Сергѣй не вернется, тотъ сейчасъ же примется за работу, и, Богъ дастъ, выяснитъ все.

— Превосходный планъ, Павелъ Андреевичъ.

— Да... Только вотъ что еще. Я не хочу, чтобы здѣсь кто-нибудь зналъ, что онъ сыщикъ. Вы должны встрѣтить его на станціи и предупредить объ этомъ. Пусть для всѣхъ въ замкѣ онъ будетъ вашимъ лич-

нымъ другомъ, котораго вы пригласили въ гости съ моего согласія. Поняли?

— Понялъ, Павелъ Андреевичъ.

— Ну, а теперь не теряйте времени и отправляйтесь. Спасибо вамъ.

— Не за что... Иду сію минуту.

15.

Утромъ, на слѣдующій день, одѣтый по-дорожному, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, Шоринъ подошелъ къ Вольскому и сказалъ съ участливой почтительностью въ голосѣ:

— Я вернусь, навѣрно, поздно вечеромъ, Павелъ Андреевичъ. Иду разыскивать Сергѣя.

— Хорошо, мой другъ. Возьмите только съ собой ѣду.

— Я уже запасся, спасибо.

— Павелъ, а ты уже далъ знать въ полицію? — спросила сидѣвшая вблизи Ольга Петровна.

— Пока нѣтъ. Я все-таки надѣюсь, что Сергѣй сегодня или завтра вернется.

Викторъ ушелъ. Выйдя на шоссе, онъ спустился по тропинкѣ въ лѣсъ, повернулъ тамъ въ сторону и вышелъ опять на шоссе вблизи замка, гдѣ начинался старый фруктовый садъ. Тутъ, углубившись въ заросли и отыскавъ возлѣ большого бѣлаго камня густой кустъ ежевики, онъ нагнулся, раздвинулъ вѣтви и поднялъ жестяную коробку изъ-подъ бисквитовъ.

Въ коробкѣ была записка:

— «Все благополучно. Началъ романъ. Сейчасъ около двѣнадцати часовъ ночи, я немного погуляю и лягу спать. Кстати, консервы, купленные нами — дрянь. А какъ наверху? Навѣрно, очень безпокоятся.

Мнѣ немного совѣстно, но что дѣлать: уже ничего не измѣнишь».

Шоринъ улыбнулся, перечелъ посланіе друга, вынулъ изъ кармана зажигалку и сжегъ записку. Затѣмъ присѣлъ возлѣ куста, переложилъ изъ мѣшка въ жестянку свѣжій хлѣбъ, ломоть ростбифа, ветчину, и прикрылъ коробку крышкой, аккуратно перевязавъ ее веревкой.

— Ну, на сегодня тебѣ хватитъ, — удовлетворенно пробормоталъ онъ, пряча жестянку внутрь куста и тщательно расправляя вѣтви. — А теперь — въ путь.

Онъ поднялся съ земли и внимательно оглянулся по сторонамъ. Хотя мѣсто и глухое, однако, осторожность соблюдать слѣдуетъ. А, вдругъ, кто-нибудь изъ любителей уединенныхъ прогулокъ пройдетъ вдали, по вершинѣ холма, и увидитъ?

Весь день до вечера Викторъ пробродилъ въ горахъ. Вернувшись домой, онъ печально сообщилъ Вольскому, что обошелъ почти всѣ мѣста, окружающія вершину горы, заходилъ на нѣкоторыя фермы для справокъ, но безрезультатно. Савояры, какъ и вчера, не могли сообщить никакихъ свѣдѣній.

— Если Сергѣй сегодня не вернется, я отправлюсь и завтра, — добавилъ рѣшительно онъ. — Нужно будетъ обойти гору съ юга.

— Отлично. Спасибо.

Павелъ Андреевичъ не возлагалъ уже никакихъ надеждъ на экспедиціи Шорина и съ нетерпѣніемъ ждалъ пріѣзда сыщика, который обѣщалъ Камбону выѣхать черезъ пять дней, какъ только закончитъ очередныя спѣшныя дѣла.

Между тѣмъ, наступалъ третій вечеръ пребыванія Сергѣя въ добровольномъ одиночномъ заключеніи. Первую и вторую ночь онъ провелъ здѣсь отлично. Сначала, правда, было ощущеніе нѣкоторой

безотчетной боязни — мало ли что случается въ этихъ подземельяхъ! Но до сихъ поръ не только не было слышно никакихъ странныхъ звуковъ, но даже не тревожили крысы. Ядъ, купленный у Лунина, дѣйствовалъ великолѣпно.

Уже привыкнувъ къ своему помѣщенію, Сергѣй спокойно встрѣчалъ третью ночь. Плотно завѣсивъ окно плэдомъ, онъ зажегъ свѣтъ и сѣлъ къ столу продолжать романъ. Конечно, начало было не легкимъ. Во-первыхъ, трудно запомнить имена дѣйствующихъ лицъ. Лучше всего ихъ записать отдѣльно, чтобы каждый разъ не справляться въ текстѣ — какъ кого звать. Во-вторыхъ, по первымъ строкамъ читатель всегда судитъ о дальнѣйшемъ, поэтому нельзя начинать съ длинныхъ художественныхъ описаній или съ біографій: это легко можетъ отбить у публики охоту къ чтенію.

— Нѣтъ, лучше зачеркнуть всѣ красоты природы и сдѣлать иначе,—внимательно перечитавъ вступленіе, съ досадой пробормоталъ Сергѣй. — Нужно сразу же заинтриговать, ударить по нервамъ.

Онъ вспомнилъ совѣтъ Виктора, разорвалъ первыя страницы и началъ такъ:

«Робертсону его комната въ отелѣ понравилась. Желая переодѣться, онъ раскрылъ чемоданъ, желая вынуть оттуда костюмъ, и отшатнулся: сбоку, между краемъ чемодана и полосатыми брюками, лежала окровавленная нога неизвѣстнаго джентльмэна».

Сергѣй написалъ это, крякнулъ отъ удовольствія и откинулся на спинку стула.

— Вотъ это дѣло другое, — удовлетворенно подумалъ онъ. — Читатель сразу же заинтересуется и спроситъ себя: почему нога? Чья? Правая или лѣвая?

Да, въ общемъ нога превосходна, словъ нѣтъ. Но одно непріятно: какъ ему самому, автору, дога-

даться, откуда она появилась? Правда, во всѣхъ такихъ случаяхъ объясненіе должно появиться только въ концѣ. Но рано или поздно конецъ наступитъ, и тогда все равно придется отчитываться. Въ этихъ уголовныхъ романахъ трудно именно то, что разгадка должна логически связываться со всѣмъ изложеніемъ, чтобы не быть глупой. Художественныя произведенія въ этомъ отношеніи гораздо легче. Описывай птичекъ, небо, восходъ солнца, а если дѣйствія нѣтъ, то все равно читатель не будетъ въ претензіи. Скажетъ, что такова литературная школа, къ которой принадлежитъ авторъ, и дѣло съ концомъ.

— Очевидно, здѣсь, какъ и въ простыхъ сочиненіяхъ, лучше всего заранѣе набросать планъ, — послѣ нѣкотораго раздумья рѣшилъ, наконецъ, Сергѣй. — Разработать планъ, составить списокъ дѣйствующихъ лицъ и послѣ этого уже дать волю фантазіи.

Онъ со вздохомъ взялъ листъ чистой бумаги и углубился въ работу. «Глава первая, — написалъ онъ. — Чемоданъ. Нога. Удивленіе Робертсона. Обѣдъ въ общей столовой. Подозрительный сосѣдъ въ черныхъ очкахъ. Глава вторая. Робертсонъ...»

Сергѣй положилъ стило на столъ, всталъ, и, прошелся по комнатѣ, обдумывая, что дѣлалъ во второй главѣ Робертсонъ. Однако, мысли стали почему-то уходить въ сторону отъ темы. Сначала представилось, какъ это будетъ хорошо, когда работа придетъ къ концу. Въ книгѣ навѣрно будетъ страницъ триста-четыреста. Издатель, прочитавъ рукопись, съ изумленіемъ скажетъ: «Браво! Браво! Не ожидалъ. Такой вещицы, съ такимъ оригинальнымъ содержаніемъ, я давненько не читывалъ!»

Книгу самъ Сергѣй переведетъ сейчасъ же на англійскій языкъ, и она сразу разойдется въ ста тысячахъ экземплярахъ. Придется спѣшно выпускать

второе изданіе, затѣмъ третье. Читатели, встрѣчая его, Сергѣя, гдѣ-нибудь въ литературномъ клубѣ или просто на улицѣ, станутъ съ любопытствомъ оборачиваться и шептать другъ другу: «это онъ, видите? Какой красивый и симпатичный!» Кэтъ немедленно перемѣнитъ свое отношеніе. До сихъ поръ проявляла обидное пренебреженіе, особенно, когда дѣло касалось спорта. А послѣ книги пойметъ, что не только въ спортивной области люди могутъ обнаруживать незаурядный талантъ. Она скажетъ: «Мой милый, я ошибалась въ васъ, Я васъ люблю. Вы замѣчательный человѣкъ». Да только ли Кэтъ? Эта самая Наташа тоже начнетъ смотрѣть съ благоговѣніемъ. Тоже полюбитъ... Впрочемъ, ея отношеніе неважно... Вотъ, досадно только, если Кэтъ уѣдетъ изъ Парижа раньше, чѣмъ здѣсь окончится вся эта исторія. Недѣля прошла. Осталось всего три. А, вдругъ, что-нибудь не такъ произойдетъ, какъ они предполагали съ Викторомъ?

Сергѣй неожиданно остановился, съ испугомъ прислушался: ему показалось, что гдѣ-то вблизи за стѣной, раздавались шаги.

— Странно. Можетъ быть, внутри стѣны пустота и звуки идутъ сверху изъ кухни?

Онъ присѣлъ къ столу, взялся за стило, но никакъ не могъ сосредоточиться.

— Все-таки трудно писать въ такихъ нелѣпыхъ условіяхъ, — съ досадой подумалъ онъ. — Другіе писатели работаютъ спокойно, въ уютномъ кабинетѣ, при нормальной обстановкѣ. А тутъ — сидишь какъ въ тюрьмѣ, ѣшь скверные консервы, прислушиваешься ко всякимъ звукамъ, да еще угрожаешь отцу разбойниками. Кромѣ того, эти предметы на столѣ ужасно развлекаютъ. Бумага. Карандаши. Лампа. Кажется, Жанъ Жакъ Руссо, когда обдумывалъ свои

произведенія, обязательно тушилъ свѣтъ, чтобы сконцентрировать мысли... Это хорошая идея.

Сергѣй протянулъ руку къ лампѣ, повернулъ выключатель, сталъ представлять, что же дѣлалъ во второй главѣ Робертсонъ? Но не успѣлъ онъ обдумать содержаніе этой главы, какъ вдругъ произошло нѣчто странное. Гдѣ-то недалеко, въ углу, раздалось шуршанье. Затѣмъ что-то звякнуло...

— Какъ будто свѣтъ?

Онъ вскочилъ, выдвинулъ ящикъ стола, взялъ оттуда браунингъ и, направивъ дуло въ уголъ, застылъ на мѣстѣ.

16.

На мгновеніе воцарилась тишина. Затѣмъ послышался скрипъ, свѣтящаяся щель въ углу стала расширяться, и часть пола въ видѣ квадратнаго люка откинулась къ стѣнѣ.

— Кто здѣсь? — крикнулъ Сергѣй.

Онъ хотѣлъ предупредить, что будетъ стрѣлять, но въ изумленіи выпустилъ изъ рукъ револьверъ. Въ отверстіи люка показалась знакомая женская фигура.

— Наташа? Вы?

Онъ зажегъ свѣтъ. Наташа съ растеряннымъ видомъ стояла на мѣстѣ, не двигаясь. Первымъ ея желаніемъ было притянуть къ себѣ крышку люка и скрыться. Но поздно. Сергѣй все равно увидѣлъ ее.

— А я думала... Никого нѣтъ...

Она въ нерѣшительности постояла нѣкоторое время на ступенькѣ лѣстницы, затѣмъ смущенно улыбнулась и медленно поднялась въ комнату.

— Какимъ образомъ вы попали сюда, Сережа?

— Я? Я... очень просто. А вы какъ?

Онъ увидѣлъ на спинкѣ стула свою пижаму, скомкалъ ее и кинулъ на полку. Затѣмъ легкимъ движеніемъ ноги забросилъ подъ диванъ мягкія туфли и подѣнялъ съ пола револьверъ.

Наташа съ любопытствомъ оглядѣла комнату и остановила взглядъ на письменномъ столѣ, на которомъ въ безпорядкѣ лежали исписанные листы бумаги.

— Это не такъ легко объяснить, — проговорила она. — А вы недовольны, что я хожу по вашимъ владѣніямъ?

— Что вы. Я не о томъ...

— Да, это неприлично, дѣйствительно. Не получивъ разрѣшенія... Но мнѣ нужно было здѣсь кое-что взять. Видите, я даже оставила тутъ свою старую обстановку. Вы сильно испугались?

— Не испугался, но... Отъ неожиданности, все-таки, могъ выстрѣлить. Подумайте, что получилось бы.

— Да. Навѣрно, убили бы. — Она окончательно овладѣла собой. На лицѣ появилась обычная снисходительная улыбка. — А, можетъ быть, вы мнѣ предложите сѣсть? Я посижу минутку и уйду назадъ.

— Ради Бога. Вотъ кресло. Все-таки, вы очень смѣлая женщина. Ходить по такимъ мѣстамъ... Одной. Очевидно, въ этомъ подземельѣ вы раньше часто бывали?

— Да.

Она сѣла, снова внимательнымъ взглядомъ окинула комнату.

— Здѣсь была моя мастерская, — задумчиво проговорила она. — Мнѣ казалось, что я средневѣковый алхимикъ, что сдѣлаю когда-нибудь великое открытіе. Ну, а потомъ, когда стала старше, конечно, поняла, какъ это наивно. Скажите: можетъ быть,

вы тоже здѣсь по этой причинѣ? Пишете въ уединеніи поэму?

— Я? Да... По этой причинѣ. Собственно говоря, пока пишу не поэму, а такъ, нѣчто предварительное...

— Тутъ, дѣйствительно, можетъ создаться подходящее настроеніе. Вы работаете здѣсь только по вечерамъ?

— Гм... Какъ сказать. Не только по вечерамъ. Днемъ тоже.

— А отецъ не протестуетъ, что вы сидите въ такомъ сыромъ мѣстѣ?

— Пока нѣтъ... Но... Скажу вамъ откровенно, отцу ничего неизвѣстно объ этомъ подземельи.

Сергѣй не зналъ, какъ поступить дальше. Съ одной стороны, секретъ его пребыванія здѣсь все равно раскрытъ. Слѣдовательно предупредить Наташу, чтобы она не выдала, необходимо. Но, съ другой стороны, посвящать ее въ детали плана неосмотрительно.

— Наташа, — послѣ нѣкотораго колебанія серьезно продолжалъ онъ. — Я вамъ сейчасъ раскрою одну тайну, но вы должны поклясться, что она останется навсегда между нами.

— Тайну? — глаза дѣвушки заблестѣли. Удивленіе, выразившееся на лицѣ, стало переходить въ неподдѣльный восторгъ. — Вотъ какъ? Браво! Неужели въ вашемъ пребываніи здѣсь кроется какая-нибудь авантюра?

— Да... Авантюра.

— Браво! Молодчина! Конечно, я всегда была о васъ хорошаго мнѣнія. Однако, не думала, все-таки, что вы такой... Ну, а въ чемъ дѣло? Клянусь, что не выдамъ. Хотя... Погодите...

Лицо ея измѣнилось. Восторгъ въ глазахъ потухъ.

— Простите меня. Не сообразила... Быть можетъ, это такой секретъ, о которомъ не слѣдуетъ говорить. Вы здѣсь кого-нибудь ждете? Правда?

— Я? Кого?

— Мало ли кого. Какое-нибудь увлеченіе... Романъ... Это вполнѣ естественно.

Сергѣй искренно разсмѣялся.

— Нѣтъ, не угадали, — весело проговорилъ онъ. — Я далекъ отъ этого. Къ сожалѣнію, всѣхъ подробностей сейчасъ не могу сообщить, такъ какъ дѣло касается не только меня, но и Виктора. Однако, самое главное скажу: я тутъ скрываюсь отъ всѣхъ. Понимаете? Уже нѣсколько дней. Кромѣ Виктора никому неизвѣстно, гдѣ я. Вообще о существованіи этого подземелья въ замкѣ никто не подозрѣваетъ.

— Скрываетесь? Какъ интересно! И долго такъ будетъ продолжаться? Недѣлю? Двѣ?

— Не думаю. Навѣрно, только нѣсколько дней.

— Жаль... Мало. А я обожаю подобныя исторіи. Между прочимъ, впослѣдствіи вы тоже не говорите моему отцу, что видѣли меня здѣсь... Онъ запретилъ ходить сюда. Ну, что же... Желаю вамъ успѣха. Пора идти обратно.

— Какъ? Уже? Вы развѣ торопитесь?

— Не тороплюсь, но все таки... Можетъ быть, проводите меня? Вамъ, по-моему безопасно выходить въ темнотѣ.

— Да, конечно. Но не сейчасъ. Немного позже, когда въ замкѣ всѣ лягутъ спать. Между прочимъ, интересно увидѣть ходъ, по которому вы сюда пришли. Представьте, мы съ Викторомъ даже не замѣтили, что здѣсь есть люкъ.

— Идемте, покажу. Этотъ ходъ кончается подъ шоссе, возлѣ рѣки. Тамъ совсѣмъ глухое мѣсто. Ну... — Наташа встала, окинула комнату грустнымъ взгля-

домъ. — Значитъ, я вижу все это въ послѣднiй разъ.

— Отчего же въ послѣднiй. Мнѣ, конечно, неловко приглашать... Но если вы противъ предразсудковъ, я бы... Я бы былъ очень радъ видѣть васъ у себя въ гостяхъ.

Сергѣй произнесъ послѣднiя слова нерѣшительно, боясь, что его предложенiе Наташа отклонитъ со смѣхомъ. Но та не разсмѣялась. Наоборотъ, дружески посмотрѣла на него, кивнула головой.

— Хорошо. Съ удовольствiемъ. А теперь поднимайте крышку. Я пойду первая.

Она стала спускаться по лѣстницѣ люка. Онъ погасилъ у себя свѣтъ и послѣдовалъ за нею.

— Вотъ остатки моихъ сооруженiй, — произнесла она, показывая на стѣну. — Когда мы уѣзжали отсюда, я не успѣла все снять.

Сергѣй съ любопытствомъ оглядѣлъ нижнюю комнату. Она была меньше той, которую онъ сдѣлалъ своей спальней, и не имѣла окна. На длинномъ столѣ стояли какiе-то приборы, перевитые проволокой; различные провода шли наверхъ и висѣли у потолка, поддерживаемые изоляторами.

— Я захвачу съ собой вотъ это. — Наташа подошла къ столу и взяла въ руки небольшой ящичекъ. — Можетъ быть, когда-нибудь пригодится. А, впрочемъ, это тоже возьму. — Она сняла со стола другой приборъ. — Знаете что? Взберитесь на столъ и отцѣпите отъ потолка проволоку. Я оберну ею аппараты, чтобы легче было нести.

Они обвили проволокой оба прибора, и Сергѣй осторожно понесъ свертокъ по извилистому полутемному коридору, къ стѣнамъ котораго на большомъ разстоянiи другъ отъ друга были прикрѣплены тускло свѣтившiяся электрическiя лампочки.

— Здѣсь, видите, замурованная дверь. Раньше, очевидно, былъ ходъ наверхъ, въ замокъ.

— Да. Какой длинный коридоръ.

— Не меньше трехсотъ метровъ. Выходъ находится уже за предѣлами вашего имѣнія.

Черезъ нѣсколько минутъ они достигли конца подземнаго хода. Наружной двери не было, коридоръ кончался стѣной; однако, сбоку стѣны находилась довольно широкая щель, а за нею небольшое помѣщеніе съ низкими сводами, посреди котораго возвышался въ видѣ каменной чаши бассейнъ для вытекавшаго изъ скалы родника. Вода бѣжала по желѣзному желобу въ бассейнъ и стекала внизъ черезъ позеленѣвшій отъ времени всегда открытый мѣдный кранъ.

— Осторожнѣе, вода.

— Вижу.

— Теперь нужно открыть наружную дверцу, и мы на свободѣ.

— Это мѣсто мнѣ знакомо, — выйдя къ обрыву и оглядываясь по сторонамъ, произнесъ Сергѣй.—Мы съ Викторомъ нѣсколько разъ были здѣсь. Отсюда къ старому фруктовому саду нужно идти направо, не такъ ли?

— Да.

Онъ вспомнилъ, что ему придется отправиться за провизіей къ условному мѣсту.

— Чудесная ночь! — сѣвъ на камень, восторженно произнесла Наташа. — Посмотрите, какъ хорошо.

— Да. А знаете, что? Если вы не торопитесь, давайте посидимъ здѣсь, поговоримъ, а приблизительно черезъ часъ я уже безъ риска могу проводить васъ въ городъ.

— Идетъ. Садитесь сюда. Вы разсказывайте что-нибудь, а я буду смотрѣть на небо и слушать. Кстати, вы любите звѣзды?

— Да. Конечно.

Онъ сѣлъ. Нѣкоторое время оба молчали. Вокругъ было торжественно тихо. Только снизу, изъ темной пропасти, доносился монотонный шумъ горной рѣки. За мутными контурами одной изъ вершинъ золотилъ небо лучами невидимый молодой мѣсяцъ. Въ узкомъ ущельѣ, загроможденномъ мрачными скалами, дымился синій туманъ, сверкалъ обнаженный камень утесовъ, гигантскія ели чертили зубчатыя тѣни на склонахъ.

— А, вотъ... Объясните мнѣ, Сережа: почему я ничего въ жизни не боюсь, а когда смотрю на ночное небо, меня охватываетъ страхъ?

— Что жъ... Понятно. — Сергѣй откашлялся. — Тотъ, кто вѣритъ въ объективное существованіе внѣшняго міра, тотъ не можетъ не страшиться чрезмѣрнаго величія вселенной.

— Въ объективное существованіе... — Наташа тихо повторила про себя эти слова, стараясь уяснить смыслъ. — Такъ, такъ... Понимаю. А вы развѣ сами не вѣрите?

— Я? Нѣтъ. Я вмѣстѣ съ Беркли и съ Шопенгауэромъ считаю, что матеріальный міръ на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Все это — только наше представленіе, не болѣе. Нѣчто въ родѣ сна.

— Какъ? Значитъ, по вашему, звѣзды не существуютъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ. Есть только субъектъ, которому кажется, будто онѣ находятся на небѣ.

— А я? Я существую?

— Для себя — да. Существуете. А для меня нѣтъ.

— Недурно. Но тогда вѣдь и вы тоже... Для себя существуете, а для меня — ничуть.

— Разумѣется. — Онъ вздохнулъ. — Вообще, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ заниматься въ университетѣ философіей, я почувствовалъ, какъ все въ мірѣ

призрачно, ненадежно. Кругомъ какой-то водоворотъ. Ничего постояннаго. Все течетъ, какъ говорилъ покойный Гераклитъ. Вотъ, эта ночь, напримѣръ... Она, дѣйствительно, какъ будто, прекрасна. А между тѣмъ — развѣ вы увѣрены, что все это не иллюзія? На самомъ дѣлѣ нѣтъ ни пространства, ни времени, вообще ничего.

— Грустно, грустно, — Наташа задумалась. — Но неужели же на самомъ дѣлѣ нѣтъ даже пространства? Не можетъ быть. Пространство есть.

— Во всякомъ случаѣ, философъ Кантъ утверждалъ, что нѣтъ. А Кантъ величайшій умъ нашего времени.

— Ну, а я, знаете что? — Наташа нахмурилась. Голосъ дрогнулъ отъ негодованія. — А я не вѣрю вашему Канту! Вотъ! Можетъ быть, Кантъ просто не любилъ пространства, сидѣлъ дома, никуда не выходилъ и потому все это выдумалъ. А въ наше время, когда можно мчаться на аэропланѣ, на автомобилѣ, когда вездѣ столько состязаній на скорость, — какъ можно допустить, чтобы пространство не существовало? Нѣтъ, все есть, Сережа. Все. И звѣзды. И небо. И время. И мы съ вами. Да! Глупо было бы если бы мы тутъ сидѣли, такъ хорошо разговаривали, а на самомъ дѣлѣ никто не сидѣлъ бы, и никто не разговаривалъ бы. Я, вотъ, знаете, влюблена, напримѣръ, въ Монбланъ. Каждую недѣлю ѣзжу въ Салланшъ посмотрѣть на него хоть полъ-часа. И что же: Монблана тоже нѣтъ? Глупости. Вѣдь, это такая красота! А если что-нибудь красиво, оно должно существовать, иначе откуда такое впечатлѣніе? Я бы вамъ посовѣтовала нѣсколько разъ поѣхать туда, когда небо ясно или когда тучи. Какое разнообразіе! Въ ясный день стоитъ Монбланъ бѣлый, торжественный... Будто на праздникѣ. А въ пасмурный день... Стойте... Что это? Видите? Какъ будто человѣческая фигура наверху.

— Гдѣ?

— Впрочемъ... Нѣтъ, нѣтъ. Показалось. Просто кустъ.

Наташа разсмѣялась.

У меня здѣсь есть одинъ поклонникъ, докторъ, смущенно добавила она. — Вѣчно подстерегаетъ. Страшный идіотъ въ общемъ. А какіе типы въ нашемъ городѣ, если бы вы знали! Знакомые русскіе живутъ далеко, съ ними мы рѣдко встрѣчаемся. А эти мѣстные жители... Не съ кѣмъ обмѣняться мыслями. Молодые люди только и дѣлаютъ, что говорятъ о любви. Особенно по вечерамъ. Ну, что же? Давайте философствовать дальше!

17.

– Николай Ивановичъ!

— Я.

— Пойдемте подъ каштаны. Поговоримъ кое о чемъ.

— Къ вашимъ услугамъ, Павелъ Андреевичъ.

— Послушайте, дорогой мой, — усѣвшись въ плетеное кресло у края площадки и пригласивъ своего секретаря сдѣлать то же, загадочно началъ Вольскій. — Скажите откровенно: вы встрѣчали когда-нибудь двухъ здоровенныхъ двадцатилѣтнихъ парней, у которыхъ сообща ума было бы меньше, чѣмъ у одного воробья?

— У одного воробья? Затрудняюсь сказать, Павелъ Андреевичъ.

— Такъ. Ну, а скажите: вы по письму можете сразу опредѣлить, кто его писалъ: умный человѣкъ или безмозглый дуракъ?

— Какъ когда... Къ сожалѣнію, мнѣ неизвѣстно, на какой предметъ вамъ нужны эти свѣдѣнія.

— А вотъ на какой предметъ. Возьмите пожалуйста, и прочтите. Только помните: это абсолютно между нами.

Суриковъ уже съ утра, съ того времени, какъ Вольскій получилъ почту, замѣтилъ, что состояніе духа у старика сильно измѣнилось къ лучшему. Тотъ повеселѣлъ, пріободрился и хотя старался не обнаруживать подобной перемѣны, однако, за многіе годы тяжелой секретарской службы Николай Ивановичъ привыкъ отлично угадывать малѣйшія измѣненія въ настроеніи шефа.

Конвертъ былъ странный. Адресъ написанъ отъ руки, но печатными буквами. А на небольшомъ листкѣ почтовой бумаги, внутри конверта, такими же печатными буквами по-французски было изображено слѣдующее:

«Вашъ сынъ находится у насъ. Если хотите получить его обратно живымъ, положите въ пещеру, находящуюся у рѣки вблизи часовни святой Терезы, пять тысячъ франковъ. Деньги должны находиться слѣва отъ входа, въ углу, прикрытыя камнемъ. Срокъ исполненія нашего требованія — три дня. Въ случаѣ, если вы дадите знать полиціи, сынъ вашъ будетъ убитъ.

Къ вашимъ услугамъ
Зеленые Дьяволы».

— Ну, какъ? Прочли?

— Прочелъ.

—И что скажете по этому поводу?

Суриковъ внимательно посмотрѣлъ на Вольскаго, увидѣлъ въ глазахъ его лукавые огоньки и осторожно улыбнулся. Затѣмъ, опустилъ глаза къ письму, перечелъ снова, устремилъ взглядъ на шефа и, замѣтивъ въ глазахъ его уже не огоньки, а явные признаки едва сдерживаемаго смѣха, почтительно разсмѣялся самъ.

— Я скажу то же, что хотѣли бы сказать и вы, Павелъ Андреевичъ. Даю сто фунтовъ противъ одного, что это они.

— Сколько даете? Сто? А почему не тысячу?

— Согласенъ и тысячу. Признаться по правдѣ, все это чрезвычайно наивно. И печатныя буквы... И пещера...

— А какъ вамъ нравится подпись: «зеленые дьяволы?»

— Очевидно, подъ впечатлѣніемъ кинематографа. Дань современному искусству.

— И, главное, не просто дьяволы, а зеленые. Почему именно зеленые? Какъ вы думаете? Ха-ха!

— Да, дѣйствительно, зеленые... Хе-хе.

— Намекъ на зелень окружающихъ лѣсовъ? Такъ, что ли? Ха-ха!

— Навѣрно. На зелень лѣсовъ. Хе-хе... И на возрастъ, быть можетъ. Но, во всякомъ случаѣ, теперь вамъ нечего безпокоиться. Все выяснилось. Слава Богу, вмѣсто трагедіи получилась просто комедія.

Суриковъ произнесъ эти слова съ искренней радостью — и испугался. На лицѣ шефа, вдругъ, появилось выраженіе сильнѣйшаго недовольства.

— То-есть какъ это комедія? — неожиданно перетавъ смѣяться, хмуро спросилъ Вольскій. — По-вашему, имѣть сына вымогателя — комедія?

— Совсѣмъ нѣтъ, Павелъ Андреевичъ. Не комедія. Но я... Я только относительно безпокойства.

— А что сынъ стараго солиднаго человѣка изображаетъ бандита, скрывается, шантажируетъ — это тоже комедія?

— Помилуйте... Въ смыслѣ моральномъ, разумѣется, печально...

— Вы представляете, что я долженъ буду испытывать, если кто-нибудь узнаетъ про этотъ позоръ?

Вы понимаете, какими глазами мнѣ придется смотрѣть на окружающихъ? А что скажетъ Ольга Петровна, которая всегда подчеркиваетъ превосходство своего сына надъ моимъ?

Старикъ продолжалъ возмущаться. Суриковъ, зная характеръ шефа, молча выжидалъ, пока вспышка гнѣва пройдетъ. И черезъ нѣсколько минутъ, дѣйствительно, Вольскій сталъ успокаиваться.

— А что еще обидно, Николай Ивановичъ, — смягчившись, устало продолжалъ онъ. — Это оцѣнка моихъ умственныхъ способностей. Мальчишки, очевидно, считаютъ меня совершеннымъ идіотомъ. Думаютъ, будто я не могу разобраться въ самыхъ элементарныхъ вещахъ.

— Простите, Павелъ Андреевичъ, но я не вывожу изъ этого письма подобнаго непріятнаго заключенія.

— А я вывожу. Если бы они считали меня разумнымъ человѣкомъ, они должны были бы потребовать не пять, а по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ! Вѣдь пять тысячъ это чортъ знаетъ что! Издѣвательство!

— Сумма, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ничтожная. Но по-моему, въ ней все-таки есть хорошая сторона. Она указываетъ, такъ сказать, на скромность и застѣнчивость авторовъ письма.

— Какъ? Застѣнчивость? — Вольскій, уже вполнѣ успокоившійся, чуть снова не вспылилъ, но во время сдержалъ себя.

— Хороша застѣнчивость, чортъ побери. Во всякомъ случаѣ, Сергѣй поплатится у меня за свою скромность. А этотъ долговязый зеленый дьяволъ... Ноги его не будетъ въ моемъ домѣ. Клянусь!

— Хорошо, Павелъ Андреевичъ, — стараясь перевести разговоръ на болѣе спокойную дѣловую почву, почтительно заговорилъ Суриковъ. — А ка-

ковъ у васъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій? Вы рѣшили предпринять что-нибудь опредѣленное?

— Рѣшить сразу не такъ легко. Потому-то я и пригласилъ васъ. Конечно, проще всего отнести деньги въ пещеру и по возвращеніи Сергѣя жестоко его наказать. Но можно иначе. Положить деньги, дать знать полиціи и накрыть мальчишекъ въ то время, когда они пойдутъ за добычей. Наконецъ, еще одинъ планъ... Подождать пріѣзда сыщика и предоставить ему вывести хулигановъ на чистую воду, не придавая дѣлу огласки. Вы, когда снова вызвали Камбона, хорошо разобрали его слова? Сыщикъ дѣйствительно, будетъ у насъ черезъ пять дней?

— Мнѣ кажется, да. Хотя телефонная связь здѣсь ужасна, однако, я ясно разобралъ. Детективъ пріѣдетъ прямо изъ Ліона, закончивъ тамъ какое-то очередное дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, третій планъ, какъ-будто, самый лучшій. Не находите?

— Да, я тоже такъ думаю... Отдавать деньги и дѣлать видъ, что повѣрили дѣтской затѣѣ обидно. Звать полицію тоже непріятно: все окрестное населеніе будетъ знать. А сыщикъ... Все равно онъ извѣщенъ. А его участіе заставитъ молодыхъ людей признаться въ неблаговидномъ поступкѣ и принести повинную.

За завтракомъ Вольскій сидѣлъ хмурый, мрачный. Прежняя тревога, конечно, прошла. Но взамѣнъ нея расло негодованіе противъ сына и его пріятеля.

— Кстати, Павелъ Андреевичъ, — заговорилъ Викторъ, рѣшившій прервать тягостное молчаніе за столомъ, — вчера поздно вечеромъ я наблюдалъ странные огни на вершинѣ той самой злополучной горы. Очевидно, тамъ ночевали пастухи.

— И отлично дѣлали, что ночевали, — не глядя ни на кого, сурово отвѣтилъ Вольскій.

— Я сегодня утромъ былъ въ городѣ, — спокойно продолжалъ Викторъ, — и кое-кого разспрашивалъ, существуетъ ли въ окрестностяхъ какая-нибудь шайка бандитовъ. Оказывается, не такъ давно въ городѣ было совершено одно нападеніе. Ограбили пекарню и захватили около двухъ тысячъ франковъ выручки.

— Что жъ... Грабителямъ хватитъ этихъ двухъ тысячъ до тѣхъ поръ, пока ихъ посадятъ въ тюрьму.

Старикъ, боясь приступа гнѣва, старался не смотрѣть на Шорина. Онъ не прочь былъ бы дать волю чувствамъ, стукнуть кулакомъ по столу и предложить этому бездѣльнику немедленно оставить замокъ. Но, понимая, что подобный скандалъ внесетъ осложненіе въ задуманный планъ, благоразумно сдержался.

— Ольга, — сказалъ онъ послѣ завтрака, увидѣвъ отправлявшуюся на обычную прогулку кузину. — Ты сегодня опять получила отъ Жоржа письмо?

— Да.

— Очень радъ, что онъ пріѣдетъ. Твой Жоржъ прекрасный молодой человѣкъ.

— Я точно такого же мнѣнія о немъ.

Ольга Петровна, держа въ одной рукѣ большую сумочку, а въ другой складной стулъ, благосклонно улыбнулась и торжественно направилась къ воротамъ.

18.

Несмотря на принятое послѣ бесѣды съ Суриковымъ рѣшеніе, Вольскій все-таки продолжалъ колебаться: стоило ли выписывать сыщика? Не проще ли прекратить всю эту исторію и дать пять тысячъ франковъ?

Съ одной стороны, мысль о томъ, что мальчишки, получивъ деньги, будутъ считать его дуракомъ, приводила старика въ ярость. Но, съ другой стороны, посвящать чужого человѣка, хотя бы и сыщика, въ подобное скандальное дѣло тоже противно. Вѣдь, онъ не разсказалъ о немъ даже своей кузинѣ!

Промучившись такимъ образомъ четыре дня, Вольскій, наконецъ, не выдержалъ и вызвалъ къ себѣ въ кабинетъ Виктора. Тотъ эти послѣдніе дни былъ задумчивъ и грустенъ. Чтобы не навлекать на себя излишнихъ подозрѣній, онъ старался почти никуда не отлучаться изъ замка, два дня даже не носилъ ѣды своему другу. Только вчера утромъ, перехвативъ у почтальона письмо на имя Сергѣя и увидѣвъ по штемпелю, что оно изъ Парижа, очевидно, отъ Кэтъ, онъ рискнулъ пробраться къ жестянкѣ и положить туда письмо. Вѣдь несчастный влюбленный такъ долго ждалъ этого посланія! Нужно было порадовать его хотя бы этимъ въ томительномъ одиночномъ заключеніи.

— У меня къ вамъ небольшое порученіе, — спокойно сказалъ Вольскій, плотно прикрывая дверь въ коридоръ. — Садитесь и слушайте.

Молодой человѣкъ сѣлъ. Лицо его дышало необыкновенной искренностью и чрезвычайной почтительностью.

— Дѣло это секретное и заключается вотъ въ чемъ. Мнѣ стало извѣстнымъ, что Сергѣй похищенъ бандитами. Я получилъ письмо, въ которомъ эти господа требуютъ выкупа въ пять тысячъ франковъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Пять тысячъ?

Шоринъ изобразилъ крайнюю степень изумленія.

— Какіе негодяи! — возмущенно добавилъ онъ.

— Да. Негодяи, которыхъ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, повѣсить. Однако, щадя свое здо-

ровье, я рѣшилъ ничего не предпринимать противъ бандитовъ и соглашаюсь на ихъ условія. Тѣмъ болѣе, что одни только идіоты могутъ назначить такую жалкую сумму выкупа.

— Дѣйствительно... Идіоты...

— Не говоря уже о томъ, что они просто подлецы.

— Разумѣется... Подлецы...

— Ну, а теперь слушайте дальше. Хулиганы требуютъ, чтобы я положилъ деньги въ какую-то пещеру. Вы сами знаете, что я не въ такомъ возрастѣ, чтобы лазить по горамъ и знакомиться со всякими пещерами. Такъ вотъ... Вамъ извѣстно, гдѣ здѣсь есть пещеры вблизи насъ?

Викторъ задумался.

— Да, извѣстно... Есть, напримѣръ, по ту сторону города, у склона горы, гдѣ развалины замка. Есть пещера около рѣки. Есть, кажется, и возлѣ фермы, сзади насъ.

— А около часовни святой Терезы?

— О, да. Около часовни тоже есть. Вѣрно.

— Такъ вотъ о ней, значитъ, и идетъ рѣчь. Я дамъ вамъ сейчасъ конвертъ, въ которомъ находятся пять тысячъ, вы возьмете его и отнесете въ пещеру возлѣ часовни. Положить нужно слѣва отъ входа и прикрыть камнемъ...

— Понимаю.

— Только сдѣлайте это сейчасъ же, не медля. Вы понимаете, конечно, будь я помоложе и здоровѣе, я бы такъ дѣла не оставилъ. Я бы вывелъ негодяевъ на чистую воду. Я бы засадилъ ихъ въ тюрьму за вымогательство. Но не стоитъ волноваться изъ-за презрѣнныхъ тварей. Итакъ, ступайте. Между прочимъ, по дорогѣ отыщите Николая Ивановича и попросите явиться ко мнѣ.

— Слушаю.

Спрятавъ конвертъ въ карманъ, Шоринъ удалился. Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ Суриковъ.

— Вы меня звали, Павелъ Андреевичъ?

— Да. Дорогой мой. Вы знаете... Я опять перерѣшилъ.

— Относительно чего?

— Относительно сына. Мнѣ такъ противна вся эта исторія... Протелефонируйте снова Камбону, чтобы онъ задержалъ сыщика и не посылалъ сюда. Пусть уплатитъ что нужно за безпокойство.

— Такъ... Только не знаю... Вѣдь, детективъ этотъ, какъ извѣстно, находится уже въ Ліонѣ...

Раздавшійся въ холлѣ звонокъ заставилъ Сурикова на время исчезнуть. Переговоривъ по телефону, онъ вернулся къ шефу крайне смущенный.

— Къ сожалѣнію, уже поздно говорить съ Камбономъ, Павелъ Андреевичъ. Сыщикъ прибылъ. Звонилъ сейчасъ со станціи, сказалъ, что удалось кончить дѣло раньше, и спрашиваетъ, можетъ ли ѣхать къ вамъ.

— Безобразіе! Какъ ни рѣшу, все не такъ!

Вольскій покраснѣлъ отъ досады.

— Я сказалъ, что справлюсь у васъ. Можетъ быть, мнѣ отправиться на станцію, разсчитаться съ нимъ и отказать?

— Что? Отказывать въ пріемѣ человѣку, который тащился Богъ знаетъ откуда? Вы понимаете, какъ это для него оскорбительно?

— Да... Понимаю. Въ такомъ случаѣ, я предложу, чтобы онъ ѣхалъ сюда.

— Еще чего не доставало! Приглашать человѣка, который никому не нуженъ!

— Въ такомъ случаѣ... Въ такомъ случаѣ, какъ прикажете отвѣтить?

— Отвѣчайте, что хотите. Все равно. Я, въ кон-

цѣ концовъ, брошу замокъ и уѣду. Всѣ мнѣ надоѣли! Довольно!

— Павелъ Андреевичъ... — мягко заговорилъ Суриковъ, боясь, какъ бы у старика не начался сердечный припадокъ. — Если позволите, я поступлю такъ. Скажу, чтобы онъ подождалъ меня на станціи, выѣду къ нему съ Джекомъ, предупрежу, какъ мы раньше съ вами условились, будто онъ мой гость... И пусть онъ у насъ пробудетъ сегодняшній день, а завтра отправится обратно въ Парижъ.

— Хорошо, — уже успокоившись и досадуя на свою несдержанность, покорно произнесъ Вольскій. — Пригласите. Вы, конечно, правы. Спасибо.

Выйдя за ворота, Викторъ отправился по направленію къ часовнѣ. Шелъ онъ туда медленно, нерѣшительно, видъ былъ недовольный, сконфуженный. Только теперь, получивъ деньги, онъ почувствовалъ, что вся эта выдумка съ бандитами, дѣйствительно, гнусная вещь. Кромѣ того, какъ теперь быть? Сразу нести пакетъ къ Сергѣю, или сначала для видимости положить въ пещеру, а затѣмъ — завтра, напримѣръ, взять?

Второй планъ былъ какъ будто бы благоразумнѣе. А вдругъ старикъ попроситъ во второй разъ пойти туда вмѣстѣ съ Суриковымъ и показать, гдѣ спрятаны деньги? Конечно, бандиты могутъ все время слѣдить и взять конвертъ черезъ часъ, черезъ два. Но не будетъ ли это подозрительно?

Однако, подобная комедія показалась Шорину отвратительной. Кромѣ того: а вдругъ старикъ черезъ Сурикова сговорился съ полиціей, и та начнетъ слѣдить — кто возьметъ деньги? Приходить второй разъ большой рискъ. Да и вообще лучше поскорѣе покончить со всей этой затѣей.

Спустившись къ шоссе, Викторъ перешелъ по

мосту на ту сторону ущелья, направился по шоссейной дорогѣ въ гору и черезъ двадцать минутъ подошелъ къ часовнѣ, возвышавшейся на крутой отвѣсной скалѣ. Тутъ, въ шагахъ ста отъ дороги, находилась пещера. Войдя въ нее, Шоринъ прошелъ къ лѣвой стѣнѣ, вынулъ деньги, переложилъ ихъ въ карманъ, а пустой конвертъ опустилъ на землю и положилъ сбоку большой камень. Для того, кто захотѣлъ бы провѣрить, какъ было дѣло, картина ясна: бандиты подняли камень, взяли свой выкупъ, а конвертъ бросили рядомъ, чтобы избѣжать лишнихъ уликъ.

Теперь оставалось послѣднее: вернуться къ замку и незамѣтно проникнуть въ подземелье. Конечно, благоразумнѣе сдѣлать это вечеромъ, съ наступленіемъ темноты. Но носить съ собой весь день чужія деньги... Да еще при такихъ обстоятельствахъ... Викторъ рѣшилъ, что гораздо лучше рискнуть.

Вернувшись черезъ мостъ обратно на ту сторону, гдѣ находился замокъ, онъ обошелъ имѣніе Вольскаго, поднялся на гору, спустился черезъ лѣсъ къ зарослямъ, гдѣ находилась жестянка для продуктовъ, хотѣлъ положить деньги сюда. Сергѣй ночью выйдетъ изъ своего убѣжища, возьметъ содержимое и унесетъ. Но, къ сожалѣнію, сегодня жестянка пуста. Въ темнотѣ можно не увидать денегъ, подумать, что въ жестянкѣ ничего нѣтъ. Можетъ быть, сдѣлать изъ чего-нибудь свертокъ?

Онъ пошарилъ по карманамъ, нѣтъ-ли чего-нибудь подходящаго. Въ карманѣ былъ только платокъ. Ну, что же... Идея. Завернуть деньги въ платокъ.

Продираясь сквозь кусты, Шоринъ сталъ приближаться къ завѣтному мѣсту и, вдругъ, насторожился. Недалеко послышался трескъ вѣтвей, шелестъ листьевъ.

— Томъ, это вы?

Онъ съ удивленіемъ увидѣлъ поверхъ кустовъ голову повара.

— Я.

— Что вы тутъ дѣлаете? Недурное занятіе — лазить по колючкамъ!

— Какъ мнѣ кажется, сэръ, мы съ вами оба занимаемся однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

Сказавъ это, Томъ презрительно усмѣхнулся и направился въ сторону шоссе. Викторъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ.

— Еще прослѣдитъ, каналья... Ну, видно судьба. Пойду прямо въ подземелье, и дѣло съ концомъ.

Приблизившись къ глухой стѣнѣ замка, онъ сначала осторожно оглядѣлся, не видно ли откуда-нибудь. Однако, предосторожность была излишней. Здѣсь, у стѣны, заросли такъ густы, что ничей любопытный взглядъ не могъ бы проникнуть. Тѣмъ болѣе — издали.

— Что такое?

Шоринъ отскочилъ. Сбоку раздался шорохъ. Какая-то длинная сѣрая лента быстро скользнула въ заросли.

— Скажите, пожалуйста! Змѣя!

Онъ потянулъ къ себѣ дверь и съ радостью обнаружилъ, что она изнутри не заперта на засовъ.

— Сережа! — весело проговорилъ онъ, войдя внутрь. — Это я!

Въ коридорѣ было тихо.

— Углубился, навѣрно, въ работу... Создаетъ геніальное произведеніе.

Викторъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, приблизился къ двери второй комнаты, крикнулъ громче:

— Сергѣй, не бойся. Это я!

Отвѣта не послѣдовало.

— Ушелъ куда-нибудь? Неужели рискнулъ выйти днемъ?

Онъ пріоткрылъ дверь, заглянулъ внутрь, посмотрѣлъ во всѣ стороны. И увидѣлъ своего друга неподвижно лежащимъ на диванѣ.

— Ты что: спишь?

Молчаніе.

- Сережа!

Шоринъ подошелъ къ дивану, прикоснулся къ плечу молодого человѣка.

— Что съ тобой?

Онъ нагнулся, сталъ тормошить пріятеля... И изъ груди его вырвался жалобный крикъ:

— Боже мой! Мертвъ!

19.

Суриковъ пріѣхалъ на станцію, попросилъ Джека подождать и отправился отыскивать сыщика. Внутри зданія и на перронѣ никого не было. Величаво стояла у стѣны гигантская телѣжка для багажа съ чьимъ-то сиротливымъ миніатюрнымъ чемоданомъ. Безмятежныя рельсы, покой которыхъ рѣдко нарушался проносившимися экспрессами, мирно шли въ обѣ стороны, не гнушаясь полевыми травами, въ изобиліи росшими въ промежуткахъ между старыми шпалами. Возлѣ пустого сарая для товарнаго груза беззаботно бродила курица, водя за собой взъерошенныхъ желтыхъ цыплятъ. А изъ окна второго этажа станціоннаго зданія, гдѣ помѣщалась квартира начальника, безпокойная кудластая собака свѣсила внизъ мохнатыя лапы и отчаянно лаяла на маневрировавшій вдали паровозъ.

Николай Ивановичъ прошелъ въ одну сторону перрона, въ другую, прикрикнулъ на собаку, заглянулъ въ садикъ, въ пустое багажное отдѣленіе и, наконецъ, въ боковой комнаткѣ для пассажи-

ровъ обнаружилъ въ углу среди груды багажа какого-то щуплаго пожилого господина. Сидя на скамьѣ со шляпой въ рукѣ, незнакомецъ неподвижнымъ взглядомъ уставился на противоположную стѣну, хотя на ней, кромѣ испачканнаго мухами расписанія поѣздовъ, ничего интереснаго не находилось. Изможденное худое лицо, изъѣденное оспой, выражало полное безразличіе къ жизни; большіе каріе глаза время отъ времени уныло смыкались. И только густые черные усы иногда, вдругъ, приходили въ яростное движеніе вмѣстѣ съ верхней губой, обнаруживая внезапный приливъ энергіи въ борьбѣ со сномъ. Что же касается безпорядочно взбитыхъ волосъ на головѣ, сильно поношеннаго костюма, смятаго воротничка и съѣхавшаго на сторону пестраго галстуха, то все это ясно указывало, что незнакомецъ совершенно не гнался за репутаціей франта.

— Мсье... это вы пріѣхали къ Вольскому? — подойдя ближе и приподнявъ шляпу, спросилъ по-французски Суриковъ.

Господинъ оживился, взялъ въ руку лежавшую сбоку палку и, опираясь на нее, всталъ.

— Я, кажется, съ вами имѣлъ честь говорить по телефону? — спросилъ, въ свою очередь, онъ.

— Да, со мной. Позвольте я позову шоффера, чтобы онъ отнесъ въ машину вашъ багажъ.

— Какъ? Простите... Не слышу.

Незнакомецъ повернулся къ изумившемуся Сурикову лѣвымъ бокомъ и приложилъ ладонь къ уху.

— Я говорю: шофферъ отнесетъ въ машину вашъ багажъ.

— А! Багажъ? Отлично. Очень благодаренъ. Только не удивляйтесь, что чемодановъ много, и что они черезчуръ велики. Это не означаетъ, что я намѣренъ прожить у васъ до зимы.

— Мсье, — съ недовѣріемъ глядя на глухого сы-

щика, заговорилъ Николай Ивановичъ, когда Джекъ унесъ въ машину послѣдній чемоданъ. — Намъ до отъѣзда отсюда нужно кое о чемъ условиться. Прежде всего, разрѣшите узнать ваше имя?

— Мое? Мишель Рато.

— Благодарю васъ. Такъ вотъ, мсье Рато, прежде всего, я долженъ васъ предупредить, что кромѣ меня и хозяина замка никто не знаетъ, кто вы такой и съ какими цѣлями сюда прибыли.

— Что же. Очень предусмотрительно, — держа ладонь возлѣ уха, согласился сыщикъ. — А въ качествѣ кого же я прибылъ, разрѣшите узнать?

— Въ качествѣ моего добраго знакомаго, если ничего не имѣете противъ. Въ общемъ, мы съ вами, такъ сказать, закадычные старые друзья.

— Друзья? Очень радъ, очень. — Сыщикъ театрально поклонился. — Старая дружба, мсье, особенно трогательна, когда неожиданна. А между прочимъ... Можно узнать, какое отношеніе вы имѣете къ Вольскому?

— Я его личный секретарь.

— Кто? Простите?

— Секретарь. Личный.

— А! Секретарь. Такъ. Что-то послѣ дороги я немного хуже сталъ слышать. Ну, а затѣмъ, мсье, на правахъ старой дружбы разрѣшите узнать: какъ ваша фамилія?

— Суриковъ. Николай Ивановичъ.

— Такъ. Отлично. Между прочимъ, Николай Ивановичъ, давайте говорить по-русски. Для меня это такой же родной языкъ, какъ французскій. Впрочемъ, и англійскій я тоже знаю очень недурно. А бесѣдовать здѣсь о дѣлахъ на иностранномъ языкѣ гораздо благоразумнѣе.

— Вполнѣ согласенъ съ вами, — проговорилъ по-русски Суриковъ. — Итакъ, первую часть плана

я вамъ передалъ. Мы — друзья. А теперь разрѣшите перейти къ дальнѣйшему. Конечно, можетъ быть, васъ это немного и удивитъ, но не безпокойтесь: мой шефъ — человѣкъ дѣловой, онъ понимаетъ, что значитъ отрывать людей отъ работы. Обстоятельства, видите ли, за послѣдніе дни такъ измѣнились, что нужда... Или, иначе говоря, необходимость въ вашемъ содѣйствіи, къ сожалѣнію, совершенно исчезла.

Рато внимательно посмотрѣлъ на собесѣдника, почесалъ затылокъ и усмѣхнулся.

— Это тоже бываетъ, — задумчиво произнесъ онъ. — Только какъ же такъ? Съ одной стороны, вы предлагаете мнѣ старую дружбу, а съ другой сообщаете, что я вамъ совершенно не нуженъ. Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, вы вернете мнѣ чемоданы, и я съ первымъ же поѣздомъ уѣду обратно?

— Нѣтъ, нѣтъ, мсье Рато. Ни въ коемъ случаѣ. Надѣюсь, вы не откажете моему шефу помимо оплаты всѣхъ расходовъ оказать вамъ и скромное гостепріимство. Какъ никакъ, каждому самому дѣловому человѣку пріятно провести одинъ-два дня на отдыхѣ среди чудесной природы, ничего не потерявъ въ смыслѣ вознагражденія за пропущенное время.

— Вы находите? — Сыщикъ задумался. — Ну, что же. Благодарю васъ. Только не откажите въ любезности по дорогѣ точно разсказать мнѣ, гдѣ мы съ вами подружились и какъ. Вашъ шефъ хочетъ, чтобы мы называли другъ друга по именамъ или по фамиліямъ?

— Я думаю, ему пріятнѣе будетъ, если по именамъ.

— Отлично. Значитъ: Николай Ивановичъ. Вѣрно?

— Да. А вы... Михаилъ... какъ по батюшкѣ?

— Говорите просто: Мишель. Ну, къ вашимъ услугамъ. Ѣдемъ.

Опираясь на палку, Рато сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ выходу, и Суриковъ съ изумленіемъ замѣтилъ, что тотъ хромаетъ.

— Чортъ возьми, — идя сзади и съ недовѣріемъ глядя на ковыляющую фигуру спутника, подумалъ Николай Ивановичъ. — Недурныя качества для сыщика. Глухъ, хромъ... Нѣтъ, слава Богу, что Сергѣй уже отыскался!

На площадкѣ замка возлѣ террасы они встрѣтили Гореву, которая, вооружившись плэдомъ и стуломъ, собиралась идти на прогулку.

— Ольга Петровна, позвольте вамъ представить моего друга Рато, — проговорилъ Суриковъ, кивая на сыщика, который хромая подошелъ вслѣдъ за нимъ и съ добродушной улыбкой поклонился.

— Очень рада. — Горева холодно посмотрѣла на гостя, остановила удивленный взглядъ на его обезображенномъ оспой лицѣ, на его правой ногѣ и торжественно отошла въ сторону.

— А теперь, Мишель, я познакомлю васъ со своимъ шефомъ, — громко продолжалъ Николай Ивановичъ, ожидая пока Ольга Петровна удалится на достаточное разстояніе. — Павелъ Андреевичъ, — сказалъ онъ, подходя къ Вольскому, сидѣвшему въ лонгшезѣ возлѣ обрыва. — Разрѣшите представить... Моего гостя. Мсье Рато. Между прочимъ, онъ прекрасно говоритъ по-русски.

— А! Отлично.

Старикъ обернулся, увидѣлъ плохо одѣтаго незнакомца, который, ковыляя, медленно подходилъ къ нему, и вопросительно посмотрѣлъ на секретаря.

— Вы не ошиблись? — тихимъ голосомъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго, спросилъ онъ.

— Увы, нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ... Здравствуйте, мсье. Радъ видѣть васъ у себя.

— Благодарю, мсье. Какое чудесное имѣнье! Замѣчательный видъ, воздухъ!

— Да, было бы совсѣмъ недурно, если бы душевный покой не нарушался непріятностями. А вы, оказывается, выѣхали раньше, чѣмъ предполагали? Мсье Камбонъ передавалъ, что ждать васъ можно не раньше, чѣмъ завтра.

— Какъ? Простите?

Сыщикъ повернулся къ Вольскому бокомъ. Приложилъ ладонь къ уху.

— То-есть что: какъ? Я спрашиваю, вы выѣхали раньше, чѣмъ предполагали?

— Да, мсье. Удалось немного быстрѣе закончить дѣло. Я въ Парижъ не заѣзжалъ, выѣхалъ сюда изъ Ліона.

— Отлично. А наше недоразумѣніе, изъ-за котораго я рѣшился побезпокоить васъ, слава Богу ликвидировано. Ну, Николай Ивановичъ, проводите гостя въ замокъ. Къ часу прошу васъ, мсье... мсье...

— Рато.

— Мсье Рато, къ завтраку.

— Весьма благодаренъ.

Суриковъ хотѣлъ предоставить сыщику одну изъ комнатъ, въ которыхъ до сихъ поръ никто не жилъ. Но тотъ недовольно поморщился и попросилъ показать другія свободныя. Остановились, наконецъ на той, изъ которой въ первую ночь бѣжала Ольга Петровна, испугавшись таинственныхъ звуковъ. Комната помѣщалась въ угловой части замка. Одно окно выходило въ сторону террасы, изъ другого открывался видъ на горы, а вблизи, около замка, виднѣлись домикъ, въ которомъ жила прислуга, и черный дворъ.

— Надѣюсь, вы не боитесь привидѣній? — лу-

каво спросилъ Николай Ивановичъ передъ тѣмъ, какъ оставить Рато одного. — Мадамъ Горева, съ которой я только что васъ познакомилъ, слышала здѣсь вздохи и шарканье туфель.

— О, это меня нисколько не обезпокоитъ. Изъ всѣхъ преступныхъ типовъ духи, по-моему, самые безобидные. Вѣдь, этотъ замокъ во владѣніи Вольскаго недавно?

— Около года.

— А прежній владѣлецъ его, кажется, русскій профессоръ, если меня не обманулъ вашъ начальникъ станціи?

— Да.

— Капитальнаго ремонта замка послѣ его отъѣзда вы не производили?

— Кое-что обновили. Но пустяки.

— Въ такомъ случаѣ, старымъ привидѣньямъ нѣтъ смысла покидать насиженныя мѣста. Ну, значитъ, до завтрака. Послѣ дороги не мѣшаетъ поспать.

Когда Суриковъ ушелъ, Рато заперъ дверь на ключъ, бѣгло осмотрѣлъ комнату, нагнулся къ углу, возлѣ котораго стоялъ небольшой столикъ.

— Лишній проводъ, — пробормоталъ онъ. — Интересно знать, куда ведетъ?

Онъ отошелъ отъ стола и остановился взглядомъ на небольшомъ кругломъ отверстіи, пробуравленномъ въ полу между двумя дощечками паркета.

— Ну-ка?

Раскрывъ одинъ изъ чемодановъ, сыщикъ вынулъ нѣчто въ родѣ длинной стальной иглы и, ставъ на колѣна возлѣ отверстія, началъ осторожно просовывать иглу внутрь.

— Шутники! — Онъ приподнялся съ пола и разсмѣялся. — Очевидно, дочь. Изъ мести за описанное по суду имущество.

Покончивъ съ обслѣдованіемъ причины странныхъ звуковъ, о которыхъ говорилъ Суриковъ, Рато подошелъ къ одному изъ оконъ, выглянулъ: передъ нимъ открывалась вся площадка замка до самаго обрыва. Въ концѣ ея виденъ былъ полулежавшій въ лонгшезѣ Вольскій.

— Ну, а здѣсь?

Онъ направился къ другому окну, тоже выглянулъ. Тамъ, на черномъ дворѣ, сидя на табуретѣ около ящика для сора, чистилъ овощи поваръ. Возлѣ него стояла хорошенькая дѣвушка, очевидно, горничная, и о чемъ-то говорила.

Раскрывъ оба чемодана, Рато вынулъ изъ нихъ содержимое, подошелъ къ двери, попробовалъ, хорошо ли заперта. Затѣмъ, задернувъ на окнахъ густыя шторы, чтобы снизу нельзя было ничего увидѣть, закончилъ кое-какія приготовленія и весело потеръ руки.

— Ну, приступимъ. Если не для дѣла, то для своей репутаціи я ихъ удивлю, насколько возможно.

20.

— Послушайте, другъ мой, — сказалъ Вольскій секретарю, когда тотъ въ ожиданіи завтрака подошелъ къ нему. — А вы увѣрены, что не ошиблись?

— Въ чемъ ошибся, Павелъ Андреевичъ?

— Вы не думаете, что привезли сюда не того, кого надо?

— Нѣтъ, какъ будто бы это онъ.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, ошибся Камбонъ? Вѣдь, по-моему, это кто угодно: мясникъ. Базарный торговецъ. Бѣглый каторжникъ, наконецъ. Но никакъ не сыщикъ.

— Да... Я тоже вначалѣ былъ немного шокиро-

ванъ его видомъ. Въ особенности имѣя въ виду то обстоятельство, что онъ долженъ быть однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей. Однако, по всей вѣроятности, сыщики имѣютъ самую разнообразную внѣшность.

— Да, но это какое-то допотопное чудовище!

— Я бы не согласился съ вами, Павелъ Андреевичъ. Мнѣ кажется, послѣ потопа подобные экземпляры тоже встрѣчаются.

— Главное: какое право имѣетъ сыщикъ быть хромоногимъ? Какимъ образомъ, напримѣръ, онъ въ состояніи гнаться за бандитами, имѣя въ распоряженіи только одну цѣлую ногу?

— Да. И одно здоровое ухо притомъ. Но, въ общемъ, долженъ все-таки сказать, что по существу этотъ Рато парень не глупый. И, видимо, честный. Странная манера у него, правда, смотрѣть не въ глаза, а на носъ собесѣдника. Получается непріятное ощущеніе, будто черезъ носъ онъ хочетъ проникнуть въ сокровенныя мысли партнера. Но, я думаю, это не отъ нечистой совѣсти. Отъ дурного воспитанія, навѣрно.

Когда прозвучалъ гонгъ, и всѣ стали собираться къ столу, Рато явился уже въ довольно приличномъ видѣ. Бритый, причесанный, въ новомъ сѣромъ костюмѣ.

— А гдѣ Викторъ? — садясь на свое мѣсто, спросилъ Вольскій. — Не пришелъ? Ну, все равно. Начнемъ. А вы, мсье Рато, успѣли уже побывать гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, я спалъ, мсье.

— Такъ. Вамъ, навѣрно, здѣсь понравится. Кромѣ того Николай Ивановичъ искренно радъ, что вы къ нему вырвались изъ Парижа. Дня два, три у насъ, я думаю, пробудете?

— Какъ, простите? Не замѣтилъ...

— Не замѣтили? — Вольскій нахмурился. — Я говорю: дня два, три у насъ пробудете?

Ольга Петровна пренебрежительно взглянула на гостя. — Недурной пріятель у Сурикова, — подумала она, опустивъ взглядъ на тарелку. — Мало того, что хромаетъ, оказывается — глухъ впридачу.

— О, если разрѣшите, съ большимъ удовольствіемъ, мсье, — торопливо отвѣтилъ Вольскому сыщикъ. — Хотя я и не умѣю отдыхать, никогда этимъ труднымъ дѣломъ не занимался, но у васъ такъ чудесно, что охотно попробую.

— Ну, здѣсь, Мишель, отдыхъ не трудное занятіе, — весело проговорилъ Суриковъ. — Столько интересныхъ прогулокъ. Такъ пріятно слиться съ окружающей природой.

— Для вполнѣ здоровыхъ людей это такъ, дорогой мой. Но вы сами хорошо знаете, что уже скоро пятнадцать лѣтъ, какъ я хромаю на правую ногу, и уже двадцать лѣтъ, какъ глухъ на лѣвое ухо. А при такихъ обстоятельствахъ сливаться съ природой не такъ ужъ легко.

— По-моему, отдыхъ полезенъ при всѣхъ обстоятельствахъ, — наставительно произнесла Ольга Петровна, рѣшившая оказать вниманіе гостю, которому послѣ перваго знакомства до сихъ поръ не сказала ни слова. — А для больныхъ или увѣчныхъ — въ особенности.

— Какъ? Простите?

— Для увѣчныхъ, въ особенности.

— Да. Вы правы, мадамъ. Но на лонѣ природы мнѣ скучно, а на модныхъ курортахъ непріятно. Кому охота видѣть такое допотопное чудовище, какъ я!

Николай Ивановичъ поперхнулся, бросилъ испуганный взглядъ на Вольскаго, который, въ свою очередь, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на сыщика.

— Конечно, такіе экземпляры встрѣчаются уже

и послѣ потопа, вѣрно, — добродушно продолжалъ Рато. — Но, во всякомъ случаѣ, попасть въ фешенебельный курортный отель съ моей внѣшностью мясника или бѣглаго каторжника это — только смущать почтенную публику. Не правда ли, дружище? — обратился онъ къ остолбенѣвшему Сурикову. — А на лонѣ природы, мадамъ, сидѣть безъ работы для меня прямо трагедія. Когда занимаешься своимъ дѣломъ безъ передышки и, такъ сказать, безпросвѣтно, все ясно и опредѣленно. И настроеніе бодрое, и мыслей въ головѣ лишнихъ нѣтъ. А устроишь себѣ отпускъ на мѣсяцъ, отправишься куда-нибудь — и жутко становится. Вокругъ снуютъ люди, хлопочутъ, трудятся. А ты, какъ отверженный, бродишь гдѣ-то по саду или по берегу моря, смотришь на окружающихъ и вздыхаешь: что дѣлать теперь? Кромѣ того, мадамъ, во время отдыха возникаетъ и другое тяжелое чувство. Всегда начинаетъ казаться, что организмъ расшатанъ, что здоровье, въ общемъ, никуда. Въ первый день, пока еще не оглядѣлся, ничего. Во-второй тоже. Но на третій уже почему-то болитъ подъ ложечкой. На четвертый вспухаетъ селезенка. На пятый пошаливаетъ аппендиксъ. А затѣмъ гдѣ-то въ спинѣ поднимается колотье, у позвоночника образуется муравейникъ, и что-то такое начинаетъ пробираться отъ поясницы вверхъ, къ легкимъ. Это, какъ оказывается, блуждающая почка, мадамъ.

Горева презрительно поджала губы.

— Воспитаніе не первоклассное, — подумала она. — Въ первый разъ сѣлъ за столъ, сразу заговорилъ и не даетъ другимъ слова сказать.

— Впрочемъ, долженъ оговориться, конечно, — послѣ краткой паузы продолжалъ словоохотливый гость. — Что касается отдыха въ замкахъ, здѣсь дѣло другое. Здѣсь иногда все-таки находится коекакая работа. Вотъ, напримѣръ, мой другъ Николай

разсказывалъ, будто у васъ въ замкѣ водятся духи. А изслѣдованіе природы духовъ это уже кое-какой стимулъ для дѣятельности.

— Я не думаю, чтобы духи заслуживали такого ироническаго отношенія къ себѣ.

Ольга Петровна угрожающе посмотрѣла на Рато.

— Какъ? Простите? Ироническаго? Нѣтъ, я не иронически отношусь, не подумайте. Наоборотъ. Но только прежде всѣ эти явленія были гораздо сложнѣе, чѣмъ въ настоящее время. Чтобы напугать обитателей замковъ, привидѣніямъ раньше нужно было проникать черезъ потайные ходы, прятаться, рисковать даже тѣмъ, что кто-нибудь съ испуга пристрѣлитъ. Но теперь, когда техника шагнула впередъ, сдѣлаться духомъ очень удобно. Вотъ, напримѣръ, тѣ духи, которые имѣли честь безпокоить васъ въ вашей старой спальнѣ, тѣ чисто механическаго происхожденія.

— То-есть какъ механическаго?

— Я занимаю сейчасъ вашу прежнюю комнату, мадамъ, и случайно обнаружилъ двѣ любопытныя вещи. Во-первыхъ, лишній проводъ, который идетъ подъ полъ, и, во-вторыхъ, скрытый подъ половицами о-парлеръ...

— Въ самомъ дѣлѣ? — съ любопытствомъ вмѣшался въ разговоръ Вольскій. — Значитъ, что же? Это шутки какихъ-нибудь бездѣльниковъ, по-вашему?

— Безъ сомнѣнія, мсье. Только, нужно признаться, довольно избитый способъ теперь — прибѣгать къ помощи микрофоновъ. Всякій читатель современныхъ уголовныхъ романовъ отлично знаетъ его.

— Вотъ какъ... Можетъ быть, это опять... они? Гм... Гм... Кстати, Николай Ивановичъ. Забылъ ска-

зать вамъ. Послѣ завтрака я ѣду въ Женеву повидать кое-кого. Прикажите Джеку подать автомобиль. А Бетси пусть уложитъ самыя необходимыя вещи.

— Вы надолго, Павелъ Андреевичъ?

— До послѣзавтра. Къ обѣду вернусь. Ольга, — обратился Вольскій къ кузинѣ. — Если Жоржъ уже пріѣдетъ, передай ему мой привѣтъ. Послѣзавтра увидимся.

— Спасибо. Передамъ.

— А я вамъ въ Женевѣ не понадоблюсь, Павелъ Андреевичъ?

Суриковъ растерянно посмотрѣлъ на шефа.

— Нѣтъ, у васъ гость, вы можете оставаться. А васъ я надѣюсь еще увидѣть послѣзавтра, мсье Рато.

Черезъ часъ Вольскій уѣхалъ. Николай Ивановичъ сердечно попрощался съ нимъ, понимая, что старикъ не желаетъ находиться въ замкѣ въ тотъ моментъ когда Сергѣй вернется. Ольга Петровна послѣ отъѣзда кузена отправилась на обычную прогулку вокругъ замка; а Рато, когда автомобиль Вольскаго исчезъ за воротами, зѣвнулъ и лѣниво сказалъ Сурикову:

— Ну, что же. Пойду, посплю еще часочекъ, другой. Почему-то сонъ одолѣваетъ.

21.

Съ ужасомъ убѣдившись въ смерти своего друга, Викторъ бросился къ выходу изъ подземелья, чтобы сообщить въ замкѣ о происшедшемъ несчастьѣ. Однако, добѣжавъ до выходной двери, остановился.

— Какъ быть? Скрыть невозможно. Было бы подлостью по отношенію къ старику Вольскому. Но позвать кого-нибудь, разсказать, это — выдать себя

какъ соучастника Сергѣя. Можетъ быть, написать старику, а самому немедленно уѣхать? Но хорошъ другъ, который позорно бѣжитъ при такихъ обстоятельствахъ. А кромѣ того... Отчего Сергѣй умеръ? А вдругъ его, Виктора, сочтутъ виновникомъ смерти? И арестуютъ?

Подобныя мысли окончательно сразили Шорина. Бѣжать нельзя, ясно. Нужно претерпѣть до конца.

Онъ вернулся въ подземелье и началъ внимательно осматривать комнату, чтобы выяснить, отъ чего могла произойти смерть. Крови нигдѣ не было видно. Впечатлѣніе такое, будто Сергѣй просто уснулъ. Значитъ, смерть послѣдовала не отъ выстрѣла и не отъ удара, нанесеннаго какимъ либо холоднымъ оружіемъ. Въ такомъ случаѣ, что можетъ быть? Ядъ? Внезапная смерть отъ испуга? Или... змѣя?

Викторъ приблизился къ дивану, чтобы внимательно осмотрѣть Сергѣя, но не рѣшился притронуться. Нагнувшись, онъ посмотрѣлъ только на блѣдное полное спокойствія лицо, на безпомощно лежавшія по бокамъ руки, не замѣтилъ никакихъ слѣдовъ насильственной смерти и отошелъ въ сторону.

— Надо дать знать! — твердо рѣшилъ онъ. — Не трогать ничего, оставить все такъ, какъ есть, чтобы облегчить дѣло слѣдствія.

При мысли о слѣдствіи невыразимая тоска охватила молодого человѣка. Начнутъ допрашивать, копаться во всей этой исторіи. А когда затѣяли? А что дѣлали въ эти дни? А какъ сообщались? А гдѣ деньги?

Вспомнивъ о деньгахъ, Шоринъ торопливо вытащилъ изъ кармана пачку тысячефранковыхъ билетовъ и брезгливо бросилъ ее на столъ. Это сразу принесло облегченіе. Вѣдь каково было бы, въ самомъ дѣлѣ, забыть и оставить въ карманѣ. Нашли

бы при обыскѣ, рѣшили бы, что онъ завладѣлъ ими и ради этого даже убилъ. Какой ужасъ!

Подойдя къ столу, онъ прикрылъ деньги банкой изъ-подъ консервированнаго молока, чтобы онѣ случайно не упали на полъ.

— Бѣдный, бѣдный Сергѣй! Вотъ листки рукописи... Уже сколько написано... А это что? Письмо?

Викторъ протянулъ руку, взялъ письмо, но сейчасъ же бережно положилъ обратно. Почеркъ былъ женскій, а въ концѣ стояла подпись «Кэтъ». Какъ истый джентльмэнъ онъ конечно не могъ позволить себѣ прочесть письмо, адресованное не ему. Одно только удивило его, когда онъ посмотрѣлъ на подпись. Снизу стояла какая-то приписка, сдѣланная рукой Сергѣя. Можетъ быть, прочесть приписку? А. вдругъ, въ ней кроется разгадка?

Онъ преодолѣлъ чувство деликатности и, разсудивъ, что въ подобныхъ случаяхъ излишняя щепетильность можетъ принести только вредъ, снова взялъ въ руки письмо.

«Ну, что же... Все кончено. Теперь остается отравиться» было написано рукою Сергѣя.

А выше, передъ подписью «Кэтъ», для пользы дѣла Викторъ прочелъ и заключительную фразу письма. Эта фраза говорила весьма многое:

«Прощайте же навсегда и не проклинайте меня за то, что я полюбила другого. Такова, видно, судьба».

— Самоубійство! — со страхомъ подумалъ Шоринъ, положивъ на столъ письмо и съ грустнымъ укоромъ посмотрѣвъ въ сторону лежавшаго друга. — Эхъ, глупецъ, глупецъ... Неужели изъ-за нея? Изъ-за дрянной дѣвченки, съ которой цѣловался и я, и Джонъ, и Эдуардъ? Эхъ, Сергѣй! Какой ты ребенокъ!

На глазахъ у Виктора навернулись слезы. Ему

было не только жаль пріятеля, но и обидно, что тотъ разыгралъ такого дурака изъ-за легкомысленной женщины. Поднеся платокъ къ глазамъ и горько улыбнувшись при мысли, что слезы недостойны взрослаго джентльмэна, онъ снова оглядѣлъ комнату, чтобы понять, какимъ способомъ Сергѣй могъ покончить съ собой, и взглядъ его упалъ на полку, гдѣ лежалъ мѣшокъ съ крысинымъ ядомъ.

— Оставалось тамъ что-нибудь? — Шоринъ быстро подошелъ къ полкѣ, ощупалъ мѣшочекъ.

— Да. Есть. Очевидно, отравился.

Не зная, на что рѣшиться, Викторъ больше часа бродилъ вокругъ замка, погруженный въ мрачныя размышленія. Однако, придумать ничего нельзя было. Оставалось одно: разсказать о случившемся и чистосердечно признаться во всемъ.

Принявъ это рѣшеніе, онъ поднялся на площадку замка. Вольскаго уже не было: уѣхалъ въ Женеву. Подъ каштанами, возлѣ обрыва, сидѣлъ одинъ только Суриковъ и читалъ газету.

— Николай Ивановичъ, — нерѣшительно, прерывающимся голосомъ, сказалъ Викторъ, подойдя къ секретарю. — Мнѣ нужно вамъ... сообщить...

Тотъ съ иронической улыбкой обернулся къ молодому человѣку, ожидая, что въ связи съ исторіей о бандитахъ Шоринъ начнетъ разсказывать какой-нибудь очередной вздоръ.

— Наконецъ-то явились. Есть что-нибудь новое?

— Да...

— Свѣдѣнія о бандитахъ получили?

— Нѣтъ...

Шоринъ опустилъ голову. Секретарь удивленно посмотрѣлъ на него.

— А въ чемъ дѣло? Почему вы такъ разстроены?

— Ахъ, Николай Ивановичъ... Если бы вы знали, какъ мнѣ тяжело... Вы не представляете всего ужаса... Понимаете... Сергѣй умеръ!

— Какъ?

Суриковъ приподнялся въ креслѣ, поправилъ очки.

— Ну-ну... Бросьте шутки! Ваши выдумки, въ концѣ концовъ, заходятъ слишкомъ далеко!

— Сергѣй умеръ, — грустно повторилъ Викторъ. — Къ сожалѣнію, это уже не выдумка. Это правда.

— Послушайте, Шоринъ! — зловѣще повысивъ голосъ, произнесъ Суриковъ. — Вы могли лгать про разбойниковъ. Вы могли разсказывать небылицы про похищеніе. Но шутить такими вещами... Вы отдаете себѣ отчетъ въ томъ, что говорите?

— Все, что я говорилъ до сихъ поръ, это ложь. Вѣрно. Но теперь я не лгу. Вотъ, выслушайте меня...

Молодой человѣкъ печально опустился въ стоявшее рядомъ кресло и, повернувшись лицомъ къ замку, чтобы никто внезапно не подошелъ къ нимъ и не услышалъ, вполголоса сталъ разсказывать всю исторію по порядку: какъ они нашли подземный ходъ, какъ придумали нападеніе на горѣ, какъ написали письмо Вольскому, какъ, наконецъ, сегодня онъ, Викторъ, пошелъ въ подземелье съ деньгами и увидѣлъ Сергѣя лежащимъ на диванѣ безъ признаковъ жизни.

— Значитъ, онъ сейчасъ тамъ? — со страхомъ спросилъ Суриковъ. — Въ подземельѣ?

— Я оставилъ его въ томъ видѣ, въ какомъ нашелъ.

— Мы сейчасъ же пойдемъ туда... — Николай Ивановичъ всталъ, вытеръ платкомъ лобъ. — Господи, Господи! Какъ ужасно! А, кромѣ того... Вы понимаете, что будетъ съ отцомъ?

— Я потому и рѣшилъ разсказать только вамъ. Мы должны обсудить, что предпринять дальше.

— Обсудить! Будто это выходъ! Погодите... Я вызову Рато... Онъ кое-что понимаетъ въ этихъ вещахъ... Боже, Боже... Что дѣлать? Рано или поздно Павлу Андреевичу нужно сообщить... Придется звать врача... Полицію... Нѣтъ, вы понимаете, что надѣлали? Вы сознаете?

— Я могу уѣхать, если Вольскому будетъ тяжело меня видѣть.

— Уѣхать! Уѣхать никогда не поздно! Но сейчасъ вы обязаны находиться здѣсь. Только вы знаете всѣ детали! Идемте за Рато! Я прямо теряю голову!

Суриковъ быстро направился къ замку. Викторъ за нимъ. Но не успѣли они подойти къ главному входу, какъ въ дверяхъ показался сыщикъ, державшій въ рукѣ небольшой саквояжъ.

— Да... Ужасная исторія, — подойдя къ Николаю Ивановичу, озабоченно заговорилъ Рато. — Имѣйте въ виду, я все уже знаю. Идемте сейчасъ же въ подземелье. Не нужно терять времени.

Сыщикъ быстро заковылялъ, направляясь къ воротамъ. Шоринъ изумленно взглянулъ на Сурикова, молча послѣдовалъ за страннымъ гостемъ. Николай Ивановичъ, едва поспѣвая, засѣменилъ за ними своими короткими ножками.

— Между прочимъ... — остановившись возлѣ воротъ и взглянувъ на Виктора, сказалъ Рато. — Мы не знакомы съ вами, мсье. Я старый другъ Николая Ивановича — Рато. Слава Богу, что мнѣ одно время пришлось быть судебнымъ слѣдователемъ: теперь я могу оказать вамъ кое-какую пользу. Только смотрите, молодой человѣкъ: съ сегодняшняго дня вы должны говорить одну правду. Дѣло и такъ слишкомъ запутано.

— Можетъ быть, мсье Рато, я все-таки разскажу вамъ вкратцѣ, что случилось? — нерѣшительно предложилъ Суриковъ.

— Нѣтъ. Лишнее. Мнѣ все главное уже извѣстно. И про подземелье. И про пять тысячъ. И про смерть. Вотъ одно неясно, пожалуй. Какъ идти туда. Прошу васъ, молодой человѣкъ, показывайте дорогу.

— Да, да... — растерянно пробормоталъ Викторъ. — Только... Все-таки... Откуда вамъ это извѣстно?

— Идите, идите впередъ. Время слишкомъ дорого, чтобы заниматься праздными разговорами.

22

— Вотъ входъ, — раздвинувъ кусты, проговорилъ, наконецъ, Шоринъ. — Здѣсь нѣсколько ступенекъ, а затѣмъ дверь.

Онъ потянулъ дверь къ себѣ и почувствовалъ, что она не поддается усиліямъ.

— Что такое? — удивленно пробормоталъ онъ. — Кто-то заперъ изнутри?

Спустившись вслѣдъ за Викторомъ, Рато въ свою очередь попробовалъ открыть дверь, но тоже тщетно.

— Задвинутъ засовъ, — сказалъ онъ. — А вы, молодой человѣкъ, выходили въ послѣдній разъ отсюда?

— Да. Часа два тому назадъ.

— И она открывалась свободно?

— Да. Не понимаю...

— А въ подземелье есть еще другой какой-нибудь входъ?

— Нѣтъ. Мы съ Сергѣемъ не видѣли. Отсюда идетъ коридоръ, который кончается комнатой.

— Хорошо. А окно имѣется?

— Оно съ той стороны.

— Идемте, въ такомъ случаѣ, къ окну.

Они стали продираться сквозь заросли.

— Очевидно, кто-то тамъ былъ... — бормоталъ Викторъ, отцѣпляя отъ костюма колючія вѣтки ежевики и медленно продвигаясь впередъ. — Но кто?

Окно оказалось полуоткрытымъ. Къ счастью, отъ старой рѣшетки, когда-то вдѣланной въ камень, оставался теперь одинъ только боковой прутъ, и худому человѣку, хотя и съ трудомъ, можно было пролѣзть внутрь.

— Я попробую, — сказалъ Викторъ, ставъ къ окну спиной и просунувъ въ отверстіе ноги. — А вы, господа, отправьтесь назадъ къ двери. Я отворю вамъ.

Спустившись въ комнату, онъ быстро прошелъ по коридору, впустилъ спутниковъ и вернулся съ ними въ комнату Сергѣя.

— Вотъ... На диванѣ....

Рато подошелъ къ Сергѣю, взялъ за руку, потрогалъ голову, разстегнулъ жилетъ и приложилъ ухо къ сердцу.

— Мертвъ, — поднимаясь съ пола, произнесъ онъ. — Нужно послать за врачемъ, чтобы окончательно удостовѣриться. А ну, что тутъ вокругъ?

— Вотъ... Мѣшочекъ съ ядомъ... — Викторъ подошелъ къ полкѣ.

— Не торопитесь. Дойдемъ и до яда.

Сыщикъ обошелъ комнату, осмотрѣлъ письменный столъ, прочелъ письмо Кэтъ, изслѣдовалъ содержимое полокъ, заглянулъ въ мѣшочекъ съ ядомъ, пытливымъ взглядомъ окинулъ стѣны и началъ осмотръ пола.

Пока онъ занимался всѣмъ этимъ, спутники его молча стояли возлѣ дивана и съ грустью смотрѣли на лежавшаго Сергѣя. Секретарь прослезился. Онъ

тяжко вздохнулъ, досталъ изъ кармана платокъ, снялъ очки, вытеръ глаза.

— Какой прекрасный юноша... И погибъ!...

— Сергѣй былъ для меня самымъ близкимъ человѣкомъ... — пробормоталъ Шоринъ, усиленно хмурясь, чтобы не послѣдовать примѣру Сурикова и не выказать слабости, недостойной мужчины. — Я его... очень любилъ.

— Отецъ останется совершенно одинокимъ... — продолжалъ подавленнымъ голосомъ Николай Ивановичъ. — Жена умерла. Теперь сынъ... Перенесетъ ли онъ это?

Почувствовавъ, что предательская слеза все-таки катится по щекѣ, Викторъ быстро отвернулся, подошелъ къ письменному столу, посмотрѣлъ на него, увидѣлъ банку отъ консервированнаго молока, вспомнилъ про пять тысячъ... И испуганно, вдругъ, воскликнулъ:

— Украли деньги!

Рато поднялъ голову. Суриковъ отошелъ отъ Сергѣя, направился къ столу.

— Вотъ я тутъ положилъ... — растерянно бормоталъ молодой человѣкъ. — Всѣ пять бумажекъ... Нарочно прикрылъ банкой... Чтобы не упали...

— Можетъ быть, сюда еще кто-то входилъ? — стараясь отвлечься отъ тяжкихъ мыслей, безразлично проговорилъ Николай Ивановичъ.

— Разумѣется. Вѣдь, я же говорю, что дверь была не заперта, когда я ушелъ!

— Нѣтъ, это не самоубійство... — Сыщикъ продолжалъ осматривать полъ возлѣ стѣны. — Вотъ я вижу разрѣзъ. Тутъ находится люкъ, который ведетъ внизъ.

— Люкъ? Значитъ... Кто-нибудь оттуда?

Обрадованный Шоринъ быстро подошелъ къ Рато, нагнулся къ полу.

— Сдвиньте столъ въ сторону. Вотъ такъ. Теперь возьмите съ полки электрическій фонарикъ. Я его только что видѣлъ. Ну-ка, попробуемъ.

Сыщикъ ухватился пальцами за выступъ доски у самой стѣны и сталъ тянуть вверхъ. Четыреугольный люкъ приподнялся.

— Ну, вотъ... — удовлетворенно заговорилъ Викторъ. — Очевидно, тотъ, кто заперъ дверь, взялъ деньги и бѣжалъ черезъ этотъ ходъ. Сейчасъ все узнаемъ.

— Посвѣтите мнѣ. — Рато нащупалъ ногами ступеньки, началъ спускаться. — Теперь можете потушить. Тутъ тоже проведено электричество.

Онъ протянулъ руку къ выключателю, зажегъ свѣтъ. Спустившись за нимъ, Суриковъ и Викторъ очутились въ нижней комнатѣ. Сыщикъ внимательно осмотрѣлъ ее, снялъ что-то со столика, стоявшаго у стѣны, положилъ въ саквояжъ. Затѣмъ всѣ направились въ коридоръ и черезъ нѣсколько минутъ вышли къ обрыву возлѣ шоссе.

— Погодите минутку, — доставая изъ саквояжа небольшой фотографическій аппаратъ, произнесъ Рато. — По-моему, мы несомнѣнно имѣемъ дѣло съ преступленіемъ.

Нагнувшись къ землѣ, онъ обошелъ свободное отъ растительности пространство возлѣ входа въ подземелье и сдѣлалъ нѣсколько снимковъ, затѣмъ двинулся дальше, къ тому мѣсту, гдѣ Сергѣй ночью бесѣдовалъ съ Наташей, щелкнулъ аппаратомъ нѣсколько разъ и вернулся.

— Скажите, молодой человѣкъ, — небрежно спросилъ онъ. — Дочь этого русскаго профессора, навѣрно, довольно граціозна?

— Кто? Дочь Лунина? Пожалуй...

— Худенькая?

— Да.

— По старомодному носитъ длинные волосы?

— Да.

— Ну, идемъ дальше. Покажите теперь то мѣсто, гдѣ находится жестянка для продуктовъ, о которой вы мнѣ говорили.

— Я... говорилъ?

— То-есть не мнѣ, а Николаю Ивановичу. Все равно.

Шоринъ проводилъ спутниковъ черезъ кусты къ старому саду и направился къ зарослямъ.

— Вотъ, здѣсь.

— Отлично, — осмотрѣвъ жестянку, сказалъ Рато. — А теперь, господа, посидите гдѣ-нибудь въ сторонѣ, а я осмотрю кусты. Очень хорошо, что здѣсь ежевика. Люблю ежевику. Жаль только, незрѣлая...

Викторъ съ удивленіемъ слѣдилъ за дѣйствіями Рато. Точно такъ же, какъ и у входа въ подземелье, тотъ осмотрѣлъ землю возлѣ жестянки, сдѣлалъ нѣсколько снимковъ, обошелъ кустъ со всѣхъ сторонъ и углубился въ заросли.

— Николай Ивановичъ... — боязливо спросилъ Викторъ. — Рато, дѣйствительно, вашъ другъ?

— А почему ему не быть моимъ другомъ?

— Да... Конечно. Но изъ него могъ бы выйти отличный сыщикъ. Откуда, напримѣръ, онъ узналъ подробности нашего разговора?

— Не знаю...

Суриковъ погрузился въ мрачныя мысли о происшедшемъ.

Черезъ нѣсколько минутъ Рато вернулся изъ зарослей, держа въ рукѣ букетъ колючихъ вѣтвей ежевики.

— Срѣзалъ на память, — бережно пряча вѣточки въ чемоданъ, съ легкой усмѣшкой пробормоталъ онъ. — Ну, а теперь... Одинъ вопросъ, господа. Кто

въ замкѣ зналъ о существованіи подземнаго хода?

— Только я и Сергѣй, — увѣренно произнесъ Викторъ.

— А прислуга?

— Нѣтъ.

— Вотъ развѣ, можетъ быть, сторожъ Роберъ? — хмуро замѣтилъ Суриковъ. — Онъ здѣсь живетъ съ незапамятныхъ временъ. Хотите допросить его?

— Не мѣшало бы. Но, во всякомъ случаѣ, нуженъ порядокъ. Поэтому я совѣтую сдѣлать такъ. Мы съ вами, Николай Ивановичъ, разыщемъ сторожа и разспросимъ его. А вы, Шоринъ, отправляйтесь за докторомъ. Доктору мы скажемъ, что никакого преступленія не подозрѣваемъ, что молодой человѣкъ давно думалъ покончить съ собой и, какъ видно, принялъ ядъ. Полиціи пока о смерти тоже не нужно сообщать. Это можно сдѣлать, когда мсье Вольскій вернется. А я сейчасъ же послѣ ухода врача долженъ исчезнуть.

— Какъ? Хотите уѣхать?

Суриковъ испуганно посмотрѣлъ на сыщика.

— До завтрашняго утра только. Мнѣ нужно поближе ознакомиться съ семьей Луниныхъ.

23.

Пославъ Виктора за докторомъ, сыщикъ отправился съ Суриковымъ къ оранжереѣ, гдѣ въ небольшой полуразрушенной пристройкѣ, служившей раньше складомъ земледѣльческихъ инструментовъ, помѣщался Роберъ.

Какъ видно, когда-то здѣсь находились огромныя теплицы, въ которыхъ разводились диковинные цвѣты и, судя по остаткамъ высокихъ столбовъ, быть можетъ, экзотическіе кустарники и даже деревья. Те-

перь же всюду была мерзость запустѣнія. Лежали въ травѣ порыжѣвшіе желѣзные переплеты отъ парниковъ, груды почернѣвшихъ отъ времени стеколъ, кирпичи, камни съ присохшимъ цементомъ. И торжествующій плющъ вился по столбамъ, перекидывался съ куста на кустъ, густо заплеталъ развалины стѣнъ.

— Вотъ здѣсь его дверь, мсье Рато. Я постучу.

— Нѣтъ, нѣтъ, входите лучше внезапно. А затѣмъ извинитесь.

Рато толкнулъ дверь. Передъ нимъ оказалась убогая кухня съ проржавѣвшей плитой и некрашенымъ столомъ посрединѣ. Въ глубинѣ находилась вторая дверь, ведущая въ каморку, служившую Роберу спальней.

— Кто тамъ? — раздался изнутри тревожный голосъ.

Сквозь открытую вторую дверь Рато замѣтилъ, какъ старикъ подбѣжалъ къ стоявшему у окна столику, сгребъ съ него какіе-то мелкіе предметы, выдвинулъ ящикъ и сбросилъ все это внутрь.

— Мы стучали, но вы, навѣрно, не слышали, — хмуро произнесъ по-французски Суриковъ. — Намъ нужно съ вами поговорить объ одномъ дѣлѣ, Роберъ.

Старикъ загородилъ своей фигурой столъ и растерянно началъ кланяться поочередно то секретарю Вольскаго, то сыщику.

— Пожалуйста, мсье... Очень радъ, мсье... Къ вашимъ услугамъ, мсье....

— Дѣло, вотъ, въ чемъ. Скажите: вамъ извѣстно, что въ нашемъ замкѣ имѣется подземелье, идущее отъ стараго сада къ шоссе?

— Подземелье? — Старикъ, какъ будто, обрадовался. — Да, мсье. Извѣстно. Подземелье есть. Да. Но только будьте спокойны, я въ него никогда не вхожу.

— Я васъ не спрашиваю, входите вы или нѣтъ. Но почему до пріѣзда мсье Вольскаго, когда я васъ просилъ показать все имѣніе, вы мнѣ ничего не упомянули о подземномъ ходѣ?

— Да, мсье. Я не подумалъ объ этомъ. Но подземелье совершенно не годится для жилья почтеннымъ лицамъ. Лучше спать здѣсь, въ оранжереѣ, нежели тамъ.

— Погодите, другъ мой, — вмѣшался въ разговоръ Рато, который уже успѣлъ осмотрѣть комнату и увидѣть на столѣ нѣсколько часовыхъ стрѣлокъ и маленькихъ зубчатыхъ колесиковъ. — Что вы ничего не разсказывали про подземелье, это понятно. Жить тамъ, правда, не стоитъ. Но, можетъ быть, вы намъ скажете, что находилось тамъ раньше?

— Тамъ находились заключенные короля Амедея, мсье. Въ ожиданіи казни.

— Король Амедей насъ мало интересуетъ, старикъ. Я васъ спрашиваю, что въ подземельѣ находилось, когда здѣсь жилъ профессоръ Лунинъ?

— Тамъ были привидѣнія, мсье.

— А кто провелъ туда электричество?

— При королѣ Амедеѣ электричество уже было, мсье.

— А вы знаете, онъ форменный оселъ, — проговорилъ по-русски Рато, обращаясь къ Николаю Ивановичу. — Не думаю, чтобы такой типъ имѣлъ какое-нибудь отношеніе къ смерти молодого Вольскаго. — Послушайте, другъ мой, — переходя на французскій языкъ, снова обратился онъ къ старику. — А что это у васъ за предметы на столѣ? Принадлежности часового механизма?

— Да, мсье. У меня испортились часы.

— Но я здѣсь вижу... разъ, двѣ, три, четыре.... Одиннадцать стрѣлокъ и пять пружинъ. Развѣ на вашихъ часахъ одиннадцать стрѣлокъ?

— Да, мсье.

— Пойдемте отсюда, — нахмурившись произнесъ Суриковъ. — Подобному субъекту сравненіе съ осломъ можетъ только польстить.

— Это вѣрно. — Рато бросилъ внимательный взглядъ на таинственный ящикъ стола. — Пока старика можно оставить въ покоѣ, хотя кое-что интересное въ его дѣятельности я и замѣчаю. Кстати, Николай Ивановичъ, — выходя изъ жилища старика, осторожно продолжалъ сыщикъ. — Для пользы дѣла вы, пожалуйста, до конца всей исторіи никому не выдавайте моего инкогнито.

— Хорошо.

— Мнѣ такъ гораздо легче будетъ работать. А, кромѣ того, еще одна просьба: скажите прислугѣ, чтобы она не пыталась входить ко мнѣ въ комнату, съ цѣлью уборки. Ключъ будетъ всегда у меня.

— Такъ... А относительно смерти Сергѣя я могу сообщить живущимъ въ замкѣ?

— Сообщите. Только пусть никто не звонитъ въ Женеву Вольскому. Это преждевременно.

Въ ожиданіи доктора сыщикъ отправился въ свою комнату укладываться, а Суриковъ пошелъ на площадку, гдѣ сидѣла съ вязаньемъ въ рукахъ Ольга Петровна. Возлѣ нея стояла Бетси, покорно выслушивая наставленія госпожи.

— Я не знаю, куда вы исчезаете, Бетси, — холодно говорила по-англійски Горева, не глядя на горничную. — Меня нисколько не интересуетъ маршрутъ вашихъ прогулокъ. Но я бы хотѣла, чтобы вы всегда являлись, когда вамъ звонятъ.

— Это случилось всего разъ, только сегодня утромъ.

— Къ сожалѣнію, это случилось не только сегодня утромъ, но случалось довольно часто за все то время, какъ мы здѣсь живемъ. Въ прошлое воскре-

сенье вы не подали мнѣ кофе въ комнату. Я тогда звонила четыре раза. Въ эту среду послѣ завтрака вы мнѣ не принесли горячей воды. Я звонила пять разъ. Передъ воскресеньемъ, въ четвергъ или въ пятницу, вы не взяли почистить мои туфли, хотя я звонила семь разъ.

— Я долженъ сообщить вамъ нѣчто, Ольга Петровна, — подойдя къ кузинѣ Вольскаго, грустно проговорилъ Суриковъ. — Бетси, не уходите. Это печальное извѣстіе касается всѣхъ насъ.

— Что-нибудь съ Жоржемъ?

Горева поблѣднѣла.

— Нѣтъ, не съ нимъ. Дѣло касается Сергѣя.

— А! Сергѣя, — успокоившись, пробормотала Ольга Петровна. — Что же случилось? Нашелся мальчикъ?

— Увы... И да, и нѣтъ. Мы случайно обнаружили его здѣсь, въ подземельѣ замка. Но онъ... Вы только не волнуйтесь. Мы нашли его... Онъ оказался.... мертвымъ.

— Боже... Мертвымъ? — широко раскрывъ глаза, прошептала Горева. — И вы не ошибаетесь?

— Я самъ былъ тамъ. Видѣлъ.... Какъ это случилось, неизвѣстно. Но есть основаніе думать, что Сергѣй покончилъ самоубійствомъ.

— Бѣдное дитя! — Горева опустила голову, на глазахъ показались слезы. — Я всегда говорила Павлу Андреевичу, что онъ слишкомъ строгъ съ нимъ. Господи! Какъ неожиданно... Какой ужасъ...

Черезъ полчаса на площадкѣ замка загудѣлъ автомобиль. Шоринъ привезъ врача. Въ сопровожденіи обитателей замка врачъ отправился въ подземелье. Комната, въ которой лежалъ Сергѣй, не могла вмѣстить всѣхъ, и докторъ попросилъ Виктора, Сурикова и Рато остаться съ нимъ, а остальнымъ предложилъ выйти въ коридоръ.

— Вы предполагаете преступленіе? — дѣловито спросилъ врачъ у Николая Ивановича, взглянувъ на мертваго Сергѣя и любопытнымъ взглядомъ окинувъ странное помѣщеніе.

— Нѣтъ, едва-ли, мсье.

— Очевидно, юноша отравился на романической почвѣ, — произнесъ Рато, взявъ со стола письмо и показывая его доктору. — Видите... Эта приписка ясно указываетъ, въ чемъ дѣло.

Докторъ мелькомъ взглянувъ на письмо, попросилъ перевести написанное на французскій языкъ, покачалъ головой и присѣлъ на корточки возлѣ дивана.

— Да, мертвъ, — удовлетворенно произнесъ онъ. — Только о причинѣ смерти пока не могу точно сказать. Можетъ быть, отравленіе, можетъ быть, что-либо другое. Во всякомъ случаѣ, на тѣлѣ никакихъ слѣдовъ не имѣется. Всего вѣроятнѣе, ядъ.

Врачъ поднялся съ пола, аккуратно вытеръ запылившіяся колѣна и задумчиво посмотрѣлъ на Николая Ивановича.

— Конечно, лучше всего произвести вскрытіе, — добавилъ онъ. — Вскрытіе сразу дастъ полную картину.

— Вскрытіе? — Суриковъ поблѣднѣлъ. — Я не знаю... Безъ согласія отца... Невозможно.

— А гдѣ отецъ умершаго?

— Въ Женевѣ.

— Въ Женеву легко позвонить по телефону. Ну, впрочемъ, ваше дѣло. Въ такомъ случаѣ, я пока дамъ свидѣтельство. А если отецъ пожелаетъ, пошлите за мной. За тысячу франковъ будете знать все въ точности и спокойно его похороните.

Врачъ подошелъ къ столу, вырвалъ изъ своего блокнота листъ, досталъ изъ кармана стило, сталъ писать.

— Кстати, — прервавъ свою работу, спросилъ онъ Сурикова. — А ядъ могъ быть у него подъ рукой?

— Да. Онъ травилъ имъ крысъ. Показать вамъ?

— Нѣтъ, мерси. Значитъ, я напишу: отравленіе.

24.

— Ну, а теперь мнѣ пора. — Рато вышелъ съ Викторомъ и Суриковымъ изъ подземелья, въ которомъ еще оставались докторъ и всѣ обитатели замка, включая Робера, который неизвѣстно какимъ образомъ узналъ о происшествіи. — Мсье Шоринъ, не откажите въ любезности вызвать по телефону автомобиль. А затѣмъ вы меня проводите въ городъ и покажете, гдѣ живетъ профессоръ Лунинъ.

— Слушаю.

Черезъ полчаса сыщикъ вытащилъ изъ своей комнаты одинъ изъ большихъ чемодановъ, самъ снесъ его въ автомобиль и сказалъ Сурикову, что завтра рано утромъ вернется.

Проводивъ Рато въ городъ, гдѣ сыщикъ снялъ для себя комнату въ отелѣ «Босежуръ», недалеко отъ виллы Лунина, Викторъ печально побрелъ назадъ къ замку. Все пережитое сегодня такъ подавило его, что онъ чувствовалъ себя совершенно разбитымъ. Насколько было бы легче, если бы Сергѣй умеръ просто такъ, безъ всей этой исторіи! А то къ тяжести потери друга примѣшивались еще — отвращеніе къ самому себѣ, ощущеніе раскаянія, боязнь подозрѣній относительно денегъ...

На минуту показалось заманчивымъ, приходившее уже раньше въ голову рѣшеніе — завтра же бросить все и уѣхать въ Лондонъ. Пусть не совсѣмъ благородно... Пусть малодушіе. Все равно. Но какъ

уѣхать? Тогда-то подозрѣнія и окажутся наиболѣе вѣскими. Если бѣжалъ, значитъ, совѣсть нечиста. Очевидно, онъ и убилъ. Поѣздъ идетъ... А вдогонку телеграмма: «задержать» Въ вагонъ входятъ жандармы: «Вашъ документъ. Викторъ Шоринъ? Отлично. Васъ-то намъ и надо. Эй, надѣвайте на него наручники! Ну, бродяга, выходи! Поторапливайся!»

— Наташа?

Викторъ увидѣлъ вдали изящную фигуру дочери профессора. Наташа, очевидно, шла изъ аптеки, несла съ собой какой-то громоздкій пакетъ.

— Добрый день, Наталья Дмитріевна.

— Здравствуйте.

Несмотря на все умѣнье владѣть собой, Наташа казалась сильно разстроенной. Увидѣвъ Шорина, она нахмурилась, взглянула на него съ плохо скрываемой непріязнью.

— Я уже знаю о несчастьѣ, — холодно проговорила она. — Мнѣ только что сообщили, что Сергѣй умеръ.

— Да... А кто сообщилъ?

— Въ аптекѣ былъ докторъ Рожс. Онъ недавно вернулся изъ замка.

Лунина говорила это какъ будто съ сожалѣніемъ. Но въ ея голосѣ чувствовалась какая-то сухость, отсутствіе искренняго участія.

— Въ такихъ случаяхъ я стѣсняюсь быть краснорѣчивымъ... Но вы представляете, что долженъ испытывать я, какъ другъ Сергѣя...

— Разумѣется. Всего хорошаго...

Шоринъ пошелъ дальше. Выйдя изъ города, онъ сѣлъ на берегу рѣки, печально посмотрѣлъ въ сторону замка. Вотъ, тропинка, по которой они вдвоемъ съ Сергѣемъ обычно ходили... Вотъ высокій утесъ вдали, съ котораго Наташа соскользнула на выступъ, перепугавъ своихъ спутниковъ. Какъ хо-

рошо, беззаботно было тогда, и какъ отвратительно, мрачно на душѣ теперь!

Часто останавливаясь въ пути, Викторъ, наконецъ, вернулся домой. Распоряженіе Николая Ивановича о переносѣ тѣла покойнаго въ замокъ уже было исполнено. Сергѣй лежалъ въ большой угловой комнатѣ, въ которой и раньше было мрачно отъ узкихъ оконъ, задѣланныхъ желѣзной рѣшеткой и отъ сводчатаго каменнаго потолка. Теперь же здѣсь было особенно жутко. Суриковъ по телефону заказалъ въ городѣ гробъ, который за время отсутствія Шорина уже успѣли доставить, и этотъ гробъ съ тѣломъ Сергѣя стоялъ на возвышеніи, покрытомъ чернымъ сукномъ. Вокругъ свѣшивались длинныя вѣтви вьющихся розъ, срѣзанныхъ Ольгой Петровной при помощи Бетси. На полу лежалъ огромный ковёръ. Возлѣ гроба горѣли въ старинныхъ канделябрахъ свѣчи, которыя Николай Ивановичъ приказалъ принести сюда для большей торжественности.

До десяти часовъ вечера среди обитателей замка продолжалась мрачная суета. Горева трогательно украшала комнату; Бетси, на глазахъ которой не высыхали слезы, бѣгала взадъ и впередъ, исполняя приказанія госпожи; поваръ Томъ помогалъ Бетси, и даже старикъ Роберъ проявлялъ участіе въ бѣдѣ.

— Можетъ быть, завтра утромъ намъ все-таки протелефонировать въ Женеву? — спросила Сурикова Ольга Петровна, собираясь уже идти къ себѣ въ спальню.

— Право, не знаю. Положеніе такое, что не представляю, какъ поступить... Думаю, поѣхать самъ... Мсье Рато говоритъ...

— А кто такой мсье Рато? Какое отношеніе имѣетъ этотъ господинъ къ нашимъ семейнымъ дѣламъ?

— Да... Конечно... Но онъ... Во всякомъ слу-

чаѣ, вотъ что. Подождемъ, пока пріѣдетъ вашъ сынъ. Тогда рѣшимъ окончательно.

— Какъ хотите. А теперь еще одинъ вопросъ. По-моему, на ночь нужно кого-нибудь попросить остаться здѣсь, возлѣ гроба.

— Вы думаете?

— Я считаю, что это будетъ приличнѣе по отношенію къ покойному. Мы и такъ не имѣемъ здѣсь никого изъ духовныхъ лицъ. Завтра я обязательно пошлю телеграмму въ Парижъ священнику.

— Да, да, вы правы. — Суриковъ смутился, чувствуя, что Горева проявила больше чутья, нежели онъ. — Нужно кого-нибудь попросить. Если хотите, я самъ буду дежурить.

— Нѣтъ, зачѣмъ вы...

— Я тоже могу, — предложилъ стоявшій вблизи Викторъ. — Я считаю, что было бы лучше...

Онъ покраснѣлъ и смолкъ. Суриковъ демонстративно отвернулся отъ него, давая понять, что не желаетъ съ нимъ разговаривать.

— Нѣтъ, — недружелюбно взглянувъ на Шорина, произнесла Ольга Петровна. — Постороннему человѣку провести ночь съ покойникомъ гораздо легче, чѣмъ намъ. Я бы совѣтовала попросить кого-нибудь изъ прислуги. Бетси, конечно, исключается. Она слишкомъ болѣзненно переноситъ это несчастье. Кромѣ того, ей завтра днемъ будетъ достаточно хлопотъ. Вотъ, развѣ, Томъ? Или еще лучше Роберъ. За все время онъ въ первый разъ соблаговолилъ проявить къ намъ интересъ.

Когда Суриковъ обратился къ Роберу съ просьбой продежурить ночь возлѣ гроба, старикъ не сразу понялъ, что отъ него требуется. Но затѣмъ, догадавшись, радостно закивалъ головой и отвѣтилъ, что охотно сдѣлаетъ это. Единственно, что онъ попросилъ, это разрѣшить ему принести сюда свою по-

душку, чтобы подложить подъ голову, если сонъ одолѣетъ.

Около одиннадцати часовъ замокъ погрузился, наконецъ, въ тишину. Ночь наступила темная, душная. Небо было обложено тучами. За горами играли зарницы.

Горева уже спала, Суриковъ тоже. Прислуга разошлась по своимъ комнатамъ. Шоринъ ушелъ послѣднимъ, дружески пожавъ на прощанье руку Роберу, который сѣлъ въ углу комнаты на коверъ и заложилъ за спину свою грязную сѣрую подушку.

Около полуночи Викторъ окончилъ писать письма друзьямъ въ Лондонъ съ извѣщеніемъ о смерти Сергѣя, подошелъ къ кровати, снялъ костюмъ, надѣлъ пижаму, но затѣмъ раздумалъ ложиться, потушилъ свѣтъ и въ унынiи сѣлъ около открытаго окна.

Изъ-за горъ, съ той стороны долины, надвигалась гроза. Яркiя молнiи, внезапно разгонявшiя тьму, точно изъ небытiя создавали знакомыя глазу окрестности. Внезапно появлялась долина, рѣзкiя очертанiя вершинъ, зубцы сверкающихъ скалъ. Все казалось въ этотъ мигъ фантастическимъ, призрачнымъ — и деревья, и строенiя, и безцвѣтные густые лѣса, покрывавшiе склоны. А затѣмъ — гаснулъ ослѣпительный свѣтъ, исчезали видѣнiя, била въ глаза черная зiяющая пустота. И только спустя нѣкоторое время, до новой вспышки на небѣ, глазъ начиналъ улавливать мутную даль, легкое зарево за холмомъ, скрывавшимъ Женеву, лучи автомобильныхъ фаръ, нащупывавшихъ путь въ извивахъ горныхъ дорогъ.

Вотъ заворчалъ первый громъ. Вслѣдъ за участившимися разрядами свѣта, сталъ настойчивѣе, увѣреннѣе... Покатился, наконецъ, надъ долиной, торжествующiй, грозный, требуя покорнаго отклика

отъ каждаго притаившагося во тьмѣ утеса. А затѣмъ, сопровождаемый гуломъ далекаго лѣса, свалился съ горъ яростный вѣтеръ. Застонали деревья, безпомощно отмахиваясь отъ него густыми вѣтвями; жалобно зашумѣла листва; дождь сбросилъ наудачу нѣсколько капель, застучалъ, перешелъ въ ливень, спустивъ внизъ густую рѣшетку, по которой вѣтеръ гналъ облака водяной пыли. И все перемѣшалось вокругъ — земля, небо, свѣтъ, мракъ, взрывы грома, причитанія воды.

Викторъ закрылъ окно, зажегъ свѣтъ, въ хмуромъ раздумьи остановился посреди комнаты. Ему представлялось, какъ тамъ, внизу, лежитъ Сергѣй. Хорошо-ли оставлять у гроба посторонняго человѣка вмѣсто того, чтобы отдать послѣднюю дань другу и пробыть возлѣ него ночь? Вотъ этотъ ужасъ въ природѣ, грохотъ, бѣшеный свѣтъ, — не являются ли они протестомъ противъ подобной измѣны? Пожалуй, лучше пойти туда, отпустить старика, а самому остаться...

Онъ вздохнулъ. Сталъ одѣваться.

25.

Было около часа ночи, когда въ дверь комнаты Сурикова раздался тревожный стукъ.

— Кто тамъ?

Николай Ивановичъ испуганно поднялся съ постели, зажегъ свѣтъ.

— Отворите... — послышался голосъ Виктора.

Суриковъ накинулъ шелковый халатъ, открылъ дверь въ коридоръ.

— Что случилось? Вы еще не спите?

— Николай Ивановичъ... Я ничего не понимаю.... Идемте внизъ.

Голосъ Шорина прерывался. Лицо выражало полную растерянность.

— Что такое?

— Тѣла Сергѣя нѣтъ, понимаете... Гробъ перевернутъ... Старикъ Роберъ мертвъ...

— Какъ? Нѣтъ тѣла?

— Кто-то похитилъ... А старика задушилъ. Идемте, Николай Ивановичъ. Я не осматривалъ... Сейчасъ же побѣжалъ къ вамъ.

Комната, въ которой лежалъ Сергѣй, дѣйствительно, представляла жуткую картину. Свѣчи въ канделябрахъ по прежнему торжественно мерцали. Воздухъ былъ наполненъ ароматомъ цвѣтовъ. Гробъ лежалъ на полу и, очевидно, при паденіи увлекъ за собой столъ, который безпомощно свалился на бокъ и обнажилъ ножки, прикрытыя раньше черной матеріей. Старикъ Роберъ лежалъ тутъ же, подлѣ гроба. Грязная цвѣтная рубаха на тѣлѣ почему-то была растегнута. Рядомъ лежала подушка, въ которую передъ смертью старикъ судорожно вцѣпился рукой.

— Дверь въ садъ была незаперта, когда вы пришли сюда? — растерянно спросилъ Суриковъ.

— Да. Кажется.

Николай Ивановичъ подошелъ ко второй двери, выходившей въ садъ, выглянулъ наружу. Тамъ было совсѣмъ темно. Гроза уже прекратилась, но моросилъ дождь.

— Можетъ быть, дать знать Рато? — нерѣшительно предложилъ Викторъ.

— А что можно предпринять въ такую ночь?

— По-моему, чѣмъ раньше принять мѣры, тѣмъ легче обнаружить, кто похитилъ... Можетъ быть, позвонить въ отель «Босежуръ»?

— Нѣтъ, я положительно теряю голову... Недо-

ставало смерти, а тутъ еще похищеніе... Этотъ старикъ... Господи, за что такое наказаніе!

Суриковъ добивался соединенія съ отелемъ около получаса. Наконецъ, сонная телефонистка, которую по ночамъ рѣдко кто тревожилъ, дала требуемый номеръ. Прошло еще немало времени, пока къ телефону подошелъ швейцаръ и грубо спросилъ, какой дьяволъ вздумалъ по ночамъ развлекаться звонками.

— Послушайте... Разбудите немедленно господина Рато, который сегодня пріѣхалъ къ вамъ. Скажите, что спѣшно просятъ къ телефону.

Спросивъ, откуда звонятъ и узнавъ, что изъ замка, швейцаръ согласился пойти постучать новому жильцу и, не прошло пяти минутъ, какъ Рато уже подошелъ къ телефону.

— Николай Ивановичъ?

— Да. Я. Простите, что безпокою... Но у насъ новое несчастье.

— А что?

Сыщикъ звучно зѣвнулъ въ телефонъ.

— Тѣло Сергѣя похитили. Кромѣ того, дежурившій возлѣ него старикъ Роберъ неожиданно оказался мертвымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Отлично. Въ такомъ случаѣ, не предпринимайте пока ничего. Заприте двери этой комнаты, чтобы никто не могъ проникнуть въ нее, и ждите меня. Въ пять часовъ утра буду въ замкѣ, обсудимъ.

Еще не было пяти часовъ, когда Рато явился въ замокъ. Увидѣвъ въ окно его ковыляющую фигуру, не спавшій всю ночь Викторъ быстро спустился къ главному входу.

— Суриковъ спитъ еще?

— Да.

— А Ольга Петровна?

— Навѣрно, тоже.

— Прислугѣ ничего неизвѣстно?

— Ничего. Мы заперли комнату, какъ вы посовѣтовали. Ключъ у меня.

— Прекрасно. Идемте.

Небрежнымъ взглядомъ окинувъ комнату, и къ удивленію Шорина не осмотрѣвъ даже пола, на которомъ могли оказаться какіе-либо слѣды, Рато склонился надъ трупомъ старика. Удостовѣрившись въ томъ, что тотъ дѣйствительно мертвъ, онъ грустно покачалъ головой, затѣмъ осторожно освободилъ изъ застывшихъ пальцевъ Робера подушку и началъ ее разсматривать со всѣхъ сторонъ.

— Вамъ не кажется страннымъ, что онъ такъ вцѣпился въ подушку? — спросилъ Викторъ.

— Сейчасъ все узнаемъ. — Рато поднялся съ пола. — Во всякомъ случаѣ, старикъ дорожилъ ею.

— А что по-вашему... Его задушили?

— Нѣтъ.

— А почему рубашка разстегнута?

— Мало ли отчего. Ага! Кое-что есть. Ну-ка, отпоремъ одинъ край.

Рато досталъ изъ кармана перочинный ножичекъ, сдѣлалъ надрѣзъ въ швѣ подушки и въ образовавшееся отверстіе всунулъ руку.

— Тысяча франковъ, — вытянувъ изнутри бумажку, удовлетворенно проговорилъ онъ. — А вотъ еще... Эге! Цѣлыхъ четыре... Теперь мелочь..: Сто... сто... Пятьдесятъ...

— Значитъ... Значитъ, это тѣ самыя! — радостно воскликнулъ Шоринъ. — Очевидно, онъ укралъ!

— Все можетъ быть, — засовывая деньги обратно въ подушку, задумчиво произнесъ Рато. — Хотя въ Савойѣ всѣ богаты, особенно нищіе. Ну, а теперь идите, разбудите Николая Ивановича.

Заперевъ обѣ двери и отдавъ ключи Шорину, Рато вытащилъ на площадку замка сухое кресло, сѣлъ, закурилъ и сталъ ждать, пока секретарь Вольскаго встанетъ.

— Ну, что? Вы уже видѣли? — подойдя къ Рато, тревожно спросилъ Суриковъ. Лицо его отъ плохо проведенной ночи было желтымъ. Многочисленныя морщины выступали особенно четко.

— Да.

— И что же произошло, по-вашему?

— Я бы радъ былъ сказать. Но, къ сожалѣнію, не знаю.

Рато помолчалъ, внимательно посмотрѣлъ въ сторону замка и продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, господа, для облегченія розыска намъ нужно принять кое-какія мѣры. Прежде всего, никто изъ обитателей замка не долженъ знать о томъ, что произошло ночью. Я предупрежу, когда можно будетъ объявить о случившемся.

— Насчетъ прислуги это выполнить легко, разумѣется, — пробормоталъ Николай Ивановичъ. — Но какъ относительно Ольги Петровны?

— Простите... Что вы сказали?

— Я говорю: какъ быть съ мадамъ Горевой?

— Съ мадамъ? Нѣтъ. Лучше пока ничего ей не говорить.

— А если она захочетъ войти внутрь?

— На этотъ случай вы, Шоринъ, возьмете съ собой ключи и скроетесь съ ними куда-нибудь. Хотя бы въ сторожку у огорода. А мы скажемъ, что вы ушли въ городъ и скоро вернетесь. Когда понадобится, я васъ вызову.

— Слушаю.

— Затѣмъ, Николай Ивановичъ... Нужно предпринять еще одну мѣру, которая быть можетъ вамъ покажется странной, но которую нужно осуществить,

пока въ замкѣ всѣ спятъ. Мы немедленно уберемъ отсюда съ площадки и съ терасы всѣ лонгшезы и садовыя кресла.

— То-есть какъ это?

— Очень просто. Ночью кто-то могъ ихъ украсть. Оставимъ на площадкѣ только двѣ тяжелыя скамейки, и эту, стоящую возлѣ клумбы. Все остальное отнесемъ сейчасъ же въ ту комнату, гдѣ лежитъ Роберъ.

— Объясненій никакихъ не полагается? — Суриковъ криво усмѣхнулся. Диктаторскій тонъ сыщика начиналъ его раздражать.

— Всѣ объясненія я представлю впослѣдствіи, дорогой мой. Ну, мсье Шоринъ, не будемъ терять времени. Принимайтесь за дѣло.

Въ нѣсколько минутъ всѣ лонгшезы и кресла были унесены въ комнату. Покончивъ съ ними, Рато заперъ двери и вмѣстѣ съ Суриковымъ и Викторомъ отправился на черный дворъ.

— Здѣсь мы тоже произведемъ кое-какую реформу, — сказалъ сыщикъ, выйдя изъ кухни на дворъ, гдѣ Томъ и Бетси уже хлопотали возлѣ кладовой съ продуктами. — Только я не могу открыто хозяйничать. Распоряжайтесь вы, Николай Ивановичъ.

— А что нужно дѣлать?

— Скажите имъ, что ночью украли съ площадки лонгшезы, и что вы поэтому забираете у нихъ желѣзные стулья. Пусть, когда захотятъ отдохнуть, садятся на эту длинную скамью, возлѣ домика. А затѣмъ попрошу васъ, Шоринъ: возьмите, пожалуйста, топоръ, срубите вотъ ту елку и положите ее у забора. Кстати, Николай Ивановичъ: когда вы думаете ѣхать на станцію встрѣчать сына Ольги Петровны?

— Мы выѣдемъ безъ четверти девять.

— Значитъ, я могу еще поспать. Что-то плохо себя чувствую. Ревматизмъ даетъ о себѣ знать послѣ дождя.

26.

Суриковъ вернулся на площадку передъ замкомъ. Устремивъ хмурый взглядъ на долину, онъ пытался привести въ порядокъ мысли, распутать клубокъ всѣхъ этихъ ужасныхъ событій, но ничего не добился, кромѣ тяжести въ вискахъ и признаковъ наступающей мигрени. Несмотря на свой добродушный характеръ, онъ былъ сейчасъ крайне раздраженъ. Въ самомъ дѣлѣ: вмѣсто того, чтобы посвятить его въ свои планы, Рато только распоряжался, ничего не объяснялъ; теперь же, вдобавокъ, отправился спать. Не будь этого сыщика, для котораго сонъ, очевидно, самое любимое занятіе въ жизни, Николай Ивановичъ отлично могъ бы самъ взяться за дѣло и вызвать полицію.

Черезъ нѣкоторое время на площадкѣ возлѣ каштановъ появилась Ольга Петровна.

— Николай Ивановичъ, вы уже заказали автомобиль?

— Да. Но у насъ до прихода поѣзда въ распоряженіи еще два часа.

— Это я знаю. Какой чудесный воздухъ послѣ грозы! Какъ грустно, что Жоржъ вмѣсто отдыха принужденъ будетъ переживать съ нами потерю Сергѣя. Кстати, до завтрака я успѣю нарѣзать немного свѣжихъ розъ для гроба.

— Къ сожалѣнію, дверь заперта, Ольга Петровна. Викторъ по разсѣянности взялъ ключи и ушелъ въ городъ.

— А онъ скоро вернется?

— Не знаю. Черезъ часъ, черезъ два.

— Странный субъектъ. Конечно, я не вполнѣ посвящена въ детали всего происшедшаго. Очевидно, мой слабый женскій умъ для васъ не имѣетъ цѣны. Мистеръ Рато въ этомъ смыслѣ гораздо надежнѣе. Но, все-таки, я бы вамъ совѣтовала обратить вниманіе на поведеніе Шорина.

— А въ какомъ именно смыслѣ?

— Во всѣхъ смыслахъ. Хотя бы въ отношеніи того, почему Сергѣй вдругъ очутился въ подземельѣ. Во всякомъ случаѣ, когда Жоржъ пріѣдетъ, я съ нимъ посовѣтуюсь, что намъ предпринять независимо отъ вашихъ собственныхъ плановъ.

— Ахъ, Боже мой! — Николай Ивановичъ застоналъ. — Я въ концѣ концовъ сойду съ ума! Мало мнѣ огорченій, теперь и вы еще противъ меня! Поймите: что я могу вамъ разсказать, когда самъ сбитъ окончательно съ толку?

Сынъ Ольги Петровны — Жоржъ былъ красивымъ элегантнымъ молодымъ человѣкомъ, казавшимся, однако, нѣсколько старше своихъ лѣтъ въ силу излишней склонности къ парижскимъ ночнымъ развлеченіямъ, которыя трудно было совмѣстить съ дневной службой въ банкѣ безъ ущерба для здоровья.

Сойдя съ поѣзда, онъ радостно направился къ ожидавшей его на перронѣ матери, поцѣловалъ ее, привѣтливо поздоровался съ Суриковымъ, оглянулся по сторонамъ, думая, что Сергѣй тоже выѣхалъ встрѣчать... Но мать сразу измѣнила настроеніе сына, сообщивъ ему страшную новость.

— Неужели? — изумленно воскликнулъ онъ. — Покончилъ съ собой?

— Ты представляешь, какъ я была потрясена. А что это самоубійство, ясно. Найдено письмо, въ

которомъ онъ написалъ, что хочетъ умереть.

— Бѣдный мальчикъ! — вздохнувъ, произнесъ Жоржъ. — Онъ всегда былъ слишкомъ большимъ романтикомъ. А какъ же дядя? Воображаю, что дѣлается со старикомъ!

Павелъ Андреевичъ сейчасъ въ Женевѣ и пока ничего объ этомъ не знаетъ.

Когда автомобиль остановился на площадкѣ замка, Томъ взялъ чемоданы и понесъ ихъ внутрь. Ольга Петровна, Жоржъ и Суриковъ остановились у крыла замка, гдѣ находился гробъ Сергѣя.

— Онъ здѣсь лежитъ? — со страхомъ спросилъ Жоржъ.

— Да.

— Мама, ты пройдешь туда вмѣстѣ со мной?

Горева вопросительно посмотрѣла на секретаря.

— А ключъ уже есть, Николай Ивановичъ?

— Сейчасъ узнаю. Будьте добры, посидите минутку, я пойду справлюсь, вернулся ли Викторъ.

Въ ожиданіи ключа Жоржъ сѣлъ на скамью возлѣ обрыва рядомъ съ матерью. Суриковъ, бросая негодующіе взгляды на окно Рато, которое было задернуто занавѣской, направился къ главному входу. Чтобы придать какой-нибудь смыслъ своимъ дѣйствіямъ, онъ рѣшилъ отправиться на кухню и спросить прислугу, гдѣ Шоринъ.

— Смотрите же, Бетси. Если вы выдадите, я найду способъ съ вами расправиться, — услышалъ Суриковъ мрачный голосъ Тома.

— Это мы еще увидимъ, — презрительно отвѣчала Бетси.

Николай Ивановичъ кашлянулъ и вошелъ въ кухню. На лицѣ Бетси выразилось смущеніе. Томъ мрачно опустилъ голову, продолжалъ чистить овощи.

— Бетси, мистеръ Шоринъ еще не вернулся?

— Не знаю, сэръ.

— А для сына миссисъ Горевой приготовили завтракъ?

— Столъ уже накрытъ. Когда прикажете, подамъ.

Чтобы дать Ольгѣ Петровнѣ возможность поговорить наединѣ съ сыномъ, Суриковъ рѣшилъ не сразу возвращаться на площадку. Сначала зашелъ въ столовую, затѣмъ медленно поднялся къ себѣ, набилъ портсигаръ новымъ запасомъ папиросъ, сѣлъ въ кресло и сталъ обдумывать: о чемъ могли говорить передъ его приходомъ Бетси и Томъ? Она, очевидно, что-то знаетъ. Но что? Касается ли это смерти Сергѣя или чего-нибудь другого? Томъ вообще подозрительный субъектъ. Его давно слѣдовало прогнать за грубость и за недобросовѣстные счета. Но Павелъ Андреевичъ почему-то его жалѣетъ. Можетъ быть, вызвать Бетси и спросить? Но это тоже не совсѣмъ удобно: выйдетъ, будто онъ подслушивалъ. Лучше разсказать Рато, а тотъ пусть самъ выводитъ изъ этого свои заключенія.

Посидѣвъ у себя минутъ десять, Суриковъ со вздохомъ поднялся съ кресла и вышелъ въ коридоръ съ намѣреніемъ постучать въ дверь къ Рато.

— Это, въ концѣ концовъ, издѣвательство, — раздраженно думалъ онъ. — Всѣ въ замкѣ ждутъ, какія-то мѣры нужно предпринимать, а негодный хрономожка продолжаетъ спать какъ младенецъ!

Онъ подошелъ къ двери, прислушался: есть ли какое-нибудь движеніе въ комнатѣ. И, вдругъ, дверь отворилась, и на порогѣ появился Рато.

— Это вы, Николай Ивановичъ? Слава Богу, немного отоспался, могу приняться за работу. Впрочемъ, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, я хотѣлъ бы кое-что перекусить.

— Въ столовой все готово, — сухо проговорилъ Суриковъ.

— Да... Если бы не существовало сна, то, конечно, высшимъ счастьемъ въ мірѣ была бы ѣда, — весело продолжалъ сыщикъ. — А вы почему не въ духѣ? Нервы разстроены?

— Насчетъ нервовъ не буду говорить, мсье Рато. Но, сознаюсь, вашъ планъ съ ключемъ поставилъ меня въ идіотское положеніе. Ольга Петровна хочетъ показать сыну, гдѣ лежитъ или, вѣрнѣе, гдѣ лежалъ Сергѣй, а я не могу исполнить ея желанія.

— Ну, что же. Дѣло поправимое. Сейчасъ вызовемъ Виктора. А, между прочимъ, знаете что? Я видѣлъ сонъ, который мнѣ выяснилъ все, что нужно для раскрытія преступленія.

— Сонъ?

Суриковъ нахмурился.

— Да, сонъ. Не вѣрите? Ну, хорошо. Вечеромъ я вамъ и Вольскому сдѣлаю полный докладъ. А теперь подождите минутку, поднимусь на чердакъ. Мы съ Шоринымъ сговорились, что я ему дамъ сигналъ.

Рато заковылялъ по коридору, поднялся по лѣстницѣ. Черезъ минуту наверху послышался рѣзкій троекратный свистъ.

— Первый разъ встрѣчаюсь съ сыщиками... — въ ожиданіи возвращенія Рато съ негодованіемъ бормоталъ про себя Николай Ивановичъ. — И дай Богъ, никогда больше не имѣть съ ними дѣла. Во снѣ увидалъ! Каково? А имъ еще деньги за работу платятъ. Мошенники!

— Шоринъ сейчасъ поднимается на площадку, идите туда, — сказалъ Рато, вернувшись съ чердака въ коридоръ. — А я закончу у себя въ комнатѣ кое-какія дѣла, затѣмъ вызову автомобиль, временно испорчу телефонъ, чтобы никто не могъ звонить,

пока меня нѣтъ, позавтракаю и поѣду. Время дорого.

— Какъ? Опять уѣзжаете? А что же буду дѣлать я?

— Что хотите.

— Какъ это — что хотите? Вѣдь, Ольга Петровна будетъ настаивать, чтобы я вызвалъ полицію.

— Нѣтъ, нѣтъ. До пріѣзда Вольскаго не надо.

Рато мило улыбнулся и исчезъ за дверью своей комнаты.

Спустившись въ нижній этажъ, раздосадованный Суриковъ вышелъ на площадку, направился къ Горевой и увидѣлъ поднимавшагося со стороны воротъ Виктора.

— Наконецъ-то явились! — съ негодованіемъ воскликнулъ онъ. — Гдѣ ключъ отъ комнаты? У васъ?

— Да. У меня.

— Зачѣмъ вы его взяли?

Секретарь умышленно говорилъ слишкомъ громко и рѣзко, чтобы Горева могла слышать его слова. Однако, раздраженіе въ голосѣ Сурикова было вполнѣ естественнымъ.

— Простите... По разсѣянности. А вамъ нужно было?

— Я думаю. Будьте добры отпереть дверь.

Викторъ поздоровался съ Жоржемъ, съ которымъ познакомился уже раньше, въ Парижѣ, смущенно проговорилъ въ свое оправданіе нѣсколько словъ и протянулъ ключъ Николаю Ивановичу.

— Можетъ быть, отопрете?

— Я? — Суриковъ окончательно пришелъ въ ярость, но сдержался и только покраснѣлъ. — Хорошо. Все равно. Только не уходите, будьте добры.

— Слушаю.

Подойдя къ двери, Николай Ивановичъ съ от-

вращеніемъ отперъ ее и пропустилъ впередъ Горевыхъ. Чтобы не разыгрывать глупой комедіи, когда обнаружится, что тѣла Сергѣя нѣтъ, онъ остался у входа, дѣлая видъ, что хочетъ оставить родственниковъ однихъ возлѣ покойнаго. И съ негодованіемъ смотрѣлъ на Виктора, который, замѣтивъ этотъ маневръ, рѣшилъ поступить точно такъ же.

— Николай Ивановичъ! — раздался изнутри истерическій крикъ Ольги Петровны.

— Я... — нерѣшительно отвѣтилъ секретарь, не двигаясь съ мѣста.

— Подите сюда! Его нѣтъ!

— Мама, успокойся, — слышался голосъ Жоржа.

— Вы посмотрите... — появившись возлѣ двери, продолжала восклицать Горева. — Сергѣя нѣтъ! Гробъ перевернутъ! На полу старикъ!

Суриковъ и Викторъ вошли внутрь. Викторъ молчалъ. Николай Ивановичъ, чувствуя, что безсовѣстно слишкомъ активно выражать изумленіе, съ мнимымъ удивленіемъ оглядывалъ комнату и, пробираясь мимо лонгшезовъ и стульевъ, смущенно качалъ головой.

— Что же случилось? — схвативъ за руку секретаря, испуганно спросила Ольга Петровна. — Въ чемъ дѣло?

— Я тоже... Не понимаю... Очевидно, похитили.

— Но дверь же была заперта? Вы когда ее заперли, Шоринъ? Я васъ спрашиваю, слышите?

Викторъ смутился. Онъ не предвидѣлъ такого вопроса.

— Я? Я рано утромъ вошелъ... Увидѣлъ, что все благополучно... То-есть, гробъ стоитъ на мѣстѣ... Старикъ спалъ... И заперъ...

— А зачѣмъ было запирать? — спросилъ Жоржъ.

— Зачѣмъ? Но, вѣдь, я заперъ только отсюда. А для старика оставалась вторая дверь.

Викторъ облегченно вздохнулъ, чувствуя, что выпутался изъ труднаго положенія. Подошелъ къ внутренней двери, ведшей въ садъ, и показалъ на торчавшій въ замочной скважинѣ ключъ.

— Роберъ могъ выйти, если ему было нужно. А такъ какъ онъ спалъ, то я боялся оставить такъ...

— А почему здѣсь все это? Лонгшезы... Стулья...

— Это тоже я. Когда былъ дождь, внесъ. Чтобы не промокло.

— Дѣйствительно! — хмуро замѣтилъ Суриковъ. — Нашли куда вносить стулья. Чортъ знаетъ что.

— Николай Ивановичъ, — придя въ себя и переставъ уже волноваться, рѣзко проговорила Горева. — Вы можете дѣлать, что хотите. Предпринимать что угодно. Но я считаю все происшедшее настолько подозрительнымъ, что немедленне позвоню Павлу Андреевичу. Кромѣ того, Жоржъ сейчасъ же отправится за полиціей. Жоржъ! Мы съ тобой наиболѣе близкіе къ Сергѣю люди, и потому теперь займемся этимъ дѣломъ сами.

— Хорошо, мама.

Между тѣмъ, окончивъ въ своей комнатѣ какія-то приготовленія, Рато спустился внизъ, вызвалъ по телефону автомобиль, развинтилъ телефонную трубку, быстро позавтракалъ, вышелъ изъ воротъ на дорогу, чтобы не терять времени, и остановилъ въ пути направлявшуюся къ замку машину.

— Въ Женеву! — захлопнувъ за собой дверцу, крикнулъ онъ шофферу.

— А у васъ пропускъ есть, мсье?

— У меня есть даже пропускъ въ адъ. Впередъ!

27.

Старика Вольскаго не было въ отелѣ, когда къ нему въ Женеву прибылъ Рато.

— А куда же онъ уѣхалъ? — съ досадой спросилъ сыщикъ швейцара.

— Мсье совершаетъ въ автомобилѣ прогулку.

— А скоро вернется?

— Не знаю. По всей вѣроятности скоро, такъ какъ сейчасъ время завтрака.

Рато вышелъ на террасу ресторана, выбралъ мѣсто поближе къ подъѣзду, чтобы можно было видѣть всѣхъ входящихъ въ отель, заказалъ кофе и сталъ ждать.

Терраса выходила на набережную. Весь бульваръ, простиравшійся въ обѣ стороны, утопалъ въ цвѣтахъ. День былъ прохладный, небо ясное. Озеро, кончавшееся здѣсь узкой полосой, казалось темносиней рѣкой, за которой шелъ сначала низменный берегъ, а затѣмъ поднимались савойскія горы, среди которыхъ дѣвственной бѣлизной выдѣлялся Монбланъ.

Въ бюро раздался рѣзкій телефонный звонокъ. Рато вскочилъ, направился въ вестибюль и сталъ возлѣ швейцара. Тотъ снялъ трубку, произнесъ названіе отеля и затѣмъ, выслушавъ то, что ему говорили, отвѣтилъ:

— Сейчасъ его нѣтъ. Изъ савойскаго замка? Хорошо, передамъ.

— Послушайте, другъ мой, — сказалъ сыщикъ. — Кого сейчасъ вызывали изъ Савойи? Вольскаго?

— Да, мсье.

Швейцаръ окинулъ Рато удивленнымъ взглядомъ, въ которомъ ясно чувствовалось нѣкоторое пренебреженіе.

— А кто говорилъ? Мужчина или женщина?

— Кто говорилъ? — Швейцаръ презрительно улыбнулся. — Говорило лицо, о которомъ я немедленно сообщу мсье Вольскому, когда тотъ вернется.

— Очень жаль, старина, что вы навсегда потеряли десять швейцарскихъ франковъ. Если бы это лицо знало, что здѣсь нахожусь я, оно отъ радости обязательно попросило бы меня дать вамъ щедро на чай.

Довольный впечатлѣніемъ, которое это заявленіе произвело на швейцара, Рато вышелъ на террасу ресторана и принялся за свое кофе. Однако, не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько глотковъ, какъ къ отелю подкатилъ знакомый автомобиль.

— Мсье Вольскій пріѣхалъ, — подобострастно доложилъ сыщику швейцаръ, входя на террасу.

— Это я самъ вижу, мой другъ, — сухо отвѣтилъ тотъ.

Павелъ Андреевичъ обрадовался, увидѣвъ вышедшаго къ нему навстрѣчу Рато. Отсутствіе свѣдѣній о Сергѣѣ, что съ нимъ, вернулся ли, — сильно мучило старика. Но онъ выдерживалъ характеръ и ни разу не позвонилъ въ замокъ. Теперь тоже: на мгновеніе проявивъ въ лицѣ нѣкоторую радость, сразу овладѣлъ собой, нахмурился, холодно протянулъ сыщику руку.

— Вы ко мнѣ?

— Да, Павелъ Андреевичъ.

— Что-нибудь спѣшное?

— Да.

— Хорошо. Я переодѣнусь и спущусь. Вмѣстѣ позавтракаемъ.

— Мсье, — заискивающе проговорилъ швейцаръ, подходя къ Вольскому. — Разрѣшите сообщить, что только что звонили изъ вашего замка. Просили васъ немедленно вернуться домой.

— Меня?

Старикъ удивленно посмотрѣлъ на Рато.

— Это уже запоздалый вызовъ, Павелъ Андреевичъ. Я вамъ сейчасъ доложу всѣ подробности дѣла. Послушайте, — строго обратился онъ по французски къ швейцару. — А кто, все-таки, звонилъ: мужчина или женщина?

— Мужской голосъ былъ, мсье. Совершенно мужской, — съ торопливой любезностью отвѣтилъ швейцаръ.

— Ну, то-то же. — Рато величественно опустилъ руку въ карманъ жилета. — Вотъ вамъ десять франковъ, но уже не швейцарскихъ, а французскихъ. Это — за поздній отвѣтъ.

Не поинтересовавшись тѣмъ, что происходитъ въ замкѣ и вернулся ли Сергѣй, Павелъ Андреевичъ поднялся по лифту къ себѣ, переодѣлся, черезъ четверть часа спустился на террасу, молча сѣлъ за столъ, заказалъ завтракъ, спросилъ сыщика, какое вино онъ предпочитаетъ, и въ ожиданіи, пока гарсонъ принесетъ первое блюдо, спокойно спросилъ:

— Вы раньше бывали въ Женевѣ?

— Да, конечно.

— Что же? Нравится?

— Какъ сказать. Не очень. Слишкомъ тихо, по-моему. И слишкомъ празднично. Когда смотришь на озеро, кажется, будто здѣсь никто ничего не долженъ дѣлать, а обязанъ только сидѣть на берегу и любоваться природой.

— Такъ. Все это, разумѣется, относительно. Ну, а теперь... Перейдемъ къ дѣлу. Разсказывайте.

28.

Послѣ непріятнаго разговора съ Суриковымъ, Ольга Петровна накормила завтракомъ сына и де-

монстративно ушла съ нимъ въ горы, заявивъ, что снимаетъ съ себя всякую отвѣтственность за все происходящее въ замкѣ.

Викторъ во избѣжаніе разговоровъ съ Жоржемъ тоже исчезъ куда-то. А Николай Ивановичъ, оставшись одинъ, рѣшилъ вызвать доктора Роже для констатированія смерти Робера. Однако, телефонъ не дѣйствовалъ. Пришлось отправить въ городъ Бетси.

— Какъ? Опять покойникъ? — удивленно спросилъ прибывшій въ замокъ врачъ. — Двѣ смерти подрядъ?

— Къ сожалѣнію.

Суриковъ съ Роже прошли въ оранжерею, куда утромъ перенесли тѣло старика.

— Ну, здѣсь дѣло ясное, — осмотрѣвъ Робера, весело произнесъ Роже. — Простой разрывъ сердца. Ему, навѣрно, лѣтъ подъ восемьдесятъ было?

— Должно быть.

— Такая смерть, по-моему, лучшій подарокъ, который природа можетъ сдѣлать человѣку. Смерть наступаетъ быстрѣе, чѣмъ опускается занавѣсъ въ театрѣ. А гдѣ тотъ, другой... покойникъ? Вы его перенесли изъ подземелья?

— Да.

— Вскрытія рѣшили не производить?

— Пока нѣтъ. Ждемъ пріѣзда отца.

— А хоронить когда будете? Завтра?

— Не знаю, мсье.

Николай Ивановичъ задумался: разсказать доктору все или нѣтъ? Можетъ быть лучше было бы не разсказывать, пока не вернется Рато? Но, съ другой стороны, — а вдругъ докторъ пожелаетъ пройти къ гробу?

— Похоронить было бы не трудно, — рѣшивъ не скрывать похищенія тѣла, хмуро добавилъ онъ.

— Но какъ хоронить, если тѣло исчезло?

— То-есть какъ? Куда исчезло?

Роже изумленно взглянулъ на секретаря.

— Я бы самъ много далъ тому, кто объяснилъ бы мнѣ эту загадку. Мы уже рѣшили обратиться къ полиціи. Кромѣ того, выписали одного знаменитаго сыщика...

— Такъ, такъ, — задумчиво крутя усъ, пробормоталъ докторъ. — Странно, кому въ Савойѣ могло придти въ голову красть мертвеца. Ну, вотъ вамъ свидѣтельство о смерти старика. Всего хорошаго.

Прощаясь съ докторомъ, Суриковъ ясно чувствовалъ, что тотъ не оставитъ этого дѣла безъ вниманія, и рѣшилъ подождать до чая возвращенія Рато, а затѣмъ, если тотъ не пріѣдетъ, лично отправиться въ полицію и заявить о происшедшемъ.

За чаемъ Жоржъ началъ разспрашивать всѣхъ о послѣднихъ дняхъ Сергѣя. Правда, онъ уже зналъ, какъ тотъ ушелъ въ горы, какъ исчезъ, какъ трупъ его нашли въ подземельѣ; однако, почему въ потайной комнатѣ, которую онъ уже успѣлъ осмотрѣть, находились запасы консервовъ, подушка, письменныя принадлежности и даже безопасная бритва?

Суриковъ понялъ, что версія о бандитахъ, дѣйствительно, оказывается шаткой, и снова въ душѣ вознегодовалъ на Рато, котораго теперь обвинялъ уже во всѣхъ случаяхъ, даже тогда, когда тотъ былъ невиновенъ. Однако, изъ неловкаго положенія его вывела съ испуганнымъ видомъ вошедшая Бетси.

— Мистеръ Суриковъ... — со страхомъ произнесла она. — Пришли изъ полиціи. Комиссаръ и жандармы.

— Комиссаръ? Хорошо. Попросите подождать въ холлѣ. Ольга Петровна, можетъ быть, вмѣсто хозяина дома вы пожелали бы переговорить съ ними?

— Нѣтъ, избавьте. Если до сихъ поръ я остава-

лась въ сторонѣ отъ всѣхъ вашихъ дѣйствій, то продолжайте въ томъ же духѣ и теперь. Здѣсь я — чужая.

— Ольга Петровна... — въ голосѣ Сурикова послышалось отчаяніе. — Вы, право, несправедливы ко мнѣ.

— Оставьте.

— Вѣдь, вы же должны понять, въ какомъ положеніи нахожусь я самъ...

— Я ничего въ этомъ не понимаю...

На глазахъ Горевой показались слезы. Доставъ платокъ, она приложила его къ лицу. И вдругъ зарыдала.

— Жоржъ... Проводи меня...

Она съ трудомъ встала и, опираясь на плечо сына, направилась въ свою комнату.

29.

Окончательно подавленный разыгравшейся сценой, Суриковъ отправился въ холлъ для бесѣды съ комиссаромъ. Тотъ оказался сравнительно молодымъ человѣкомъ, скромнымъ, даже немного застѣнчивымъ. Ему, видимо, сильно импонировала обстановка богатаго замка.

— Имѣю честь видѣть мсье Вольскаго?

— Нѣтъ, я его секретарь. Мой шефъ сейчасъ въ Женевѣ. Садитесь, пожалуйста.

— Я бы не тревожилъ васъ, господинъ секретарь, — нерѣшительно началъ комиссаръ, — но нѣкоторыя обстоятельства сегодняшняго дня заставили меня сдѣлать это. Докторъ Роже говорилъ, что у васъ въ замкѣ за эти сутки умерло два человѣка.

— Да, мсье. Докторъ Роже выдалъ намъ удостовѣренія, и такъ какъ онъ является офиціальнымъ

лицомъ отъ меріи, то я не спѣшилъ дѣлать соотвѣтственныхъ заявленій въ полицію.

— Да, да, это не такъ важно, мсье. Меня интересуетъ другая сторона дѣла. Докторъ передалъ намъ, будто тѣло покончившаго съ собой сына Вольскаго сегодня ночью исчезло при непонятныхъ для васъ обстоятельствахъ. Вы можете подтвердить это?

— Да. Рано утромъ мы обнаружили исчезновеніе тѣла. Но у насъ въ замкѣ имѣется свой сыщикъ. Онъ обѣщалъ сегодня же снестись съ вами и взялъ на себя розыски.

— Вы можете назвать фамилію этого сыщика?

— Пожалуйста. Это — Мишель Рато. Выписанный мсье Вольскимъ изъ Парижа.

На лицѣ комиссара выразилось почтительное удивленіе.

— О, Рато одинъ изъ лучшихъ сыщиковъ во всей Франціи. Онъ иногда разрѣшаетъ самыя запутанныя дѣла, отъ которыхъ отказываются другіе детективы. А, между прочимъ, простите за нескромность: почему мсье Вольскій его выписывалъ? У него были заранѣе какія-нибудь подозрѣнія?

— Это, видите-ли, дѣло семейное... — Суриковъ смутился. — Къ смерти молодого человѣка совсѣмъ не относится. Впрочемъ, если вы потребуете офиціально, я могу вкратцѣ сказать.

— Нѣтъ, нѣтъ, если мсье Рато былъ выписанъ по другому дѣлу, не безпокойтесь, пожалуйста. Ну, а теперь другой вопросъ: вы подозрѣваете, что похищеніе тѣла покойнаго произведено кѣмъ-либо изъ обитателей вашего замка?

Не думаю. Какой смыслъ? И кто могъ бы? Нѣтъ, я увѣренъ, что обитатели замка тутъ непричемъ.

— Отлично. — Комиссаръ досталъ изъ кармана записную книжку и раскрылъ ее. — Въ такомъ

случаѣ, разрѣшите узнать: среди вашей прислуги имѣется такой служащій... Томъ Бредли?

— Томъ? Да. Это нашъ поваръ.

Николай Ивановичъ удивленно посмотрѣлъ на комиссара.

— Я былъ бы очень благодаренъ, мсье, если бы вы вызвали его сюда. Мнѣ желательно задать ему нѣсколько вопросовъ.

Суриковъ съ грустной улыбкой развелъ руками, но покорно всталъ и отправился на кухню. Черезъ нѣсколько минутъ онъ явился въ холлъ въ сопровожденіи повара.

— Это вы Томъ Бредли? — спросилъ комиссаръ, когда поваръ остановился въ дверяхъ и испуганно сталъ оглядывать полицейскихъ.

— Я не понимаю по-французски... Можетъ быть вы, мистеръ Суриковъ, будете за меня отвѣчать?

— Хорошо. Но этотъ вопросъ вы все-таки поняли? Онъ спрашиваетъ, вы ли Томъ Бредли.

— Въ такомъ случаѣ, — обратился комиссаръ къ Сурикову, когда тотъ передалъ отвѣтъ Тома, — спросите его, гдѣ онъ проводилъ сегодняшнюю ночь.

Томъ смутился, когда Николай Ивановичъ перевелъ ему этотъ вопросъ. Оглянулся на дверь, ведшую изъ холла въ коридоръ, нѣкоторое время помолчалъ и затѣмъ рѣшительно произнесъ:

— Это мое личное дѣло.

— Мсье Бредли, — офиціальнымъ тономъ сказалъ комиссаръ, узнавъ отвѣтъ Тома. — Я васъ спрашиваю потому, что сегодня ночью передъ наступленіемъ грозы васъ видѣли возлѣ старой мельницы въ обществѣ женщины, находящейся у насъ на подозрѣніи въ кое-какихъ преступленіяхъ. Вы несли большой тяжелый мѣшокъ на плечѣ. Этотъ

мѣшокъ вы тащили, очевидно, отсюда, такъ какъ есть другой свидѣтель, видѣвшій васъ на десять минутъ раньше спускавшимся изъ воротъ замка. Будьте добры, объясните: что находилось въ мѣшкѣ?

Изумленный этимъ вопросомъ Николай Ивановичъ перевелъ сказанное Тому. И удивленіе его перешло въ явное подозрѣніе, когда тотъ, покраснѣвъ, сталъ растерянно переминаться съ ноги на ногу и послѣ вторичнаго томительнаго молчанія, вдругъ, рѣзко отвѣтилъ:

— Скажите ему, что это тоже мое частное дѣло.

— Въ такомъ случаѣ, мсье, — обратился комиссаръ къ Сурикову, — простите меня, но я принужденъ буду до разъясненія дѣла арестовать вашего служащаго. Дѣло въ томъ, что сегодня утромъ въ оврагѣ возлѣ заброшенной старой мельницы обнаруженъ трупъ какого-то молодого человѣка. Слѣдствіе, разумѣется, установитъ, причастенъ ли Томъ Бредли къ этому преступленію. Но его запирательство, вы сами понимаете, наводитъ на печальныя мысли. А затѣмъ, мсье, у меня просьба къ вамъ. Не откажите въ любезности вы или кто-нибудь изъ близкихъ къ семьѣ Вольскаго отправиться на мельницу, гдѣ мы до пріѣзда слѣдователя помѣстили найденный трупъ, и установить: не принадлежитъ ли онъ умершему сыну уважаемаго владѣльца замка.

Узнавъ у комиссара, гдѣ находится мельница, взволнованный Суриковъ обѣщалъ вмѣстѣ съ кѣмъ-нибудь изъ обитателей замка немедленно отправиться туда. Что же касается Тома, то, увидѣвъ себя окруженнымъ жандармами, тотъ сталъ просить секретаря поручиться за него и уговорить комиссара оставить его здѣсь.

— Но почему вы не хотѣли отвѣтить ему? — гнѣвно спросилъ Николай Ивановичъ.

— Я не могъ навлекать позора на одну женщину.

— Но вы не желаете сказать и того, что у васъ было въ мѣшкѣ!

— Это тоже секретъ.

— Въ такомъ случаѣ, пусть полиція разбирается въ вашихъ секретахъ!

Жандармы увели Тома. Суриковъ отыскалъ Ольгу Петровну, ея сына, вызвалъ Виктора и передалъ имъ содержаніе своей бесѣды съ комиссаромъ.

— Значитъ, это тѣло Сергѣя? — въ ужасѣ прошептала Горева. — Но кому понадобилось совершать такое преступленіе?

— Неужели, дѣйствительно, Томъ? — со страхомъ добавилъ Жоржъ.

— Я знаю, гдѣ находится мельница, — взволнованно сказалъ въ свою очередь Викторъ. — Отсюда недалеко. Пойдемте сейчасъ же.

Спустившись изъ воротъ на шоссе, Шоринъ повелъ Жоржа и Сурикова по сокращенной дорогѣ черезъ лѣсъ. Жоржъ шелъ легко и свободно. Что же касается Николая Ивановича, то онъ все время просилъ своихъ спутниковъ идти медленнѣе, ссылаясь на одышку.

— Смотрите, господа, — сказалъ Жоржъ, останавливаясь на полянѣ, съ которой тропинка круто сворачивала къ рѣкѣ. — Недалеко, какъ будто, пожаръ.

— Въ самомъ дѣлѣ, что-то горитъ, — подтвердилъ Николай Ивановичъ, у котораго не выходило изъ головы ужасное сообщеніе комиссара.

Викторъ бросилъ взглядъ туда, куда показывалъ Жоржъ, и началъ торопливо спускаться.

— Сейчасъ будетъ ручей, — нервно сказалъ онъ. — Дойдя до него, мы свернемъ вправо. Въ двухстахъ метрахъ оттуда находится мельница.

Онъ двинулся впередъ, дошелъ до ручья, посмотрѣлъ вправо и испуганно закричалъ:

— Господа! Это горитъ мельница!

Черезъ десять минутъ всѣ трое подошли къ мѣсту пожара. Огонь пылалъ, превративъ ветхое деревянное зданіе въ костеръ. Невдалекѣ отъ пожарища виднѣлась фигура полицейскаго. Суриковъ подошелъ къ нему, приподнялъ шляпу:

— Скажите, мсье... Здѣсь хранится трупъ, найденный сегодня утромъ?

— А вамъ какое дѣло?

Полицейскій высокомѣрно взглянулъ на незнакомаго ему господина.

— Имѣйте въ виду, что мы пришли сюда не сами, а по просьбѣ комиссара. — Николай Ивановичъ покраснѣлъ. — Можетъ быть, этотъ убитый — изъ нашей семьи. Вы понимаете это?

— Мой помощникъ уже пошелъ въ городъ, — измѣнивъ тонъ, миролюбиво произнесъ полицейскій. — Комиссаръ сейчасъ, навѣрно, придетъ.

Затѣмъ, сообразивъ, что явившіеся сюда иностранцы могутъ оказаться людьми вліятельными, онъ уже жалобнымъ тономъ продолжалъ:

— Главное, кто могъ предположить, что мельница такъ скоро разгорится? Всего одинъ часъ, а какъ пылаетъ! Вѣдь, мы тоже люди. Пошли обѣдать. Въ двѣнадцать часовъ всѣ приличные люди обѣдаютъ. Черезъ часъ вернулись — и все въ огнѣ. Хотѣлъ бы я знать, какая каналья подожгла эту развалину!

— А что же съ трупомъ? — спросилъ Жоржъ, когда полицейскій окончилъ свои изліянія. — Онъ оставался внутри?

— Внутри, мсье.

— Значитъ, теперь не удастся опознать его. Очевидно, преступники рѣшили замести слѣды.

— Должно быть, мсье.

Суриковъ подошелъ поближе къ горѣвшей постройкѣ и хмуро сталъ смотрѣть на огонь. Негодованіе противъ полицейскаго уже прошло; но настроеніе было попрежнему мрачное. — Неужели, въ самомъ дѣлѣ здѣсь Сергѣй? — съ содроганіемъ думалъ онъ, глядя на пламя и дымъ, окутавшіе груду уже рухнувшихъ деревянныхъ частей постройки. — Несчастный юноша... За что это? Какъ ужасно кончилась дѣтская затѣя... А что будетъ съ Павломъ Андреевичемъ!

Шоринъ стоялъ невдалекѣ отъ Сурикова и тоже наблюдалъ за пожаромъ. Видъ у него былъ убитый. Онъ весь какъ-то сгорбился, руки безпомощно повисли. На лицѣ застыло выраженіе страха и жалости.

Минутъ черезъ десять со стороны шоссе послышалось гудѣніе автомобиля, и на тропинкѣ, ведущей къ мельницѣ, появилась фигура комиссара въ сопровожденіи чиновъ полиціи и нѣсколькихъ пожарныхъ, тащившихъ шланги.

Комиссаръ сейчасъ производилъ впечатлѣніе совсѣмъ не того скромнаго застѣнчиваго человѣка, какимъ показался Николаю Ивановичу во время посѣщенія замка.

— Годфруа! — гнѣвно крикнулъ онъ, подбѣгая къ находившемуся возлѣ пожара полицейскому.—Вы понимаете, что васъ нужно отдать подъ судъ?

— Понимаю, господинъ комиссаръ.

— Вы думаете, что дежурство въ нарядѣ простыя шутки?

— Ни въ коемъ случаѣ, господинъ комиссаръ

— Почему же вы съ Жакомино самовольно пошли обѣдать, когда вамъ нужно было находиться на посту?

— Мы не обѣдали, господинъ комиссаръ. Мы только пошли въ кафе перекусить сыра.

— Вы увидите, во что вамъ обойдется этотъ сыръ! Господа! — съ досадой въ голосѣ обратился комиссаръ къ Сурикову и его спутникамъ. — Простите, но какъ вы понимаете сами, я уже не могу воспользоваться вашими услугами. Рикэ! Принимайтесь за дѣло! Спускайте шланги въ ручей!

— Я боюсь, господинъ комиссаръ, что до ручья шланга не хватитъ, — нерѣшительно замѣтилъ старшій пожарный. — Впрочемъ, попробуемъ. Рибо! Разворачивай шлангъ!

— Сію минуту, господинъ шефъ,—отвѣтилъ второй пожарный. — Эй, Жакъ! Тащи шлангъ!

— Слушаю. Эй, Морисъ! Давай сюда шлангъ!

— Жанъ! Шлангъ подай! Живо! — въ свою очередь крикнулъ Морисъ,

Тонкая струя брызнула, наконецъ, въ огонь, Громадные языки пламени пожирали остатки досокъ и балокъ. Комиссаръ время отъ времени давалъ краткіе совѣты своимъ подчиненнымъ, обходилъ мельницу со всѣхъ сторонъ, накидывался на Годфруа, который для искупленія своей вины старался выказать максимумъ энергіи и покрикивалъ на полицейскихъ, помогавшихъ пожарнымъ тушить огонь.

— Очевидно, даже костей не останется, — съ искренней досадой пробормоталъ комиссаръ, остановившись, наконецъ, возлѣ Сурикова и вытирая платкомъ мокрый лобъ. — Вы понимаете, какъ это осложнитъ слѣдствіе!

— Да. Конечно. — Николай Ивановичъ вздохнулъ. — А, между прочимъ, господинъ комиссаръ.... Когда вы были у насъ, мы забыли переговорить съ вами относительно погребенія умершаго сторожа. Какъ вы посовѣтуете намъ поступить?

— Это вы про Робера? Да... Я забылъ. А вамъ

неизвѣстно, остались послѣ него какія-нибудь средства?

— Безъ заявленія въ полицію мы не могли осматривать его вещей. Однако, у меня есть основанія думать, что деньги у него были.

— Хорошо, черезъ часъ я пришлю одного изъ нашихъ чиновниковъ. Ну, и денекъ выдался сегодня! Уже пять лѣтъ ничего подобнаго не случалось въ нашихъ краяхъ!

Черезъ часъ въ замокъ явилось два полицейскихъ чиновника. Они вызвали Сурикова и отправились вмѣстѣ съ нимъ осматривать помѣщеніе, въ которомъ жилъ Роберъ.

— Скажите... А что пожаръ? Кончился? — спросилъ по дорогѣ Николай Ивановичъ.

— Уже все сгорѣло, мсье. Начисто, — весело отвѣтилъ старшій чиновникъ.

— Значитъ, установить личность убитаго не удастся?

— Это не бѣда, мсье. Мы уже напали на слѣдъ убійцы.

— Въ самомъ дѣлѣ? А кто же убитый?

— Пока трудно сказать.

— Но все-таки... Это сынъ владѣльца замка?

— Не знаю, мсье.

— А арестованный поваръ нашъ замѣшанъ въ дѣло?

— Вашъ поваръ? Относительно него еще не все выяснено. Но скоро, навѣрно, будетъ извѣстно, какое отношеніе онъ имѣлъ къ преступленію. Между прочимъ, мсье... Вы говорили господину комиссару, что у старика Робера обнаружены большія деньги?

— Нѣтъ. Про большія деньги я не говорилъ. Но что касается нѣкоторой суммы...

Суриковъ разсказалъ про исторію съ подушкой. Затѣмъ передалъ о томъ случаѣ, когда онъ съ

Рато вошелъ въ жилище Робера и увидѣлъ, какъ старикъ прячетъ что-то въ ящикъ своего стола.

— Посмотримъ, посмотримъ, — удовлетворенно произнесъ чиновникъ. — Этотъ Роберъ былъ намъ извѣстенъ, какъ подозрительный типъ. Впрочемъ, не изъ опасныхъ.

— А у него есть здѣсь какіе-нибудь родственники?

— Насколько намъ извѣстно, никого. А друзья, конечно, были. Собственно, не друзья, а просто собутыльники. Старикъ любилъ пить. Это его помѣщеніе?

— Да.

Представители полиціи вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ вошли внутрь. При видѣ лежавшаго на кровати Робера всѣ сняли шляпы.

— Это та самая подушка, мсье?

Старшій чиновникъ подошелъ къ столу, снялъ съ него подушку.

— Да. Мы ее перенесли сюда.

— Посмотримъ.

Чиновникъ быстро распоролъ ту сторону, въ которой Рато раньше сдѣлалъ небольшое отверстіе, и сталъ вытаскивать изнутри содержимое.

— Четыре тысячи франковъ отдѣльными бумажками и шесть по сто, — проговорилъ онъ, перетряхнувъ грязную сбившуюся шерсть. — Старикъ, какъ видно, умѣлъ не только пить, но и копить денежки. Паво, берите деньги и запишите сколько, — обратился онъ къ безмолвно стоявшему помощнику.

— Слушаю, господинъ шефъ.

— А теперь посмотримъ, что въ столѣ, — продолжалъ чиновникъ, выдвигая ящикъ. — Ага! — Онъ весело разсмѣялся и вытащилъ груду отдѣльныхъ частей часовыхъ механизмовъ. — Теперь понимаю, откуда деньги. Паво, посмотрите.

— Контрабандистъ, — дѣловито замѣтилъ помощникъ.

— Контрабандистъ, — согласился шефъ. — Этимъ дѣломъ занимаются у насъ нѣкоторые савояры, мсье, — обратился онъ къ Сурикову. — Выдѣлываютъ великолѣпныя стрѣлки или колесики и контрабанднымъ путемъ сплавляютъ въ Женеву. Всѣ эти знаменитые женевскіе часы наполовину приготовляются у насъ. Ну, а гдѣ станокъ? Паво, посмотрите въ углу, за шкапчикомъ.

— Вотъ, господинъ шефъ, — безучастно отвѣтилъ помощникъ, вытаскивая изъ угла инструменты.

— Отлично, отлично. Старикъ не отставалъ отъ другихъ. Впрочемъ, мсье, вы не подумайте, что это преступленіе противъ нашего государства. Намъ, въ сущности, нѣтъ никакого дѣла, куда идутъ подобныя вещицы. Пусть сами швейцарцы получше осматриваютъ контрабандистовъ. Ну, а что касается денегъ, я думаю, у покойнаго Робера могли бы найтись и еще, если поискать основательно. Паво! Помогите снять старика съ кровати.

— Слушаю, господинъ шефъ.

Они подняли Робера за плечи, за ноги, и осторожно положило тѣло на полъ возлѣ стѣны.

— Лежи спокойно, старикъ, лежи, — одобрительно проговорилъ старшій чиновникъ, дружески похлопывая покойника по плечу. — Пожилъ, голубчикъ, достаточно. Ну, а теперь, Паво, распорите тюфякъ. Въ Савойѣ, мсье, половина капиталовъ обыкновенно находится въ тюфякахъ, четверть въ подушкахъ и только четверть показывается иногда на свѣтъ Божій, да и то не надолго.

— Сто, — безучастно проговорилъ Паво, вытаскивая изъ тюфяка бумажку и передавая ее шефу.

— Дальше.

— Сто.

Паво передавалъ другую бумажку.

— Есть. Ну, ну, распорите шире, Паво. Иначе мы пробудемъ тутъ до слѣдующаго понедѣльника.

— Пятьдесятъ, — продолжалъ Паво. — Еще пятьдесятъ. Десять. Двадцать, вышедшихъ изъ употребленія.

— А золота нѣтъ?

Сейчасъ, господинъ шефъ. Пока идетъ только мягкое. Вотъ. Золотой.

— Давайте сюда.

— Еще золотой. Третій. Четвертый. А это? Жетонъ за стрѣльбу.

— Кладите на полъ.

— Пуговица. Позолоченная. Дамская перчатка. Еще пуговица. Двадцать су.

Николай Ивановичъ, раскрывъ ротъ отъ удивленія, смотрѣлъ сквозь очки то на таинственный тюфякъ, то на образовавшуюся на полу груду денегъ и различныхъ мелкихъ вещей. Его удивляли, главнымъ образомъ, конечно, не деньги, а пуговицы и многіе другіе предметы, совершенно не подходящіе для набивки обычныхъ тюфяковъ.

— Все, Паво?

— Все.

Помощникъ всталъ и началъ отряхивать пиджакъ отъ приставшей къ нему шерсти.

— Пересчитайте и составьте опись.

— Слушаю.

Чиновникъ закурилъ и въ ожиданіи, пока Паво кончитъ свое дѣло, началъ говорить о мѣстныхъ нравахъ.

— Я самъ понимаю, мсье, что деньги нужно копить для обезпеченія старости. Каждый благоразумный человѣкъ тридцати лѣтъ отъ роду долженъ сознавать, что часть заработанныхъ денегъ онъ обязанъ ассигновать на благотворительность самому

себѣ, когда ему черезъ тридцать лѣтъ стукнетъ шестьдесятъ. Но такую скупость, какую проявляютъ нѣкоторые наши савояры, я уже не одобряю. Возьмите, напримѣръ, сыровара Коннара. У человѣка состояніе въ двадцать милліоновъ, а живетъ, какъ нищій, въ старомъ сараѣ. А старуха Карро? Имѣетъ около пяти милліоновъ въ банкѣ, въ тюфякѣ и въ подушкахъ. А вы посмотрите, въ какихъ лохмотьяхъ ходитъ. На этой жадности одинъ лавочникъ ловко поддѣлъ нашихъ скрягъ. Впрочемъ, можетъ быть, я васъ утомляю, мсье?

— Нѣтъ, нѣтъ. Что вы.

— Такъ вотъ, извольте видѣть... Этотъ лавочникъ придумалъ такую комбинацію: за каждую покупку въ двадцать франковъ выдаетъ покупателю по простой чашкѣ съ блюдцемъ. Казалось бы, что такое чашка и блюдце? Но такъ какъ считается, что они даровыя, то весь нашъ округъ изъ-за нихъ буквально съ ума сошелъ. Отовсюду идутъ: съ горъ, изъ долины. Покупаютъ консервы, сахаръ, кофе, всякую всячину и, получивъ даромъ двѣ-три чашки, со счастливыми лицами возвращаются домой. Старуха Карро, напримѣръ, на это тоже попалась. Прежде даже въ мысляхъ у нея не было положить лишній кусокъ сахара въ кофе или съѣсть шоколаду. А теперь не узнать старой вѣдьмы: масло ѣстъ, вино пьетъ, шоколадъ глотаетъ по три плитки въ день. Недавно для даровыхъ чашекъ особый шкапъ даже купила. Жаль глупой старухи, конечно. Недолго проживетъ при такомъ внезапномъ обжорствѣ. Пропадетъ изъ-за чашекъ, помяните мое слово. Но что дѣлать... Ну, что, Паво, готово?

— Готово, господинъ шефъ.

— Дайте подписать. Мсье, вотъ стило. Погодите только, я прочту вамъ, а вы пересчитайте деньги, все ли правильно.

— Я и такъ вѣрю, мсье. Разрѣшите подписать.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сначала послушайте. Вотъ: «При осмотрѣ вещей... и такъ далѣе... это все по формѣ... зашитыми въ подушки и тюфякъ оказались: девять тысячъ 465 франковъ въ бумажкахъ и золотомъ; восемь пуговицъ — три мѣдныя, четыре костяныя, одна позолоченная; ручка отъ зонтика; женская перчатка съ лѣвой руки; старая деревянная табакерка; семь карандашей; серебряная ложка съ монограммой; металлическій черенокъ отъ оловяннаго ножа; двадцать восемь женскихъ батистовыхъ платковъ и десять обломковъ предметовъ неизвѣстнаго типа и происхожденія.

Предметы домашней обстановки: кровать, два табурета, столъ, шкапчикъ, двѣ кастрюли, одна ложка, одна вилка, одна тарелка, шляпа, пальто. Въ столѣ и въ углу найдены: станокъ для мелкихъ работъ, 50 пружинъ для часовъ, 122 стрѣлки, 63 колесика».

— Такъ, — Суриковъ облегченно кивнулъ головой, когда чиновникъ окончилъ чтеніе. — Теперь можно подписать?

— Извольте. А за тѣломъ пришлемъ автомобиль. Паво, положимъ старика на кровать. Вотъ такъ.

Всѣ вышли наружу. Чиновникъ заперъ дверь на ключъ, и съ хитрой улыбкой спросилъ Николая Ивановича:

— А вы, мсье, знаете дочь русскаго профессора Лунина?

— Да. Видѣлъ.

— Она очень любила Робера и, навѣрно, будетъ жалѣть, узнавъ о его смерти. Какъ-то разъ при мнѣ мадемуазель Лунина вспоминала, что старикъ часто забавлялъ ее, когда она была еще дѣвочкой. Бралъ у нея платки, монеты, всякія вещи и показывалъ фокусы. Вотъ, оказывается, какого рода были эти фокусы! До-свиданья, мсье.

31.

Между тѣмъ, въ Женевѣ, на террасѣ ресторана, Рато подробно разсказывалъ Вольскому о событіяхъ послѣдняго дня.

— Прежде всего, мсье, — началъ онъ, — долженъ вамъ сообщить, что сынъ вашъ живъ, здоровъ и находится сейчасъ недалеко отъ замка въ городѣ, въ отелѣ «Босежуръ». Правда, я заставилъ его лечь въ постель въ ожиданіи вашего пріѣзда и свиданія съ нимъ, такъ какъ онъ чувствуетъ небольшую слабость. Но это пустяки и не должно васъ ничуть безпокоить.

— Не понимаю... — хмуро прервалъ сыщика Вольскій. — Почему вы думаете, что я поѣду къ нему на свиданіе? Вы не можете знать моихъ плановъ относительно сына.

— Совершенно вѣрно. Не могу. Если бы дѣло обстояло такъ, какъ оно сейчасъ вамъ представляется, я бы вообще не осмѣлился думать, что вы навѣстите его. Но будьте любезны выслушать до конца. Вы убѣдитесь, что сынъ вашъ перенесъ не мало тяжелаго изъ-за своей нелѣпой выдумки.

— Хорошо. Продолжайте.

Рато сообщилъ Павлу Андреевичу все: гдѣ Сергѣй скрывался, какъ Викторъ съ деньгами отправился въ подземелье, какъ засталъ своего друга безъ признаковъ жизни, прибѣжалъ въ замокъ къ Сурикову, сознался во всемъ, и какъ, наконецъ, они — Суриковъ и Рато, рѣшивъ, что Сергѣй отравился, вызвали врача, который констатировалъ смерть.

— Что же... И вы меня даже не вызвали... по телефону?.. — дрожащимъ голосомъ проговорилъ Вольскій. — Вы все рѣшили дѣлать помимо меня?

— Да, мсье. Мы хотѣли предварительно выяснить все сами, такъ какъ знали, что у васъ не впол-

нѣ здоровое сердце. Какъ видите, поступили мы благоразумно. Не желая до поры до времени вмѣшивать въ дѣло полицію, я немедленно приступилъ къ осмотру подземелья и, между прочимъ, нашелъ на полу одну незначительную вещицу: дамскую шпильку. Шпилька была новая, безъ слѣда ржавчины, очевидно, попала туда недавно. Ну, а вы знаете, что сейчасъ, когда женщины шпильками почти не пользуются, эти предметы могутъ оріентировать гораздо больше, нежели показанія любыхъ очевидцевъ. Изъ разговора съ Викторомъ я выяснилъ, что дочь Лунина какъ разъ носитъ длинные волосы, и пришелъ къ заключенію, что это она, должно быть, недавно находилась здѣсь. Кромѣ того, въ подземельѣ обнаружилъ я провода и кое-какія негодныя части радіоаппарата. Старые трансформаторы, конденсаторъ.... Мое предположеніе, что эта самая Наташа пугала васъ при помощи микрофона, вполнѣ подтвердилось осмотромъ.

Рато налилъ въ стаканъ минеральной воды, сдѣлалъ глотокъ, продолжалъ:

— Ну, вотъ... А теперь перейдемъ къ дальнѣйшему. Послѣ ухода врача ваша кузина распорядилась перенести Сергѣя наверхъ, выбравъ для него ту комнату въ крылѣ замка, которая имѣетъ второй выходъ въ садъ. На ночь оставили возлѣ Сергѣя старика Робера. Я же немедленно поѣхалъ въ городъ и снялъ комнату въ отелѣ. Долженъ признаться, что прямая цѣль этого переѣзда въ городъ не оправдалась. Я хотѣлъ при помощи одного своего метода произвести кое-какія наблюденія, но они въ данномъ случаѣ не удались. Однако, въ концѣ концовъ, оказалось, что этотъ методъ не стоило и примѣнять. Думая, что профессоръ въ аптекѣ, я отправился туда, желая переговорить съ нимъ относительно дѣйствія яда, который онъ продалъ Шорину. Но профессора

не было въ аптекѣ, дочери тоже. Пришлось пойти къ нимъ на виллу. Отецъ, какъ оказалось, уѣхалъ на весь день въ Эвіанъ. Наташа приняла меня, заявила, что знаетъ уже отъ доктора о происшедшемъ въ замкѣ, и была очень разстроена. Когда же я сказалъ, что сомнѣваюсь въ дѣйствительной смерти Сергѣя, настроеніе ея сразу перемѣнилось. Дѣвушка точно воскресла. Мы сговорились съ нею встрѣтить ея отца на станціи около одиннадцати часовъ вечера, и когда тотъ пріѣхалъ, предположенія мои получили полное подтвержденіе. Лунинъ объяснилъ мнѣ, что крысиный ядъ, который, по нашимъ предположеніямъ, принялъ Сергѣй, смертеленъ только для мелкихъ организмовъ; человѣка же онъ не убиваетъ, а вызываетъ въ немъ только нѣчто вродѣ летаргіи, причемъ продолжительность дѣйствія зависитъ отъ принятой дозы. Изобрѣтено это средство самимъ Лунинымъ во время войны для общаго наркоза, на случай длительныхъ операцій или для полной анестезіи тяжело раненыхъ, чтобы избавить ихъ отъ мучительныхъ болей во время длительныхъ эвакуацій въ тылъ. Профессоръ сказалъ, что послѣ войны это средство, къ сожалѣнію, не получило широкаго распространенія. такъ какъ имѣло свои неудобства, и онъ пустилъ его въ продажу просто въ качествѣ крысинаго яда. Вы представляете, мсье, какъ я обрадовался, получивъ эти свѣдѣнія! Однако, въ замокъ я не поѣхалъ, такъ какъ у меня были на то кое-какія свои соображенія. Что же касается Наташи, то съ ней опять произошла перемѣна. Узнавъ, что жизни Сергѣя не угрожаетъ опасность, она заговорила о немъ равнодушно, пренебрежительно сказала, что ее этотъ вопросъ больше не интересуетъ, и сейчасъ же отправилась домой.

— Такъ, такъ... Только вы ужъ слишкомъ долго говорите о Наташѣ. Что же Сергѣй? Что было съ нимъ послѣ?

— Итакъ, какъ я уже сказалъ, сына вашего перенесли въ крайнюю комнату. На ночь при немъ оставался Роберъ. И, вотъ, часовъ въ двѣнадцать разразилась сильная гроза. Сергѣй разсказываетъ, что пришелъ въ себя отъ страшнаго удара грома. Онъ приподнялся... Оглянулся кругомъ...

Рато почувствовалъ, что отцу будетъ тяжело слышать о гробѣ, и рѣшилъ о немъ не упоминать.

— И увидѣлъ передъ собой вскочившаго Робера, — продолжалъ онъ. — Лицо сторожа было искажено страхомъ. Сергѣй соскочилъ съ этой самой... кровати, хотѣлъ успокоить старика, но тотъ вскрикнулъ и рухнулъ на полъ. Сергѣй бросился къ нему, разстегнулъ рубашку, думалъ привести въ чувство, но тщетно. Роберъ былъ мертвъ. Вашъ сынъ не зналъ, что дѣлать дальше. Уйти? Но куда? Я спрашивалъ его, почему онъ не пошелъ прямо въ замокъ. Но онъ отвѣтилъ, что ему было совѣстно. Кромѣ того, онъ не зналъ, что вы уѣхали. Боялся своимъ появленіемъ испугать васъ.

— Не нужно было придумывать всей этой мерзости. Тогда не пришлось бы и пугать.

— Да. Конечно. И вотъ, Сергѣй рѣшилъ пробраться обратно въ подземелье, побыть тамъ до разсвѣта и затѣмъ уйти въ городъ. Планъ у него, какъ онъ говоритъ, былъ таковъ: написать вамъ письмо, сознаться въ неблаговидности своего поведенія и объявить, что будетъ теперь жить отдѣльно и самостоятельно зарабатывать себѣ на пропитаніе. Между тѣмъ, пока онъ сидѣлъ въ подземельѣ и ждалъ разсвѣта, Шоринъ послѣ грозы спустился къ своему другу, увидѣлъ, что это самое... кровать пуста, а старикъ мертвъ, разбудилъ Сурикова, и они сейчасъ же протелефонировали мнѣ въ гостиницу о похищеніи Сергѣя. Я понялъ, конечно, что похищенія никакого нѣтъ, что молодой человѣкъ, очевидно, пришелъ

въ себя... И, не ложась спать, рѣшилъ съ разсвѣтомъ ѣхать въ замокъ. Въ четыре часа утра я заперъ комнату, спустился внизъ и у входа въ гостиницу, вдругъ, увидѣлъ вашего сына. Онъ спрашивалъ швейцара, нѣтъ ли въ отелѣ свободной комнаты.

— Такъ, такъ. Очень хорошо. Все?

— Пока все.

Вольскій вздохнулъ, горько улыбнулся.

— Прекрасно. Отлично. Благодарю васъ за милый разсказъ. Пріятное развлеченіе, все-таки, придумалъ для меня мой драгоцѣнный сынокъ. Въ качествѣ лѣтняго отдыха для старика отца ничего лучшаго изобрѣсти нельзя.

Онъ опустилъ голову. Задумался.

— Ну, и что же? Значитъ, Сергѣй сейчасъ тамъ... Въ отелѣ?

— Да.

— Вы сообщили въ замокъ о томъ, что онъ живъ?

— Нѣтъ. По нѣкоторымъ соображеніямъ, я пока держу это въ секретѣ.

— Почему же?

— Я долженъ вамъ кое-что еще сказать. Дѣло въ томъ, что вашъ сынъ совсѣмъ не думалъ кончать самоубійствомъ. Онъ никакого яда не принималъ. Очевидно, кто-то хотѣлъ его отравить.

32.

На центральной площади, недалеко отъ отеля «Босежуръ», остановился автомобиль, изъ котораго вышли Вольскій и Рато. Такъ какъ старикъ не желалъ ѣхать въ гостиницу, а предпочиталъ встрѣтиться съ сыномъ на нейтральной почвѣ, сыщикъ предложилъ ему подождать здѣсь, въ кафе, а самъ

отправился въ отель сообщить Сергѣю о пріѣздѣ отца.

Оставшись одинъ, Павелъ Андреевичъ приказалъ шофферу отъѣхать въ сторону, чтобы тотъ не былъ свидѣтелемъ встрѣчи, и погрузился въ размышленія. Въ душѣ онъ уже простилъ сына. Разсказъ Рато о всѣхъ злоключеніяхъ Сергѣя, а главное — о покушеніи на его жизнь, такъ взволновалъ старика, что все накопившееся за эти дни раздраженіе исчезло. Конечно, для формы распечь сына нужно. Но главный вопросъ не въ этомъ. Главное — кто могъ дать ему яду?

Павелъ Андреевичъ вздохнулъ, чувствуя, что у него слишкомъ мало данныхъ для того, чтобы опредѣленно остановиться на комъ-нибудь въ своихъ предположеніяхъ. Но эти тревожныя мысли немедленно смѣнились радостнымъ сознаніемъ, что все скверное уже миновало, и что Сергѣй, слава Богу, внѣ опасности.

Старикъ посмотрѣлъ въ сторону отеля «Босежуръ», усмѣхнулся. — Дрянной мальчишка! Сколько безпокойства причинилъ себѣ и другимъ!

Небольшая площадь, окруженная магазинами и жилыми домами, казалась пустынной, несмотря на спадавшую жару. Посреди, подъ деревьями съ толстыми вѣковыми стволами съ низко срѣзанными верхушками, стояло нѣсколько скамеекъ, на одной изъ которыхъ спалъ какой-то старикъ, безмятежно разбросавъ руки и ноги; среди деревьевъ внизу неустанно журчала въ каменномъ бассейнѣ вода, тонкой струей выбѣгавшая изъ сѣрой плиты, напоминавшей скромный надгробный памятникъ. На узкомъ троттуарѣ главной улицы въ прохладной тѣни домовъ изрѣдка встрѣчалась какая-нибудь одинокая фигура — парикмахеръ, стоявшій у дверей своего заведенія съ заспаннымъ лицомъ, въ рабочемъ ха-

лагѣ подозрительной бѣлизны; зубной врачъ, тоже въ бѣломъ, вышедшій разсѣять тоску и посмотрѣть, не идетъ ли случайно кто-нибудь изъ паціентовъ. И только изрѣдка съ тревожнымъ кряканьемъ проносился мимо автомобиль, направлявшійся въ сторону Шамони; или вдругъ пересѣкала улицу неунывающая группа туристовъ съ сѣрыми мѣшками на спинахъ, въ дымчатыхъ очкахъ, съ огромными палками, скрежетавшими желѣзными наконечниками о камень мостовой, въ тяжелыхъ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями, производившихъ грозный шумъ, будто надвигались на мирный городъ несчетныя колонны вражеской пѣхоты.

А изъ домовъ выглядывали любопытныя лица. Застыли въ оконныхъ рамахъ бюсты старухъ, покорно ожидавшихъ какихъ - либо событій на улицѣ; передъ ними, вытянувшись на подоконникахъ, дремали коты. А въ одномъ изъ верхнихъ оконъ трехэтажнаго дома виднѣлась фигура молодой женщины, склонившейся надъ рукодѣльемъ и время отъ времени посматривавшей на прикрѣпленное передъ ней зеркало. Зеркало играло роль перископа и давало возможность слѣдить за всѣмъ тѣмъ интереснымъ и выдающимся, что могло произойти на троттуарѣ, внизу.

Наконецъ, вдали, на другой сторонѣ площади, показалась фигура Сергѣя. Увидѣвъ сына, Вольскій радостно улыбнулся, затѣмъ быстро овладѣлъ собой и придалъ лицу холодное выраженіе.

— Здравствуй, папа. — Сергѣй остановился возлѣ отца въ нерѣшительности. — Рато сказалъ мнѣ, что ты здѣсь.

— Какъ видишь, Рато недалекъ отъ истины. Садись. Мнѣ нужно съ тобой поговорить.

— Мнѣ тоже нужно... — Сергѣй покраснѣлъ отъ обиды: отецъ даже не захотѣлъ протянуть ему руки.

— Я очень сожалѣю, папа, о происшедшемъ. Но думаю, что въ будущемъ тебѣ не придется больше терпѣть непріятностей изъ-за меня.

— Я бы очень хотѣлъ, чтобы это осуществилось, другъ мой. Ты достаточно выросъ для того, чтобы понимать, какіе поступки доставляютъ людямъ радость, а какіе вызываютъ отвращеніе. Ты хочешь закусить? Или выпить чего нибудь?

— Нѣтъ, спасибо. Чтобы не безпокоить тебя слишкомъ долго своимъ присутствіемъ, я перейду прямо къ дѣлу. Прежде всего, разрѣши передать тебѣ пять тысячъ франковъ. Бандиты просили вручить тебѣ эту сумму за ненадобностью.

Сергѣй вынулъ изъ кармана деньги, положилъ ихъ на столъ.

— Вотъ какъ? — Вольскій усмѣхнулся. — Славные люди эти бандиты. Очевидно, у нихъ совѣсть не окончательно заглохла?

— Да, очевидно.

— Эти деньги, какъ разсказывалъ мнѣ Рато, Викторъ положилъ на твой столъ, и онѣ куда-то исчезли?

— Да. Но я случайно обнаружилъ ихъ впослѣдствіи въ карманѣ своего пиджака. Ну, а теперь мнѣ нужно сказать кое-что уже не о бандитахъ, а о своихъ собственныхъ планахъ. Послѣ всей этой исторіи, папа, я не считаю возможнымъ оставаться въ твоемъ домѣ и ухожу отъ тебя навсегда.

— Въ самомъ дѣлѣ? А куда же, дорогой мой, ты... уходишь?

— Я поступлю въ качествѣ служащаго въ аптеку Лунина. Прежній ихъ помощникъ уѣзжаетъ на-дняхъ, и я займу его мѣсто. Надѣюсь, тебѣ это должно быть пріятно. Во-первыхъ, я стану независимымъ человѣкомъ, что ты очень цѣнишь; а во-

вторыхъ, тебѣ не придется испытывать изъ-за меня огорченій.

— Что-жъ... Твое дѣло.

У Вольскаго отъ одной мысли, что сынъ его будетъ жить здѣсь же, около замка, и работать въ качествѣ мелкаго аптекарскаго служащаго, потемнѣло въ глазахъ.

— Всякій трудъ, мой дорогой, заслуживаетъ уваженія... Это вѣрно. Только какъ же тогда съ университетомъ? Ты такъ и не окончишь его?

— Университетъ? Это пустяки. Мало ли людей не кончаетъ университета изъ-за недостатка средствъ.

— Да, вѣрно. Но жаль. Тебѣ остался только годъ. А студентомъ ты былъ хорошимъ, нужно сказать правду.

— Ничего не подѣлаешь. У кого есть возможность, тотъ учится. У кого нѣтъ, тотъ долженъ примириться со своей участью.

— И ты это твердо рѣшилъ?

Павелъ Андреевичъ пристально посмотрѣлъ въ глаза сыну.

— Да. Твердо.

Сергѣй стойко выдержалъ взглядъ отца. Старикъ почувствовалъ, что сынъ дѣйствительно не притворяется, и въ душѣ его шевельнулось нѣчто въ родѣ удовлетворенной гордости. — Молодчина, сынокъ! — подумалъ онъ. — Совсѣмъ какъ я. Крѣпкій характеръ.

— Ну, хорошо, — слегка повеселѣвъ и смягчивъ тонъ, заговорилъ онъ. — Разъ ты рѣшилъ, противорѣчить не буду. А теперь все-таки поѣшь чего-нибудь... Ты уже завтракалъ?

— Мнѣ ѣсть не хочется. Благодарю.

— По-моему, поѣсть не мѣшаетъ. Посмотри, какое у тебя блѣдное лицо. Эй, гарсонъ!

— Папа, не безпокойся, пожалуйста. Если захочу, самъ потребую.

— Послушай... Ты съ кѣмъ такъ разговариваешь? — Вольскій вспылилъ. — Прошу тебя оставить этотъ тонъ! Гарсонъ! Дайте карточку.

— Въ такомъ случаѣ... — Сергѣй всталъ. — Если мой тонъ не нравится, я могу сейчасъ же уйти.

Старикъ изумленно посмотрѣлъ на сына. Передъ нимъ стоялъ совершенно взрослый человѣкъ, съ надменнымъ выраженіемъ лица, съ холоднымъ блескомъ въ глазахъ.

— Чортъ возьми... — пробормоталъ онъ, почувствовавъ, что почва уходитъ изъ-подъ его ногъ. — Еще службы не получилъ, а уже такъ разговариваешь? Ну, хорошо. Не хочешь ѣсть, не надо. Садись и отвѣть на нѣсколько вопросовъ, которые меня интересуютъ. Ты тоже, какъ Рато, думаешь, что тебя отравили?

— Да.

Сергѣй сѣлъ.

— Какже это могло быть? Ты, вѣдь, все время находился въ подземельѣ. Къ тебѣ кто-нибудь туда приходилъ?

— Никто.

— Ну, положимъ, я знаю отъ Рато, что туда приходила Наташа. Но ты, вѣдь, Наташу не подозрѣваешь?

Сергѣй отвелъ взглядъ въ сторону.

— Нѣтъ. Наташа тутъ непричемъ.

— А кто тебѣ приносилъ ѣду? Шоринъ?

— Да. Онъ клалъ ее въ условленное мѣсто въ коробку, а я ночью бралъ. Рато предполагаетъ, что кто-то прослѣдилъ за Викторомъ и положилъ въ жестянку отравленную ѣду.

— Рато кажется знаетъ, кто это, но не хочетъ говорить. — Вольскій задумался. — Посмотримъ,

на кого онъ укажетъ. Можетъ быть, въ концѣ концовъ окажется, что это былъ Роберъ. Недаромъ, тотъ со страху умеръ, когда ты пришелъ въ себя.

— Нѣтъ, не думаю, чтобы Роберъ былъ причастенъ. А что касается его испуга, то это естественно. Не легко было перенести такую картину: гроза, громъ, молнія... И, вдругъ, среди всей этой обстановки, я поднимаюсь изъ гроба.

Вольскій поблѣднѣлъ. Со страхомъ взглянулъ на сына.

— Какъ изъ гроба? Развѣ ты... лежалъ въ гробу?

— Да, въ гробу. Мало того. Когда я приподнялся, оглянулся и рѣшилъ выскочить, гробъ пошатнулся, и я вмѣстѣ съ нимъ упалъ на полъ. Такого зрѣлища слабое сердце старика, понятно, не могло выдержать. Онъ вскрикнулъ. И затѣмъ...

Сергѣй внезапно смолкъ. Увидѣлъ, какъ отецъ качнулся на стулѣ и дрожащей рукой потянулся къ стакану съ водой.

— Что съ тобой, папа?

— Ничего... — Павелъ Андреевичъ съ усиліемъ старался поднести къ губамъ стаканъ. — Сейчасъ... пройдетъ...

— Папа... Милый... Я... Помогу...

Сергѣй торопливо придвинулся, взялъ изъ руки отца стаканъ и далъ ему сдѣлать нѣсколько глотковъ.

— Что? Сердце? — съ нѣжнымъ участіемъ спросилъ онъ, сообразивъ, что не нужно было говорить про гробъ. — Теперь лучше?

— Проходитъ.

Старикъ откинулся на спинку стула.

— Вызвать доктора? Да?

— Нѣтъ... Отошло. Только слабость... Я за эти дни... очень усталъ.

— Это я виноватъ, — тономъ искренняго раскаянія проговорилъ Сергѣй. — Я понимаю, какъ все это подло. Прости меня, папа.

— Ты... негодяй, Сережа. — Вольскій опустилъ голову. — Ты меня самого могъ вогнать въ гробъ. Дрянной мальчишка.

— Да, негодяй. Ты правъ. Что? Легче? Ну, слава Богу. Вотъ еще. Выпей.

— Спасибо. — Старикъ почувствовалъ, что силы постепенно возвращаются къ нему. — Значитъ, ты все-таки... любишь отца?

Онъ улыбнулся странной растерянной улыбкой. Сергѣй никогда не видѣлъ у него такого жалкаго выраженія лица.

— Я всегда тебя любилъ, папа, — положивъ свою руку на руку отца и гладя ее, проговорилъ Сергѣй. — Я такъ раскаиваюсь...

— И ты... не уйдешь отъ меня? Не забывай... я одинъ...

— Никогда! Будемъ жить вмѣстѣ.

— Хорошо... А теперь вызови Рато. Нужно обсудить, какъ быть дальше. Кстати... Черезъ нѣсколько дней поѣзжай туда... Въ Парижъ. Я знаю, у тебя есть кто-то, кого ты хотѣлъ повидать. Не стѣсняйся.

— Нѣтъ, папа. — Сергѣй смутился. — Теперь мнѣ не хочется ѣхать.

Павелъ Андреевичъ хотя и зналъ отъ Рато о содержаніи письма Кэтъ, однако, сдѣлалъ видъ, что ему ничего неизвѣстно.

Что же... Значитъ, напрасно задумалъ всю эту исторію? А можетъ быть у тебя новые планы? Я охотно помогу, если хочешь.

— Планы?

Сергѣй смутился еще больше. Планы у него, въ самомъ дѣлѣ, были, и планы довольно серьезные. Онъ рѣшилъ ихъ осуществить независимо отъ отца,

когда предполагалъ порвать съ нимъ и поступить на службу къ Лунинымъ. Но теперь обстоятельства измѣнились. Онъ помирился съ отцомъ. Отецъ сейчасъ въ такомъ хорошемъ настроеніи, такой милый, покорный.

— Да, есть планы. — Сергѣй опустилъ глаза. — Но только... Это неважно.

33.

Отправивъ сына въ отель, Вольскій остался одинъ и сталъ обдумывать: что теперь предпринять?

Пока Рато не выяснитъ окончательно, кто покушался на жизнь Сергѣя, ѣхать въ замокъ опасно. А, вдругъ, опять будетъ попытка отравить его? Или погубить мальчика другимъ способомъ? Пожалуй, лучше всего гдѣ-нибудь переждать. Пусть сыщикъ ѣдетъ въ замокъ одинъ, закончитъ разслѣдованіе, и тогда можно вернуться. А, можетъ быть, поселиться здѣсь, въ отелѣ?

Павелъ Андреевичъ вздохнулъ. Имѣть замокъ въ тридцать комнатъ и нанимать номеръ по сосѣдству въ отелѣ... Какое безобразіе! А, можетъ быть, сегодня же все выяснится? Не лучше ли, въ такомъ случаѣ, поѣхать куда-нибудь на автомобилѣ или отправиться, напримѣръ, въ гости къ Лунину? Вольскій вспомнилъ, какъ Сергѣй во время бесѣды покраснѣлъ, когда разговоръ коснулся Наташи. Можетъ быть въ связи съ нею находится новый планъ, о которомъ сынъ не хотѣлъ говорить до конца?

Не даромъ сыщикъ указывалъ, когда они ѣхали сюда изъ Женевы, что, по его мнѣнію, дочь профессора нѣсколько разъ была въ подземельѣ и приходила туда даже вчера, когда Сергѣй уже лежалъ безъ сознанія. Рато намекнулъ, что молодые люди,

должно быть, влюблены другъ въ друга. Кромѣ того, онъ твердо увѣренъ, что къ исторіи съ отравленіемъ Лунины нисколько не причастны. Да и дѣйствительно: старикъ, вѣдь, самъ объяснилъ, что проданный имъ для истребленія крысъ ядъ для людей несмертеленъ.

Сергѣй вернулся вмѣстѣ съ Рато.

— Ну, что же мы теперь предпримемъ? — спросилъ сыщика Вольскій. — У васъ есть какая-нибудь программа дѣйствій?

— Да, мсье. Я сейчасъ же долженъ отправиться въ замокъ.

— А какъ поступить намъ? Тоже поѣхать?

— По-моему, да. Вѣдь, какъ никакъ это вашъ замокъ.

— Спасибо за утѣшительное свѣдѣніе. Но, можетъ быть, намъ благоразумнѣе все-таки переждать пока гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ?

— Изъ предосторожности? Что же. Это тоже недурно. Тѣмъ болѣе, что къ вечеру я думаю все окончательно выяснить. Можетъ быть вы на это время отправитесь въ гости къ Лунинымъ?

— А почему вы находите нужнымъ давать мнѣ подобный совѣтъ?

— Я? Просто такъ. Если не нравится, выберите другое мѣсто.

— Да. Я вообще не люблю совѣтовъ, касающихся моей личной жизни. Тѣмъ болѣе, что у меня самого была именно эта мысль: сдѣлать визитъ Лунину.

— А за Луниныхъ я вполнѣ могу поручиться. И думаю, молодой человѣкъ въ этомъ отношеніи согласенъ со мной.

Сыщикъ съ лукавой улыбкой взглянулъ на Сергѣя. Тотъ отвернулся.

— Въ такомъ случаѣ, — весело сказалъ Воль-

скій, стараясь не показывать вида, что понимаетъ причину смущенія сына, — вы, мсье Рато, отправляйтесь въ замокъ, мы же заѣдемъ къ профессору. Спасибо за совѣтъ. Сережа, вызови Джека, онъ тамъ за угломъ. А когда намъ вернуться домой? Вы мнѣ позвоните?

— Простите... Что? Не разслышалъ.

— Я говорю: вы протелефонируете мнѣ?

— Хорошо. Хотя я и сейчасъ уже могу сказать, когда все будетъ готово. Полъ-часа мнѣ нужно для переѣзда изъ гостиницы въ замокъ. Часъ на то, чтобы подготовить фильмъ. Полъ-часа на провѣрку. И полъ-часа на прочія мелочи. Слѣдовательно, черезъ два съ половиной часа вы уже можете пріѣхать.

— Какъ вы сказали? Фильмъ?

Павелъ Андреевичъ удивленно посмотрѣлъ на сыщика.

— Да, мсье.

— Какой фильмъ?

— Разрѣшите объяснить позже. Когда будетъ больше свободнаго времени.

Рато, ковыляя, направился къ себѣ въ гостиницу. Джекъ подалъ машину и повезъ Вольскаго съ сыномъ къ аптекѣ.

— Профессоръ здѣсь, папа, — сказалъ Сергѣй, заглянувъ въ аптеку и вернувшись къ автомобилю. — Говоритъ, что радъ будетъ тебя видѣть.

— А Наташа?

— Наташи нѣтъ. Она у себя дома.

— Въ такомъ случаѣ, вотъ что. Я выйду, посижу у отца, а ты отправляйся на автомобилѣ на виллу и со своей стороны сдѣлай Наташѣ визитъ.

— Визитъ? Почему?

Сергѣй подозрительно посмотрѣлъ на отца.

— Очень жаль, что тебя нужно учить такимъ простымъ вещамъ. Благодаря Лунину ты остался въ

живыхъ, а теперь спрашиваешь: почему. Не спорь, пожалуйста. Затѣмъ возвращайся сюда.

Въ аптекѣ было нѣсколько посѣтителей. Увидѣвъ Павла Андреевича, профессоръ попросилъ помощника заняться кліентами и пригласилъ гостя въ сосѣднюю комнату, гдѣ находилась лабораторія.

— Ну, что? — дружелюбно спросилъ онъ, притворивъ за собой дверь. — Вашъ сынъ, какъ я вижу, вполнѣ здоровъ. Садитесь.

— Да, слава Богу, дорогой мой. Но за это я, конечно, долженъ благодарить васъ. Если бы вы продали дряннымъ мальчишкамъ настоящаго яда, Сергѣй, навѣрно, погибъ бы.

— Очень радъ, что моя осторожность предотвратила несчастье. Вообще у меня правило — не продавать безъ рецепта ядовитыхъ препаратовъ людямъ, которыхъ хорошо не знаю... А этотъ другъ вашего сына, простите, производитъ вообще странное впечатлѣніе.

— Кто? Шоринъ? Разумѣется. Между нами говоря, этотъ зеленый дьяволъ навѣрняка когда-нибудь будетъ сидѣть въ тюрьмѣ.

Вольскій только теперь вспомнилъ, что ему давно слѣдовало вознегодовать на Виктора за гнусное участіе въ предпріятіяхъ Сергѣя. И потому, упоминая о тюрьмѣ, былъ вполнѣ искрененъ.

— А самоубійствъ сейчасъ столько, особенно среди молодежи! — продолжалъ Лунинъ. — Поневолѣ приходится прибѣгать къ мѣрамъ предосторожности. Впрочемъ, что касается Сергѣя, я никакъ не могъ ожидать, что онъ изъ такихъ, которые рѣшаются на подобное безразсудство. Мальчикъ серьезный, уравновѣшенный, — и вдругъ такой шагъ.

Павелъ Андреевичъ нерѣшительно посмотрѣлъ на профессора. Говорить ему правду или не гово-

рить? Хотя почему не сказать? Вѣдь, Рато вполнѣ ему довѣряетъ.

— Да, вы были бы правы, Дмитрій Антоновичъ, — съ грустной улыбкой заговорилъ онъ, — если бы сынъ мой, дѣйствительно, пытался покончить съ собой. Но дѣло-то въ томъ, что этого не было. Ему кто-то положилъ яда въ ѣду.

— Что? Въ ѣду? А дочь мнѣ говорила...

— Ваша дочь не видѣла Сергѣя послѣ того, какъ онъ очнулся, и очевидно сама сдѣлала это предположеніе. А сынъ утверждаетъ, что яда не принималъ. Между прочимъ... Можетъ быть, со стороны это и покажется смѣшнымъ, но сейчасъ мы съ нимъ не въ состояніи даже вернуться домой. Если кто-то тамъ могъ одинъ разъ покуситься на его жизнь, вполнѣ возможно, что покушеніе будетъ произведено и во второй разъ, но уже съ болѣе вѣрными средствами. Впрочемъ, сыщикъ, посланный мною въ замокъ, обѣщалъ, что къ вечеру окончательно разслѣдуетъ, кто виновникъ отравленія.

— Такъ, такъ. Вотъ оно что. — Лунинъ сочувственно взглянулъ на Вольскаго. — Въ такомъ случаѣ, я васъ понимаю. А знаете что? Отправимся ко мнѣ на виллу обѣдать. Аптека черезъ часъ уже закрывается, я оставлю ее на попеченіе помощника. А Сергѣй гдѣ? Въ автомобилѣ?

— Нѣтъ. Онъ поѣхалъ къ вамъ. Сдѣлать визитъ Наташѣ.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ, пойдемъ потихоньку пѣшкомъ. Отсюда недалеко, никакихъ подъемовъ, вамъ пройтись только полезно. Вмѣстѣ проведемъ вечеръ.

34.

Наташа была въ мрачномъ настроенiи. Рано утромъ, пока ей еще не было окончательно извѣстно, пришелъ ли въ себя Сергѣй, въ ея душѣ боролись два чувства: съ одной стороны, страхъ — а вдругъ доза яда была слишкомъ велика? Съ другой же стороны — ревность. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ: въ тотъ вечеръ, когда они послѣднiй разъ встрѣтились надъ обрывомъ возлѣ шоссе, Сергѣй съ такой искренностью предложилъ ей заключить съ нимъ дружескiй союзъ на всю жизнь! Такъ трогательно говорилъ, что одинокъ, что отецъ не понимаетъ его духовныхъ запросовъ, что въ жизни ему не везетъ. Кромѣ того, прощаясь съ ней, онъ такъ долго не выпускалъ ея руки изъ своей... А потомъ? Потомъ, вдругъ, на столѣ оказалось ужасное письмо.

Конечно, при нормальныхъ обстоятельствахъ она никогда бы не прочла чужого письма. Но вчера днемъ, когда пришла въ подземелье съ обѣщанной книгой о центральной Африкѣ и увидѣла, что Сергѣй безъ чувствъ, глупо было быть черезчуръ щепетильной. Со стороны же Сергѣя, это, конечно, предательство: заключить союзъ дружбы на всю жизнь и въ то же время, получивъ отказъ отъ какой-то возлюбленной, дѣлать приписку: «Ну, что же... Все кончено. Теперь остается только отравиться...»

Часовъ въ девять утра на виллу пришла прачка — мадамъ Бово и съ изумленiемъ разсказала, что видѣла молодого Вольскаго въ городѣ, хотя ей и говорили, что тотъ умеръ. Мадамъ Бово утверждала, что не ошиблась. Готова даже поклясться. Она отлично знаетъ въ лицо всѣхъ обитателей замка, такъ какъ каждую недѣлю ходитъ туда стирать бѣлье.

Это сообщенiе мадамъ Бово въ первый моментъ

обрадовало Наташу. Теперь безпокоиться нечего: Сергѣй живъ. Но зато остается другое: нужно отнестись къ нему съ полнымъ презрѣніемъ, постараться поскорѣе забыть.

Переговоривъ за завтракомъ съ отцомъ по одному вопросу, имѣвшему большое значеніе для ея будущей жизни, Наташа сказала, что не пойдетъ въ аптеку, такъ какъ чувствуетъ себя не вполнѣ хорошо. И до шести часовъ въ одиночествѣ просидѣла на террасѣ, пока къ ней не явился, наконецъ, докторъ Роже.

— Вы просили меня навѣстить васъ, мадемуазель? — съ приторной улыбкой спросилъ онъ, здороваясь. — Какъ видите, я сейчасъ же, лишь только узналъ объ этомъ, примчался къ вамъ на крыльяхъ счастья.

Наташа молча указала гостю на стулъ. Тотъ сѣлъ, вынулъ носовой платокъ, вытеръ мокрую лысую голову и, аккуратно сложивъ платокъ вчетверо, спряталъ обратно въ карманъ.

— Ухъ... Жарко сегодня. Ну, вотъ. Если вы не прогоните меня раньше, я могу пробыть у васъ цѣлыхъ восемнадцать минутъ, — весело продолжалъ онъ, взглянувъ на часы. — Въ шесть двадцать я долженъ уже быть въ меріи. Значитъ, у васъ есть ко мнѣ какое-то дѣло, насколько я понимаю?

— Да.

Лунина холодно посмотрѣла на доктора. Его маленькіе заплывшіе глазки, двойной подбородокъ, обильно смазанные помадой усы, торчавшіе вверхъ двумя черными иглами, и толстый затылокъ, напоминавшій складки аккордеона, — внушали ей искреннее отвращеніе.

— Къ сожалѣнію, по одному слову «да» я не могу уловить, въ чемъ заключается тема нашего разговора, — не дождавшись дальнѣйшихъ объясненій,

игриво замѣтилъ Роже. — Конечно, если бы вы меня полюбили, дѣло другое. Тогда бы слово «да» обозначало для меня все, что есть лучшаго въ мірѣ. Но увы! Уже второй годъ я тщетно пытаюсь... И въ общемъ.... Ну, ну, не сердитесь. Больше не буду.

— Отчего же. Вы можете. — Наташа продолжала холодно смотрѣть на Роже. — На этотъ разъ, если хотите, мое «да» можетъ для васъ имѣть, дѣйствительно, то значеніе, о которомъ вы говорите.

— Какъ?

Докторъ въ волненіи снова вынулъ платокъ, развернулъ, вытеръ лобъ, опять сложилъ вчетверо и сунулъ въ карманъ.

— Вы шутите? — удивленно пробормоталъ онъ. — Или я не такъ понимаю?

— Нѣтъ, вы вѣрно понимаете. Я согласна выйти за васъ замужъ.

— Вы? Наташа!

Роже вскочилъ. На лбу выступили капельки пота. Въ черныхъ глазкахъ забѣгали радостные огоньки.

— Наташа... И это... Это правда?

— Правда. Только...

— О, моя дорогая! — Докторъ взглянулъ на полъ террасы и опустился на колѣни послѣ того, какъ выяснилось, что полъ достаточно чистъ. — Наконецъ-то! Сколько времени! Сколько мученій! Дайте ручку... Вашу божественную ручку, лучшую въ мірѣ!

— Встаньте, Роже. Встаньте. Это неприлично.

Онъ приподнялся. Протеръ колѣни рукавомъ пиджака, посмотрѣлъ, не осталось ли слѣдовъ, и недовольно проговорилъ:

— Не понимаю, почему неприлично, если согласны быть женой? Впрочемъ, какъ хотите. Значитъ... Вы все-таки любите?

— Нѣтъ, Роже. Не люблю.

— Меня?

— Именно васъ. Но выйти замужъ согласна. Если хотите, свадьба можетъ быть даже черезъ нѣсколько дней. Когда угодно. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Не любите, но согласны? — Онъ вздохнулъ, почесалъ лысину. — Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше... Такъ. Ничего не понимаю. Очевидно, это что-то славянское. Ну, а цѣловать васъ я могу, все-таки?

— Когда позволю.

— Изрѣдка? Ну, что же. Вообще, если вы позволите мнѣ только находиться вблизи, я и то буду это самое... счастливъ. Значитъ — вы позволите сидѣть возлѣ васъ? Да? Вотъ такъ, напримѣръ... А?

Онъ поставилъ стулъ возлѣ Наташи. Придвинулся, жадно взялъ ея руку.

— Оставьте!

— Да, да. Я нечаянно. Ну, а какъ же мы будемъ жить? Ахъ, какъ я объ этомъ мечталъ! А что вы не любите, ничего. Пройдетъ лѣтъ пять, шесть, десять, ваши вкусы измѣнятся, и вы сразу полюбите. Такіе случаи бываютъ. Возьмите, напримѣръ, хотя бы мсье и мадамъ Коклико. Или можно будетъ прибѣгнуть къ гипнотизму... Я васъ вылечу.

— Вылечите? Отъ чего?

Она пренебрежительно посмотрѣла на доктора. По разсѣянному виду легко было замѣтить, что слова собесѣдника не вполнѣ доходятъ до ея сознанія.

— Отъ чего вылечу? Ясно отъ чего: отъ равнодушія ко мнѣ. Я недурно лечу гипнотизмомъ, вы это, вѣдь, знаете. У меня большія способности. Развѣ мадамъ Рубо не разсказывала, какъ я ее поставилъ на ноги послѣ трехъ сеансовъ внушенія? Правда, до сихъ поръ эта скряга не уплатила мнѣ ни сантима, но какой результатъ! Раньше была худа, ни-

чего не хотѣла ѣсть, а теперь съ аппетитомъ пожираетъ все, какъ новобранецъ. Прибавила восемь кило.

— Глупости вы говорите. — Наташа грустно улыбнулась. — Я знаю, какой вы докторъ. Даже живого человѣка отъ мертваго отличить не можете.

— Ну, вообще можетъ быть я и не выдающійся врачъ. Но что касается моей силы внушенія, я ей придаю большое значеніе. Знаете что? — Роже таинственно понизилъ голосъ, придвинулъ стулъ ближе. Глаза пріобрѣли странный блескъ. — Какъ-нибудь ночью, когда моя любимая крошка будетъ спать, я незамѣтно подкрадусь къ ней... Положу руку на чудесный лобикъ... И начну шептать: «Наташа... Моя Наташа... Ты его любишь. Любишь страстно. Своего Франсуа...» И вы увидите — все перемѣнится. Не вѣрите? Напрасно. Не такъ давно я при помощи подобнаго сеанса, хе-хе... измѣнилъ даже судьбу одного человѣка. Честное слово. Это, конечно, не преступленіе. Будьте спокойны. Роже честный человѣкъ. Но если бы Роже захотѣлъ...

— Ну, довольно. Отодвиньтесь. Вы дышите мнѣ въ лицо.

— Я? А да, вѣрно. Простите. — Докторъ отодвинулся. — Я сегодня, знаете, за завтракомъ съѣлъ немного чесноку. Чеснокъ полезная вещь. Конечно, если одинъ его ѣстъ, а другой не ѣстъ, получается какофонія. Нѣчто въ родѣ нераздѣленной любви. Но вы, навѣрно, полюбите и чеснокъ. Между прочимъ, мы сейчасъ же отыщемъ себѣ квартиру. Просторную, свѣтлую. Отдѣлаемъ ее по своему вкусу. Въ спальнѣ будутъ обои съ красными розами — символъ любви. Хорошо? Для столовой я уже знаю, что взять. Въ магазинѣ возлѣ комиссаріата въ витринѣ есть образецъ: желтый фонъ, на желтомъ фонѣ столъ, а за столомъ мужъ, жена и ребеночекъ.

Вы ничего не имѣете противъ ребеночка, а? Хе-хе. Такого маленькаго, толстенькаго. Ручки розовыя и болтаются... Болтаются... Въ воздухѣ...

— Довольно, Роже. Мнѣ объ этомъ неинтересно слушать.

— Какъ неинтересно? — Докторъ снова придвинулся. — Но вѣдь у насъ будетъ ребенокъ? Развѣ вы не хотите?

Наташа молчала. Роже опустилъ голову и потянулъ внизъ жилетъ, который за это время успѣлъ подняться высоко наверхъ и стоялъ пузыремъ.

— Конечно, это потребуетъ лишнихъ расходовъ, — задумчиво проговорилъ, наконецъ, онъ. — На содержаніе ребенка нужно считать не меньше двадцати процентовъ бюджета. Но, вѣдь, профессоръ, какъ мнѣ извѣстно, даетъ въ приданое двадцать тысячъ. У него отложена эта сумма для васъ на случай замужества.

— Да. Двадцать тысячъ есть. — Наташа презрительно посмотрѣла на доктора. — Только относительно этихъ денегъ у меня планы другіе. Я на нихъ отправлюсь въ путешествіе. Сейчасъ же, въ первый день послѣ свадьбы.

— Со мной?

— Нѣтъ, одна.

— Какъ одна? А я?

— Вы останетесь здѣсь. Впрочемъ, знаете что. Вы мнѣ уже надоѣли. Идите по своимъ дѣламъ, уже восемнадцать минутъ прошло. До-свиданья.

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Нѣтъ, еще двѣ минуты осталось. Хотя, дѣйствительно, пока дойду... Ну, а вечеромъ? Послѣ обѣда? Могу снова придти, чтобы переговорить о подробностяхъ?

— Вечеромъ? Приходите. Маргарита, кто тамъ звонилъ?

Вышедшая къ воротамъ прислуга поднялась на террасу.

— Васъ спрашиваетъ молодой человѣкъ изъ замка. Этотъ самый... Который былъ у васъ одинъ разъ.

Лунина смутилась.

— Хорошо. Пригласите сюда. Между прочимъ, это вашъ покойникъ, Роже, — иронически обратилась она къ доктору, на лицѣ котораго выразилось изумленіе. — Тотъ самый, котораго вы признали мертвымъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Но развѣ онъ... опять живъ?

Роже со страхомъ взглянулъ на аллею, по которой шелъ Сергѣй.

— Странно... Не понимаю.... — забормоталъ онъ. — Это, дѣйствительно, тотъ... Но какъ же такъ? Его уже сегодня надо было похоронить!

Сергѣй поднялся на террасу, смущенно поздоровался съ Наташей. Она любезно протянула руку, но любезность была подчеркнуто — официальной.

— Слава Богу, что все такъ удачно окончилось, — стараясь придать голосу тонъ покровительственнаго участія, проговорила она по-французски. — Пока отецъ мой не разъяснилъ, что дѣйствіе яда не смертельно, мы всѣ васъ очень жалѣли. А вы незнакомы? Роже, позвольте вамъ представить Вольскаго младшаго. Между прочимъ, Сергѣй, я давно хотѣла васъ познакомить другъ съ другомъ. Мсье Роже — мой женихъ.

Сергѣй съ недоумѣніемъ взглянулъ на нее.

— Очень пріятно, — произнесъ онъ, кланяясь доктору, на лицѣ котораго заиграла самодовольная улыбка при словѣ «женихъ». — Я только на одну минуту къ вамъ, Наташа. Не буду мѣшать.

— Отчего же? Вы не помѣшаете. Мсье Роже

все равно сейчасъ уходитъ по дѣлу. Вы уже уходите, Франсуа? — обратилась она къ доктору. — Смотрите только, приходите вечеромъ. Я буду ждать.

Роже покраснѣлъ отъ радости. Она назвала его «Франсуа!» По имени! Еще двѣ, три такихъ встрѣчи, и она безусловно полюбитъ! Франсуа! Какъ это чудесно звучитъ! Нѣтъ, она не уѣдетъ въ путешествіе. Безусловно у нихъ будетъ ребенокъ.

— О, моя дорогая! — Докторъ взялъ Лунину за руку. — Конечно. Непремѣнно. У насъ столько вопросовъ. Но скажите, мсье... — съ нѣкоторымъ недовольствомъ обратился онъ къ Сергѣю. — Почему вы все-таки живы?

— Не знаю.

— Удивительно. Вѣдь, я же васъ внимательно осмотрѣлъ. Все говорило за то, что вы трупъ. И вдругъ... Однако, отравленіе было?

— Очевидно, было.

— Я, понятно, не Богъ. Все бываетъ на свѣтѣ... Но, конечно, если бы мнѣ позволили сдѣлать вскрытіе, у меня въ рукахъ было бы гораздо больше данныхъ для заключенія. Что-жъ, поздравляю, мсье, Очень радъ. Ну, я иду. До вечера, Наташа! До свиданья, мсье.

35.

Сергѣй посмотрѣлъ вслѣдъ удалявшемуся Роже и, когда тотъ скрылся за поворотомъ аллеи, иронически взглянулъ на Наташу.

— Это тотъ самый докторъ, о которомъ вы мнѣ говорили?

— Онъ самый.

— Кажется, вы его тогда называли, простите за рѣзкое слово... идіотомъ?

— Да. Но съ тѣхъ поръ я перемѣнила мнѣніе. Въ общемъ, онъ прекрасный человѣкъ. Преданный. Вѣрный.

Наташа говорила это серьезно, съ подчеркнутой твердостью въ голосѣ. Сергѣй слушалъ и ничего не понималъ. Откуда такая перемѣна? Что случилось за это время?

— Что жъ. Очень радъ, что вы наконецъ нашли такого... друга. — Сергѣй рѣшилъ тоже перейти на офиціальный тонъ. — Мнѣ немного совѣстно, что я нарушилъ вашъ тетъ-а-тетъ. Но зайти къ вамъ съ визитомъ посовѣтовалъ мой отецъ. Онъ считаетъ, что мсье Лунинъ спасъ меня. Между прочимъ, вы вчера днемъ заходили ко мнѣ, когда я уже лишился чувствъ?

— Можетъ быть.

— Странно. — Сергѣй горько усмѣхнулся. — Не понимаю, почему вы такъ отвѣчаете. Вѣдь, что бы то ни было, но мы все-таки друзья.

— Конечно. Но бѣда въ томъ, что я не умѣю кривить душой. Если у меня почему-нибудь измѣнилось настроеніе, я не могу дѣлать вида, что во мнѣ не произошло перемѣны. Впрочемъ, если хотите, скажу: да, была вчера. Я принесла вамъ книгу, какъ обѣщала, увидѣла, что вы безъ чувствъ, хотѣла помочь, но ничего нельзя было сдѣлать. Вы меня такъ напугали... А когда вы очнулись? Ночью?

— Да. Ну, я, пожалуй, пойду. Послѣ всей этой исторіи у меня до сихъ поръ слабость. И головокруженіе.

Наташа замѣтно встревожилась.

— Можетъ быть, вамъ слѣдовало бы что-нибудь принять? Хотите чернаго кофе? Я прикажу приготовить.

— Нѣтъ, спасибо. Отецъ ждетъ меня въ аптекѣ. А, кромѣ того, я хочу поскорѣе повидать Виктора.

Воображаю, какъ обрадуется, увидѣвъ меня! Досвиданья.

— Что-жъ дѣлать... — Она встала со стула. — Между прочимъ, скажите: пять тысячъ франковъ вы нашли въ своемъ пиджакѣ? Не знаю почему, но я такъ растерялась, когда увидѣла васъ безъ чувствъ, что начала приводить комнату въ порядокъ. Заперла выходную дверь. Переложила лежавшія на столѣ деньги въ карманъ висѣвшаго на стулѣ пиджака. Хотѣла идти въ замокъ, чтобы позвать на помощь... Но услышала около входа голосъ Виктора, еще чьи-то голоса... Стукъ въ дверь... Рѣшила, что Викторъ самъ приметъ мѣры... И скрылась въ люкъ.

Они спустились съ террасы, медленно пошли по аллеѣ къ воротамъ.

— Жаль, что вы торопитесь и не можете мнѣ разсказать, что произошло ночью и сегодня утромъ, — заговорила она. — Вотъ, между прочимъ, мой отецъ интересовался: много ли яда вы приняли, чтобы покончить съ собой?

— Я?

Сергѣй быстро повернулся къ Наташѣ. Пытливо посмотрѣлъ ей въ лицо.

— Я? — повторилъ онъ, останавливаясь. — Господь съ вами. Я не думалъ ничего принимать.

— Какъ?

Она широко раскрыла глаза.

— Не думали? Но вы же... Вы хотѣли отравиться?

— Совсѣмъ не хотѣлъ. Наоборотъ: меня кто-то отравилъ. Конечно, я знаю, что всѣ считаютъ меня самоубійцей. Рато говорилъ, будто поводомъ послужило письмо. Но, вѣдь, я сдѣлалъ на письмѣ просто ироническую приписку. Въ насмѣшку, чтобы подчеркнуть безразличное отношеніе. Наташа... Что съ вами?

— Погодите...

— Дайте руку.

— Пойдемъ... Сядемъ... Въ бесѣдку...

— Но неужели вы тоже... Могли подумать?

— Сережа... Почему-же... Вы сразу... Не сказали... Впрочемъ, нѣтъ. Что я говорю! Какая глупая! Садитесь. Только не подумайте ничего. Слышите? Вы не смѣете воображать! Со мной бываетъ... Иногда. Вдругъ руки или ноги... Дрожатъ. Значитъ, я ошиблась?.. Значитъ...

— Наташа.... Любимая...

— Я такъ волновалась. Такъ страдала! Вчера весь день не находила себѣ мѣста. Не знала, что дѣлать... Какъ я счастлива!

— Наташа... Теперь я все понимаю...

Вечеръ спускался на долину беззвучный, торжественный. Внизу надъ полями уже распростерлась сѣрая мгла. Складки горъ охватили синія тѣни. Зелень лѣсовъ потемнѣла, готовясь послѣ знойнаго дня къ ночному покою. И только скалистыя вершины еще ярко горѣли, провожая солнце розовымъ сіяніемъ отвѣтныхъ лучей.

Въ саду было тихо. Вдоль узкихъ дорожекъ подъ сводчатымъ сплетеніемъ вьющихся розъ сгущался сумракъ. Благоухали на клумбахъ цвѣты. Красный отсвѣтъ скалъ игралъ на пескѣ, покрывавшемъ площадку.

Большая золотистая кошка съ бѣлыми пятнами, пушистая, выхоленная, лѣниво спустилась съ террасы, подошла къ бесѣдкѣ, остановилась, съ любопытствомъ заглянула внутрь. И, на мгновеніе застывъ въ удивленіи, махнула хвостомъ, недовольно мяукнула... И задумчиво направилась назадъ къ дому.

36.

Дойдя пѣшкомъ вмѣстѣ съ Вольскимъ до своей виллы, Лунинъ открылъ калитку, пропустилъ гостя впередъ, направился вмѣстѣ съ нимъ внутрь дома.

— А гдѣ моя дочь? — спросилъ онъ прислугу.

— Мадемуазель въ саду.

— Одна?

— Нѣтъ. Тамъ еще одинъ молодой человѣкъ.

— Это Сергѣй, — лукаво произнесъ Павелъ Андреевичъ. — Пусть молодые люди бесѣдуютъ. Не будемъ мѣшать.

Профессоръ распорядился накрыть столъ на четыре прибора, далъ прислугѣ кое-какія указанія относительно обѣда и повелъ Вольскаго въ кабинетъ. Здѣсь, сидя въ мягкихъ креслахъ, оба старика дружески стали бесѣдовать на разныя темы. Сначала говорили о Сергѣѣ, о послѣднихъ событіяхъ въ замкѣ. Затѣмъ вспомнили прошлое: совмѣстныя поѣздки на Ривьеру, когда ихъ жены были еще живы; прежнюю уютную жизнь въ Парижѣ, до войны, безъ автомобилей, безъ радіо, когда люди были лучше, веселѣе, деликатнѣе; перешли, наконецъ, на тему о кризисѣ, объ угрожающемъ положеніи міровой промышленности; и Лунинъ разсказалъ подробно о всѣхъ неудачахъ, которыя его преслѣдовали въ послѣднее время.

— Да, дорогой мой, во всѣхъ областяхъ сейчасъ такъ, — сочувственно сказалъ Павелъ Андреевичъ. — Въ нашемъ дѣлѣ тоже положеніе тяжелое. Ну, хорошо: а не хотѣли-ли бы вы возобновить прежній разговоръ о совмѣстной работѣ? Помните, когда я въ первый разъ былъ у васъ, я предлагалъ одну комбинацію. Только теперь думаю поставить вопросъ шире: полностью возобновить ваше прежнее дѣло, если вы на это согласны. Я вложу необхо-

димый капиталъ, вы — свой опытъ, и начнемъ работать на половинныхъ началахъ.

Лунинъ грустно улыбнулся.

— Возстановить дѣло? — нерѣшительно произнесъ онъ. — Какъ вамъ сказать. Я очень благодаренъ, конечно. Но, очевидно, все это вы говорите только подъ вліяніемъ добраго чувства. Я совсѣмъ не хочу, чтобы случайность, спасшая Сергѣя, могла повліять на ваши дѣловыя соображенія.

— Дмитрій Антоновичъ... — Вольскій дружески положилъ руку на колѣно старика. — Повѣрьте, что эту мысль я сообщаю вамъ вполнѣ обдуманно и безъ всякаго намѣренія отблагодарить васъ. Я знаю вашъ талантъ, вашу извѣстность въ ученомъ мірѣ. А, кромѣ того... Кромѣ того, у меня есть еще одна идея...

Павелъ Андреевичъ оглянулся, откашлялся и съ таинственной улыбкой добавилъ:

— Дѣло въ томъ, что сынъ мой и ваша дочь, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ, такъ сказать, равнодушны другъ къ другу. А вы понимаете, какъ это обстоятельство можетъ упростить наши отношенія? Вѣдь и я старъ и вы. Жить намъ недолго. А свои дѣла мы передадимъ дѣтямъ. Кстати, замокъ опять вернется къ вашей семьѣ.

Лунинъ съ растроганнымъ видомъ выслушалъ Вольскаго. Но на лицѣ его выразилось смущеніе.

— Вы что-нибудь имѣете противъ этого плана?

Павелъ Андреевичъ, удивленно посмотрѣлъ на профессора.

— Для меня, дорогой мой, это было бы большой радостью. Вашъ Сергѣй мнѣ очень нравится. Во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный порядочный юноша.

— Ну, вотъ. А, кромѣ того, онъ безусловно остепенится. Женитьба заставитъ его выкинуть изъ головы всякія дѣтскія бредни.

— Да, конечно. Но дѣло въ томъ, что... — Лунинъ замялся. — Дѣло въ томъ, что тутъ, навѣрно, какая-нибудь путаница. Сегодня Наташа говорила мнѣ о своихъ планахъ. И заявила, что... выйдетъ замужъ за доктора Роже.

— Какъ? — Вольскій приподнялся въ креслѣ. — За доктора?

— За доктора.

— А Сергѣй какъ же?

— Не знаю. Но вы видите.... Обстоятельства складываются, къ сожалѣнію, иначе.

— Что жъ это такое? — Павелъ Андреевичъ вспылилъ. — Значитъ, Рато выдумалъ? И я тоже не такъ понялъ настроеніе Сергѣя? Погодите. Гдѣ этотъ мальчишка? Господи, сколько мнѣ хлопотъ съ этимъ бездѣльникомъ! Ну, все равно. Черезъ годъ, черезъ два я все-таки его женю. Даю слово! Не могу больше терпѣть. А что касается дѣла, то во всякомъ случаѣ мое предложеніе остается въ силѣ. Можетъ быть, вы дадите мнѣ стаканъ воды?

Лунинъ всталъ, торопливо направился въ столовую. Однако, не успѣлъ онъ взяться за графинъ, чтобы налить воды, какъ въ комнату вошли молодые люди. Прическа у Наташи была, противъ обыкновенія, въ сильномъ безпорядкѣ. Лицо странное: излишній румянецъ, особый блескъ въ глазахъ. Что же касается Сергѣя, то тотъ сконфуженно шелъ сзади, осторожно переступая съ ноги на ногу, будто карманный воръ, пойманный съ поличнымъ во время своей неблаговидной работы.

— Наташа... — Профессоръ пытливо посмотрѣлъ на дочь. — Павелъ Андреевичъ у насъ. Въ кабинетѣ.

— Да? Я пойду поздороваться.

— Сережа, идите и вы туда. Я сію минуту вернусь.

Молодые люди вошли въ кабинетъ. Увидя сына, Вольскій протяжно вздохнулъ, устало протянулъ руку его спутницѣ.

— Здравствуйте, дитя мое. Очень радъ васъ видѣть. Сережа, знаешь, я кажется на-дняхъ поѣду домой въ Лондонъ.

— Ну, что ты, папа? Къ чему? Здѣсь такъ чудесно.

Сергѣй бросилъ тревожный взглядъ на Наташу.

— Теперь въ Савойѣ очень хорошо, Павелъ Андреевичъ, — краснѣя подтвердила она. — Конецъ августа и сентябрь лучшее время для отдыха.

— Нѣтъ, ужъ, извините. Хватитъ съ меня этого отдыха. Конечно, я радъ былъ бы побывать на вашей свадьбѣ, но что дѣлать. Очень ужъ утомился отъ лѣтнихъ удовольствій.

— Папа... — Сергѣй взволнованно посмотрѣлъ на отца. — А вы... откуда знаете? Вѣдь я...

— Что ты? — Вольскій съ досадой взглянулъ на сына. — Что ты? Причемъ тутъ ты, скажи пожалуйста?

Вошелъ Лунинъ со стаканомъ, подалъ его Павлу Андреевичу.

— Благодарю васъ. — Старикъ сдѣлалъ глотокъ, поставилъ стаканъ на столъ. — Вотъ, погоди. Наташа выйдетъ замужъ за доктора, а я тебя, какъ только окончишь университетъ, тоже женю на комъ нибудь. Увидишь.

— Я? За доктора? — Наташа разсмѣялась. — Простите... А кто вамъ говорилъ, что я выхожу за доктора?

— Какъ кто говорилъ? — вмѣшался Лунинъ. — Я говорилъ. Съ твоихъ словъ.

— Ну, нѣтъ, извините. Я совсѣмъ не желаю губить своей жизни. Конечно, можетъ быть, я и выйду замужъ. Но не за Роже, будьте покойны.

Вольскій безпомощно взглянулъ на профессора и уронилъ голову на грудь. — Что же это такое въ самомъ дѣлѣ? — съ отчаяніемъ подумалъ онъ. — Очевидно, они рѣшили меня окончательно доканать!

— Въ такомъ случаѣ, я ничего не понимаю, — сурово замѣтилъ профессоръ. — Ты, моя милая, мѣняешь свои рѣшенія два раза въ день. Утромъ говоришь одно, вечеромъ другое.

— Докторъ сегодня придетъ къ намъ, и я ему скажу всю правду. А что касается моего дѣйствительнаго рѣшенія, то...

Наташа посмотрѣла на отца, на Вольскаго. Повернулась къ Сергѣю, спрашивая его многозначительнымъ взглядомъ: говорить ли? И когда тотъ осторожно кивнулъ головой, торжественно произнесла:

— Если вы, Павелъ Андреевичъ, и ты, папа, ничего не имѣете противъ, я выйду замужъ за Сергѣя.

Когда на виллѣ Лунина уже собирались сѣсть за столъ, и растроганный хозяинъ по случаю полнаго примиренія съ семьею Вольскихъ отправилъ прислугу за шампанскимъ, а Наташа въ качествѣ хозяйки весело хлопотала на кухнѣ, на шоссе, ведущемъ изъ замка, можно было наблюдать странное зрѣлище.

Какой-то долговязый молодой человѣкъ, безъ шапки, въ сѣтчатой рубашкѣ безъ рукавовъ, съ разстегнутымъ поясомъ, который равномѣрно позвякивалъ металлической пряжкой, бѣжалъ по направленію къ городу, прижавъ къ груди руки и выбрасывая назадъ длинныя ноги. Волосы скорохода буйно растрепались. Нѣсколько прядей безпомощно свалилось на лобъ; нѣсколько вихровъ, наоборотъ, вздыбилось у темени, покачиваясь во время бѣга отъ встрѣчнаго вѣтра. Лицо молодого человѣка было

красно и влажно. Широко раскрытые глаза выражали радостное изумленіе, нижняя челюсть отъ нервнаго напряженія отвисла, мясистыя толстыя губы широко раскрылись, обнаруживъ два барьера крупныхъ желтыхъ зубовъ.

Проѣзжіе автомобилисты, мчавшіеся отъ Шамони по направленію къ Женевскому озеру, настойчиво гудѣли, завидѣвъ издали человѣка, бѣжавшаго посреди дороги и не обращавшаго никакого вниманія на все окружающее. Встрѣчные пѣшеходы съ удивленіемъ останавливались, глядѣли вслѣдъ незнакомцу и, принявъ его за чемпіона бѣга на дальность разстоянія, переводили любопытный взглядъ назадъ: не покажется ли изъ-за поворота фигура второго кандидата на призъ, а за нею цѣлая группа отставшихъ.

Но молодой человѣкъ, какъ легко показывало дальнѣйшее наблюденіе, бѣжалъ одинъ, безъ конкурентовъ, и очевидно безъ всякаго намѣренія получить премію. Поравнявшись съ небольшимъ рестораномъ, одиноко стоявшимъ возлѣ дороги, онъ слегка замедлилъ бѣгъ, соблазнившись мыслью утолить жажду; но затѣмъ, пренебрежительно махнувъ рукой, побѣжалъ дальше, приведя въ смущеніе стоявшаго у дверей жандарма.

— Ты какъ думаешь, Шарль? — спросилъ жандармъ хозяина ресторана, вынимая изъ кармана свистокъ. — Не лучше ли свистнуть, чтобы онъ остановился?

— Пусть бѣжитъ, — лѣниво отвѣтилъ хозяинъ. — А, вдругъ, у него умираетъ бабушка?

Между тѣмъ, молодой человѣкъ, добѣжавъ до города, рысью пронесся по главной улицѣ, домчался до аптеки, дикимъ взглядомъ окинулъ помѣщеніе, перепугалъ продавца и кліентовъ, выскочилъ назадъ, помчался дальше, завернулъ направо, мино-

валъ рядъ поперечныхъ переулковъ и, тяжело дыша, вытирая струившійся со лба потъ широкой ладонью, остановился, наконецъ, возлѣ виллы профессора Лунина.

— Джекъ, это вы? — увидѣвъ знакомаго шоффера, радостно воскликнулъ онъ. — Значитъ, Вольскій здѣсь?

— Здѣсь, мистеръ Шоринъ.

— И сынъ его тоже?

— Да.

— Ура!

Викторъ позвонилъ, но, не ожидая, пока кто-нибудь выйдетъ, налегъ на калитку и, сдѣлавъ нѣсколько прыжковъ, очутился у главнаго входа.

— Сергѣй! — крикнулъ онъ, пріоткрывая дверь. — Сережа! Ты здѣсь?

Наверху послышались тревожные голоса.

— Сережа! Ау! Это я! Пойди сюда!

Наверху раздались торопливые шаги. На лѣстницѣ показалась Наташа. За нею Сергѣй.

— Витя! Дорогой мой!

Сергѣй сбѣжалъ по ступенькамъ, бросился въ объятія друга. Шоринъ охватилъ его за плечи огромными руками, притянулъ къ себѣ, сталъ трясти.

— Ради Бога... Не такъ сильно.

— Все равно! Теперь ты живъ! Ну, что? Видишь? Хорошо, что я такой ядъ купилъ? Я, братъ, знаю, что покупать! Эхъ, несчастный мертвецъ! А какъ я извелся! Чуть не покончилъ съ собой. Что, Наталья Дмитріевна? Я не правъ? Я говорилъ, что это ерунда, что никакой смерти быть не можетъ! Подумай, Сережа: тебя всѣ приняли за крысу! Каково?

37.

Было уже около девяти часовъ вечера, когда Вольскій вмѣстѣ съ сыномъ и его другомъ отправился на автомобилѣ домой. По настоянію Наташи, Шоринъ тоже обѣдалъ на виллѣ и держалъ себя за столомъ довольно непринужденно, давая понять присутствующимъ, что истинный спаситель Сергѣя не кто иной, какъ онъ, такъ какъ не будь его, Шорина, профессоръ могъ бы продать настоящій, сильно дѣйствующій ядъ, и все было бы кончено. Однако, сидя въ автомобилѣ, молодой человѣкъ присмирѣлъ. Старикъ молчалъ, тревожно обдумывая, что его ожидаетъ въ замкѣ; Сергѣй мечтательно смотрѣлъ въ открытое окно машины; а Викторъ сидѣлъ на выдвижномъ креслѣ, подобравъ подъ себя длинныя ноги, и время отъ времени бросалъ нерѣшительные взгляды на Павла Андреевича: въ какой формѣ попросить у него извиненія за причиненную непріятность?

— Скажите, Викторъ, — заговорилъ, наконецъ, Вольскій. — Рато уже разсказалъ въ замкѣ, что Сергѣй... здоровъ?

— Не знаю, Павелъ Андреевичъ. — Викторъ почтительно склонилъ голову и глубже подобралъ подъ себя ноги. — Рато случайно встрѣтилъ меня у воротъ, когда поднимался въ замокъ, и сообщилъ эту счастливую новость. А что было дальше, не знаю. Я сейчасъ же побѣжалъ въ городъ.

— А Ольга Петровна была очень огорчена эти дни?

— О, да, разумѣется.

— А Николай Ивановичъ?

— О, Николай Ивановичъ былъ совсѣмъ убитъ. Воображаю, какъ онъ обрадуется. А тутъ еще смерть

Робера, арестъ Тома. Впрочемъ, передъ моимъ уходомъ изъ замка, Томъ вернулся домой.

— Да, вы за столомъ уже говорили, что Тома задержали по недоразумѣнію. А кто же оказался убійцей того несчастнаго, трупъ котораго сгорѣлъ?

— Это какая-то любовная исторія... месть. Подробностей Томъ не знаетъ. На почвѣ ревности, очевидно.

Шоринъ смолкъ. Вольскій снова погрузился въ размышленія.

— А я хотѣлъ кое-что сказать вамъ относительно себя, — набравшись наконецъ храбрости, снова заговорилъ Викторъ. — Я бы началъ объ этомъ раньше, но не хотѣлъ говорить при постороннихъ. Вы мною, навѣрно, очень недовольны, Павелъ Андреевичъ.

— Да, нельзя сказать, чтобы я былъ въ восторгѣ отъ вашего поведенія, — горько усмѣхнувшись, согласился Вольскій.

— Конечно. Признаю. И поэтому думаю, что мнѣ лучше всего завтра же уѣхать въ Лондонъ. Только передъ отъѣздомъ, все-таки, я хочу попросить у васъ прощенія. Не сердитесь на меня, Павелъ Андреевичъ.

— Вообще я удивляюсь, какъ вамъ, взрослымъ людямъ, могла придти въ голову такая отвратительная выдумка.

— Это вѣрно. Я теперь тоже самъ удивляюсь. И Сергѣй... Сережа, вѣдь, ты удивляешься? Но въ данномъ случаѣ, все-таки, не такъ виноваты мы, какъ подземелье вашего замка. Это оно навело насъ на такія мысли. Если бы вы проникли туда, вы бы тоже, можетъ быть... То-есть я хочу сказать, что оно, это подземелье, черезчуръ романтично.

— Хорошая романтика! — Старикъ вздохнулъ. — Вотъ я завтра прикажу нанять рабочихъ и замуро-

вать вашъ подвалъ, тогда вы увидите, какъ я одобряю романтику. А уѣзжать въ Лондонъ не къ чему. Развѣ васъ кто-нибудь ждетъ въ Лондонѣ?

— О, нѣтъ, никто не ждетъ. Дядя, наоборотъ, очень радъ, что меня нѣтъ до сихъ поръ. Но можетъ быть, вамъ непріятно видѣть мою физіономію.

— Бросьте. Причемъ физіономія. Ну, кажется, подъѣзжаемъ. Интересно, что скажетъ намъ сыщикъ.

— Какъ? Сыщикъ? А кто — сыщикъ?

Шоринъ изумленно посмотрѣлъ на Вольскаго, перевелъ взглядъ на Сергѣя. Тотъ тоже насторожился.

— Кажется, я раньше времени раскрылъ этотъ секретъ, — недовольно пробормоталъ Павелъ Андреевичъ. — Но все равно. Смотрите только: пусть это пока останется между нами.

— Разумѣется! — восторженно воскликнулъ Викторъ.

— Конечно, — солидно подтвердилъ Сергѣй.

— Этотъ самый Рато, котораго мы называемъ другомъ Николая Ивановича, вовсе не другъ его, а детективъ. Я выписалъ его изъ Парижа, когда ты, Сергѣй, исчезъ. Мы вначалѣ думали, что съ тобой, дѣйствительно, случилось какое-нибудь несчастье въ горахъ.

— Вотъ оно что! — Викторъ радостно потеръ руки.—Какъ интересно! Настоящій сыщикъ! А? Сережа, ты понимаешь? Правда, я давно догадывался объ этомъ. Рато велъ себя настолько странно, что его пріемы не могли ускользнуть отъ моего вниманія. Но, все-таки... А почему вы, Павелъ Андреевичъ, считали необходимымъ скрывать, что онъ детективъ?

— По тѣмъ же самымъ причинамъ, дорогой мой, по какимъ зеленые дьяволы скрывали свое инкогнито.

— А, да. Конечно...

Обитатели замка, какъ оказалось, были уже извѣщены Рато, что Сергѣй живъ. Ольга Петровна радостно поцѣловала племянника, Жоржъ обнялъ кузена, растроганный Суриковъ прослезился, сталъ поочередно крѣпко жать руку то Сергѣю, то его отцу, горничная Бетси отъ умиленія разрыдалась. И даже Томъ, стоявшій въ сторонѣ отъ автомобиля, хмуро улыбался, глядя на трогательную картину встрѣчи.

— А гдѣ Рато? — спросилъ Вольскій, замѣтивъ, что среди собравшихся на площадкѣ, нѣтъ сыщика. — Онъ въ замкѣ?

Николай Ивановичъ безнадежно махнулъ рукой.

— Спитъ.

— Какъ спитъ?

— Пріѣхалъ, сказалъ только, что съ Сергѣемъ все обстоитъ благополучно, и сейчасъ же отправился отдыхать. Даже къ обѣду не вышелъ.

— Недурно. Въ такомъ случаѣ, постучите къ нему и скажите, что я жду его у себя въ кабинетѣ. Приходите вы тоже.

— Слушаю.

Отведя Сергѣя въ сторону и, предупредивъ его, чтобы онъ пока ничего не ѣлъ и не пилъ. Вольскій отправился въ свои комнаты. Не прошло и пяти минутъ, какъ въ дверь раздался стукъ, и на порогѣ кабинета появились сыщикъ и Суриковъ.

— Войдите, господа. Ну что, мсье Рато? Какъ дѣла?

— Все готово, Павелъ Андреевичъ.

— А что именно? Садитесь.

— Черезъ полъ-часа будете все знать. Только вотъ что. Такъ какъ я хочу устроить своего рода сеансъ и пригласить на него кое-кого изъ обитателей

замка, разрѣшите все это продѣлать въ столовой. Столовая для такой цѣли достаточно просторна.

— Пожалуйста. Какъ я вижу, вы до нѣкоторой степени тоже любитель романтики?

— Какъ? Простите? Не слышу.

— Я говорю: вы до нѣкоторой степени тоже любитель романтики?

— О, нѣтъ. Нисколько. Однако, прежде чѣмъ приступить къ сеансу, разрѣшите предварительно допросить при васъ Тома. Это — для большей убѣдительности моихъ будущихъ заявленій. Дѣло, видите-ли, въ томъ, что у меня есть одна странная способность: слышать чужіе разговоры на значительномъ разстояніи. Это, правда не всегда удается. Иногда кое-что мѣшаетъ. Но при нѣкоторыхъ благопріятныхъ условіяхъ я могу чужую бесѣду воспроизвести почти буквально. Николай Ивановичъ, — обратился сыщикъ къ Сурикову. — Попросите сюда вашу прислугу.

Суриковъ вызвалъ Тома и Бетси. Бетси стояла у дверей встревоженная, готовая заплакать при подходящемъ случаѣ. Томъ исподлобья мрачно смотрѣлъ на присутствующихъ.

— Послушайте, Томъ, — обратился по-англійски Рато къ повару.

— Мистеръ Бредли, — грубо поправилъ тотъ.

— Послушайте, Бредли, — повторилъ Рато, не мѣняясь въ лицѣ. — Я представитель парижскаго уголовнаго розыска и считаю необходимымъ подвергнуть васъ допросу. Скажите немедленно: о чемъ вы бесѣдовали съ Бетси вчера на площадкѣ возлѣ сарая?

— Я? Не помню.

Томъ отвелъ взглядъ въ сторону.

— А вы, Бетси? Помните?

— Онъ многое говорилъ, сэръ.

Бетси покраснѣла.

— Значитъ, вы, Бредли, не хотите отвѣтить? Въ такомъ случаѣ, я вамъ сейчасъ напомню вашу бесѣду.

Сыщикъ досталъ изъ кармана записную книжку и, глядя въ нее, продолжалъ:

— Бетси спросила васъ, Бредли: «Томъ, что находится у васъ въ мѣшкѣ, который лежитъ возлѣ сарая?». Вы отвѣтили: «не ваше дѣло». Тогда Бетси произнесла слѣдующее: «Томъ, я знаю, что вы крадете хозяйскіе съѣстные припасы и носите ихъ своей возлюбленной на ферму». Скажите, Бетси, — обратился сыщикъ къ горничной. — Вы не произносили этихъ словъ?

Бетси растерянно посмотрѣла на Рато и нѣкоторое время молчала, беззвучно шевеля губами.

— Да, — съ усиліемъ проговорила, наконецъ, она. — Я сказала это.

— Вотъ видите. — Сыщикъ поднесъ къ глазамъ записную книжку и продолжалъ:

— Бредли въ отвѣтъ на ваши слова, Бетси, произнесъ: «ношу я или не ношу, не ваше дѣло. Но если вы донесете на меня, помните, что я съ вами расправлюсь». Между прочимъ, точно такую же угрозу Томъ Бредли произнесъ еще разъ на кухнѣ, на слѣдующій день, когда мѣшокъ уже исчезъ. Ну, достопочтенный... Говорите, что было въ мѣшкѣ, который вы несли ночью изъ замка и изъ-за котораго васъ по недоразумѣнію арестовали? Краденый сахаръ, кофе, консервы, бутылки вина и кое-что другое въ подобномъ же родѣ? Вѣрно?

— Да! — поднявъ голову, злобно отвѣтилъ вдругъ Томъ. — Да! Сахаръ, кофе, бутылки! А что-жъ такого? Вы, буржуи, можете наслаждаться жизнью, а я — не могу?

— Томъ! — поднявшись съ кресла, сурово произнесъ Вольскій. — Ступайте отсюда!

— И уйду! Довольно съ меня! Это не вашъ сахаръ, а сахаръ трудящихся, которые его производили! И вино тоже не ваше, а наше! И консервы не вы дѣлали, а мы, пролетаріи!

— Николай Ивановичъ, — обратился старикъ къ секретарю. — Попросите его выйти вонъ.

— Хорошо, Павелъ Андреевичъ. Сію минуту. Томъ, ступайте, голубчикъ....

Суриковъ покраснѣлъ, нерѣшительно приблизился къ Тому. Вмѣстѣ съ нимъ къ повару подошелъ и Рато. Испугавшись, какъ бы не произошло драки, Бетси испуганно вскрикнула и выбѣжала. Но Томъ сдержался. Злобно бормоча что-то про себя, онъ круто повернулся и, выйдя въ коридоръ, съ силой захлопнулъ за собой дверь.

— Ну, вотъ, — подойдя къ Вольскому, удовлетворенно проговорилъ сыщикъ. — Вы убѣдились на этомъ примѣрѣ, мсье, что мои записи совпадаютъ съ дѣйствительностью?

— Убѣдился. — Павелъ Андреевичъ со страдающимъ видомъ посмотрѣлъ на дверь, въ которую вышелъ поваръ. — Значитъ, что же... Этотъ Томъ и является убійцей? То-есть отравителемъ?

— Нѣтъ, не онъ.

— Какъ не онъ? Неужели разоблаченія еще не кончились?

— Нѣтъ. Самое главное разоблаченіе впереди. И такъ какъ оно болѣе отвѣтственно, то я позволю себѣ изложить его уже не на словахъ, а при помощи небольшого говорящаго фильма. Будьте добры спуститься въ столовую. Я сейчасъ подготовлюсь къ сеансу.

38.

Между тѣмъ, внизу, въ столовой, Ольга Петровна, Жоржъ и Викторъ разспрашивали Сергѣя обо всемъ, что тотъ пережилъ за эти дни. Сергѣй смущенно отвѣчалъ на вопросы, боясь проговориться о встрѣчахъ съ Наташей въ подземельѣ, и въ свою очередь интересовался тѣмъ, что происходило въ замкѣ въ его отсутствіе, высказывая сожалѣнію по поводу того, что своей шуткой съ исчезновеніемъ принесъ столько непріятностей отцу. Конечно, о письмахъ бандитовъ и о пяти тысячахъ, согласно уговору съ Викторомъ, онъ не упоминалъ въ присутствіи Жоржа и Ольги Петровны.

Бесѣда прервалась съ появленіемъ Вольскаго, вошедшаго въ столовую въ сопровожденіи Рато и Сурикова. Николай Ивановичъ несъ какой-то длинный узкій свертокъ, Рато держалъ въ рукахъ ящичекъ съ прикрѣпленнымъ сверху о-парлеромъ, небольшой чемоданчикъ и нѣчто похожее не то на фонарь, не то на фотографическій аппаратъ.

— Молодые люди, — хмуро сказалъ Павелъ Андреевичъ, — простите, но для одного дѣла намъ сейчасъ понадобится столовая. Перейдите на полъчаса куда-нибудь. Въ гостиную или въ холлъ.

— Пожалуйста, — весело проговорилъ Жоржъ, вставая съ мѣста.

— А я? — съ нѣкоторой обидой въ голосѣ спросилъ Викторъ, бросивъ любопытный взглядъ на аппараты Рато.

— И вы. Только прошу не уходить далеко. Ольга, ты куда?

— Я тоже ухожу. Вѣдь меня здѣсь принято не посвящать ни въ какія дѣла. — Голосъ Горевой дрогнулъ.

— Ахъ, Господи! — Павелъ Андреевичъ вздо-

хнулъ.—Ольга, сядь, прошу. Повѣрь, я самъ меньше тебя разбираюсь во всемъ томъ, что дѣлается въ этомъ ужасномъ замкѣ. Ну, мсье Рато, кончайте ваши дѣла.

— Слушаю, мсье.

Сыщикъ осторожно заперъ на ключъ дверь, въ которую вышли молодые люди, взялъ изъ рукъ Сурикова свертокъ, который оказался небольшимъ полотнянымъ экраномъ, прибитымъ къ двумъ параллельнымъ деревяннымъ планкамъ, прикрѣпилъ этотъ экранъ къ свободной стѣнѣ, затѣмъ поставилъ на столъ ящичекъ, аппаратъ съ о-парлеромъ, протянулъ шнуръ провода къ штепселю электрическаго освѣщенія и при помощи особыхъ винтовъ придалъ аппарату на столѣ требуемое положеніе.

— Это что такое, Павелъ? — презрительно взглянувъ на экранъ, на которомъ появился ярко освѣщенный кругъ, спросила Ольга Петровна.

— Я бы самъ хотѣлъ знать, что это такое.

Вольскій съ недовольнымъ видомъ опустился въ кресло.

— Вотъ, уже кажется на фокусѣ, — удовлетворенно произнесъ Рато, щелкая выключателемъ аппарата и гася свѣтъ внутри фонаря. — Теперь можно приступить къ дѣлу.

Онъ сѣлъ на стулъ возлѣ аппарата и началъ, обернувшись въ сторону Павла Андреевича:

— Въ поискахъ лица, совершившаго покушеніе на жизнь вашего сына, мсье, мнѣ удалось установить слѣдующее: три дня тому назадъ кто-то изъ живущихъ въ замкѣ, прогуливаясь по верхней дорогѣ, замѣтилъ, какъ Викторъ Шоринъ пробрался въ находящіяся недалеко отъ входа въ подземелье заросли и что-то спряталъ возлѣ одного изъ кустовъ. Выждавъ, пока Шоринъ уйдетъ, это лицо спустилось туда, осмотрѣло кустъ и нашло жестяную коробку съ

продовольствіемъ, которое Викторъ ежедневно приносилъ своему другу.

Черезъ два дня послѣ этого тотъ же самый неизвѣстный, оставивъ отъ завтрака кусокъ сладкаго пирога, вложилъ въ него значительную долю яда для уничтоженія крысъ, отнесъ въ заросли и положилъ въ жестянку.

— Какой ужасъ! — раздался у стола голосъ Ольги Петровны.

— Въ тотъ день Викторъ, какъ мнѣ удалось установить изъ допроса молодыхъ людей, въ жестянку ничего не клалъ, кромѣ письма. Однако, вашъ сынъ нашелъ тамъ кусокъ пирога, который, конечно, и съѣлъ. Теперь, спрашивается: кто же этотъ неизвѣстный, положившій пирогъ? Тщательно осмотрѣвъ ближайшіе кусты ежевики и слѣды вокругъ нихъ, я, къ счастью кое что обнаружилъ. Вотъ, между прочимъ, вопросъ, который мнѣ необходимо предложить госпожѣ Горевой: не пропалъ ли у васъ, мадамъ, изъ комнаты одинъ изъ тѣхъ башмаковъ, въ которыхъ вы обычно ходите на прогулку?

— Что? Башмакъ? — Ольга Петровна оживилась. — О, да. Я ищу его со вчерашняго дня.

— Онъ случайно оказался у меня, — сказалъ Рато, раскрывая чемоданчикъ и доставая оттуда туфлю американскаго образца съ широкимъ низкимъ каблукомъ. — Разрѣшите передать вамъ. А теперь, — обратился сыщикъ къ Вольскому, — извольте взглянуть вотъ на эту вѣточку съ куста ежевики, сорванную мною недалеко отъ мѣстонахожденія жестянки. Вы видите красную шерстяную нитку, прицѣпившуюся къ шипамъ?

Павелъ Андреевичъ хмуро взялъ вѣтку, взглянулъ на нее, отдалъ Рато.

— Вижу.

— Въ такомъ случаѣ, мадамъ Горева, будьте

любезны показать намъ мотокъ нитокъ, изъ которыхъ вы вяжете светтеръ. Не безпокойтесь, я подойду самъ. Вы не находите, что эта нитка на вѣткѣ и ваши нитки вполнѣ совпадаютъ какъ по цвѣту, такъ и по качеству?

Рато подошелъ къ стулу, на которомъ лежалъ незаконченный светтеръ, взялъ его и направился къ Вольскому.

— Послушайте! — гнѣвно произнесла Ольга Петровна, протягивая руку къ светтеру. — Какъ вы смѣете? Вы что же? Думаете меня подозрѣвать? Павелъ!...

— Ольга, успокойся. — Старикъ растерянно посмотрѣлъ на сыщика. — Мсье Рато, къ чему все это?

— Я прошу васъ убѣдиться, что нитки одного и того же образца. Взгляните.

— Ну, да. Но что отсюда слѣдуетъ?

— Это оскорбленіе! — Кузина Вольскаго встала. Руки ея дрожали, лицо исказилось нервными судорогами возлѣ губъ. — Я тебя прошу меня защитить. Какой-то типъ... смѣетъ дѣлать гнусныя предположенія...

— Мадамъ, — холодно произнесъ Рато. — Я дѣйствую, какъ лицо, спеціально приглашенное для выясненія дѣла. Итакъ... Слѣдъ отъ башмака возлѣ куста ежевики и шерстяная нить убѣждаютъ меня въ томъ, что вы бывали въ заросляхъ, гдѣ находилась жестянка. Будьте добры отвѣтить: вы не видѣли, кто положилъ въ коробку кусокъ пирога?

— Кто? — Горева презрительно усмѣхнулась. — Хорошо, если настаиваете. Это была я. Я положила. Только, надѣюсь, всѣ повѣрятъ мнѣ, что пирогъ не былъ отравленъ!

— Такъ, — недовѣрчиво произнесъ Рато. — Хорошо. А почему все-таки вы положили пирогъ?

— Очень просто. Для шутки. Молодые люди ду-

мали, что никто ни о чемъ не догадывается. А я случайно увидѣла, какъ Шоринъ спустился туда... И рѣшила удивить ихъ...

— Ну, вотъ. Очень вамъ благодаренъ. Вы видите, какъ все оказалось просто. А теперь еще одинъ вопросъ, послѣ котораго я освобожу васъ отъ непріятной бесѣды со мной. Будьте добры, скажите, мадамъ: о чемъ вы разговаривали съ вашимъ сыномъ вчера утромъ на площадкѣ, когда Николай Ивановичъ отправился искать ключъ?

Оскорбленная Ольга Петровна молча сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ двери. Сыщикъ загородилъ ей дорогу.

— Нѣтъ, вы мнѣ сначала отвѣтите, — повелительно произнесъ онъ.

— Что жъ это такое? Старую женщину... Истязать такъ...

Она безпомощно опустилась на стулъ, заплакала. Павелъ Андреевичъ закрылъ глаза. На лицѣ его выражалось искреннее страданіе.

— Вы оба сидѣли на скамейкѣ и бесѣдовали, — продолжалъ Рато. — Такъ вотъ скажите: о чемъ шла бесѣда?

— О чемъ... — Ольга Петровна подняла платокъ къ глазамъ. — Я не такъ молода, чтобы хвастать памятью. Я о многомъ могла говорить со своимъ сыномъ...

— Но все-таки. Вспомните начало разговора хотя бы.

— Я спрашивала... Какъ онъ ѣхалъ ночью... Удобно ли было спать...

— А еще?

— Еще... Спросила... какъ дѣла въ Парижѣ... Какъ служба. Сказала... что мнѣ жаль Сергѣя...

— Благодарю васъ. Это все?

— Все...

— Хорошо. А теперь... Николай Ивановичъ, будьте добры, вызовите сюда молодого Горева.

Пока Суриковъ искалъ Жоржа, въ столовой царило тягостное молчаніе. Рато стоялъ возлѣ дверей, Вольскій съ мрачнымъ видомъ застылъ въ креслѣ, кузина его сидѣла на стулѣ, время отъ времени нервно вздрагивая.

— Мсье Горевъ, — проговорилъ сыщикъ, когда Жоржъ явился въ столовую вмѣстѣ съ Суриковымъ. — Будьте добры присядьте и отвѣтьте мнѣ на коекакіе вопросы. Я говорю съ вами въ качествѣ официіальнаго сыщика. Скажите: когда вы пріѣхали въ замокъ и въ ожиданіи ключа отъ комнаты сидѣли съ вашей матушкой на скамейкѣ, о чемъ вы оба бесѣдовали?

— Съ мамой? — Жоржъ удивился. — Право, не помню.

Онъ бросилъ на мать тревожный взглядъ. Та сидѣла не двигаясь.

— А вы вспомните, будьте добры. О чемъ шла бесѣда?

— Я не старался запомнить. Спросилъ, кажется, о дядѣ. Гдѣ онъ... Мама сказала, что въ Женевѣ.

— А еще?

— Говорили о томъ, что было бы пріятно мнѣ провести здѣсь отпускъ, если бы не ужасная исторія съ Сергѣемъ. Затѣмъ о погодѣ... Много ли дождливыхъ дней...

— И это все?

— Какъ будто все. А въ чемъ дѣло? По какому случаю вамъ интересно знать содержаніе частныхъ бесѣдъ?

— По какому случаю? — Рато улыбнулся. — А вотъ по какому. Никакихъ разговоровъ объ отпускѣ и о погодѣ не было, смѣю васъ увѣрить. А что было, — это вы сейчасъ увидите и услышите. Нико-

лай Ивановичъ, будьте добры вставить вилку провода въ штепсель, онъ сзади васъ. Благодарю. Верхнюю лампу я потушу, чтобы было ярче. Ну, вотъ. Прошу вниманія.

Въ аппаратѣ раздалось шуршаніе. Завертѣлся валикъ съ лентой кинематографа. И на экранѣ появилось двѣ огромныхъ головы рядомъ: Ольги Петровны и Жоржа.

— Ну, что? — раздался изъ аппарата женскій голосъ. — Не ожидалъ, что все будетъ такъ хорошо?

— Да, конечно. Хотя и жаль его, но я все-таки радъ.

— Теперь старикъ не выдержитъ, умретъ. И все его состояніе цѣликомъ перейдетъ къ тебѣ. Ты подумай: какое счастье!

— Да... Недурно.

— Теперь можешь бросить службу... Жить въ свое удовольствіе. Вздохнемъ оба. Наконецъ-то! Ты знаешь, сколько у него? Около двухъ милліоновъ фунтовъ.

Голоса въ аппаратѣ продолжали звучать. Головы на экранѣ двигались, улыбались. Но Вольскій и Суриковъ не могли уже разобрать, о чемъ шелъ разговоръ. Ольга Петровна вскочила со стула, топнула ногой, стала что-то выкрикивать истерическимъ голосомъ.

— Гнусность! Подлость! — воскликнулъ Жоржъ, подбѣгая къ матери. — Мама! Мы сейчасъ же уѣдемъ! Ни одной минуты здѣсь больше!

— Ну что, мсье? — спросилъ сыщикъ Вольскаго, когда Жоржъ, взявъ мать подъ руку, увелъ ее изъ столовой. — Желаете, чтобы я продолжилъ сеансъ?

Павелъ Андреевичъ съ отчаяніемъ посмотрѣлъ на дверь, на Рато, и умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Нѣтъ... Ради Бога... Я уже убѣдился.

— Какъ угодно. — Сыщикъ выключилъ токъ и снялъ экранъ со стѣны. — Хотя жаль, что не хотите, — добавилъ онъ, убирая со стола аппараты. — Послѣ этого они говорили о томъ, какъ устроятъ свою жизнь... Между прочимъ, голоса эти конечно, принадлежали не имъ. На такомъ разстояніи я, къ сожалѣнію, не могъ записать звуковъ, и самъ наговорилъ слова на пластинку. Но за достовѣрность словъ безусловно ручаюсь. Запись вполнѣ совпадаетъ съ движеніями губъ. Можно сказать — идеально синхронистична.

— Да... Синхронистична... — Вольскій устало провелъ рукой по лбу. — Николай Ивановичъ, посмотрите, гдѣ Сергѣй. Я боюсь, чтобы Жоржъ чего-нибудь съ нимъ не сдѣлалъ. Да... Синхронистична. Но все равно. Я умру ночью. Завтра вы меня похороните.

39.

Къ полуночи Ольги Петровны и ея сына уже не было въ замкѣ. Уложивъ вещи, они вызвали по телефону автомобиль и уѣхали въ ближайшую гостиницу, чтобы съ утреннимъ поѣздомъ отправиться въ Парижъ. На слѣдующій день Томъ тоже покинулъ замокъ, получивъ отъ Сурикова жалованье за мѣсяцъ впередъ.

Противъ своего ожиданія, Вольскій ночью не только не умеръ, но хорошо выспался и явился къ утреннему завтраку въ недурномъ расположеніи духа.

— Какъ вы думаете, Николай Ивановичъ, — спросилъ онъ секретаря, — не плохое ли это предзнаменованіе, что я сегодня себя слишкомъ хорошо чувствую?

— Не думаю, Павелъ Андреевичъ, — весело поблескивая очками, отвѣчалъ Суриковъ. — Хорошее самочувствіе иногда просто указываетъ на удовлетворительное состояніе здоровья. Да, кстати, долженъ сообщить вамъ, что Рато собирается сегодня же ѣхать. Можетъ быть, вы захотѣли бы произвести съ нимъ расчетъ лично?

— Нѣтъ, нѣтъ, сдѣлайте все сами. И вотъ что: сверхъ того, что онъ попроситъ, я подпишу ему чекъ еще на сто тысячъ. Въ видѣ подарка. Не легко дается бѣднягѣ работа при глухотѣ и хромотѣ.

Вольскій, вдругъ, прервалъ свои слова и внимательно оглядѣлся по сторонамъ.

— Надѣюсь, онъ не слышитъ сейчасъ насъ, какъ вы думаете? — тревожно добавилъ онъ.

— Все возможно. Хотя теперь мнѣ кажется, онъ смѣло можетъ подслушивать. Кромѣ хорошаго ничего не услышитъ.

— Да. Славный малый. Правда, я не совсѣмъ разбираюсь въ его методахъ. Они мнѣ немного напоминаютъ пріемы фокусниковъ... — Павелъ Андреевичъ снова оглядѣлся и понизилъ голосъ. — Однако, результаты замѣчательные. Кто бы могъ подумать про Ольгу Петровну, что она — отравительница? А кстати: гдѣ Сергѣй и Викторъ?

— Уже позавтракали и пошли въ подземелье.

— Какъ? Опять въ подземелье? Сегодня же, Николай Ивановичъ, вызовите изъ города рабочихъ и замуруйте это гнусное мѣсто. Поняли?

— Слушаю.

Передъ отъѣздомъ Рато спустился на террасу прощаться. Неожиданная щедрость владѣльца замка его сильно растрогала, но онъ все же стѣснялся брать добавочный чекъ. Пока Вольскій благодарилъ его за услугу и уговаривалъ не возражать противъ подарка, молодые люди вернулись изъ подземелья. Сергѣй

ждалъ телефоннаго звонка отъ Наташи, съ которой хотѣлъ условиться относительно совмѣстной поѣздки на автомобилѣ; что же касается Виктора, то, узнавъ объ отъѣздѣ Рато, онъ искренно огорчился и отправился переодѣваться, чтобы проводить сыщика на станцію.

Покончивъ со своимъ туалетомъ, Шоринъ вышелъ въ коридоръ и направился къ комнатѣ Рато, думая, что тотъ уже вернулся къ себѣ и укладываетъ вещи. Подойдя къ двери, онъ осторожно постучалъ. Отвѣта не послѣдовало. Предполагая, что сыщикъ не разслышалъ стука, Викторъ слегка пріоткрылъ дверь и крикнулъ:

— Мсье Рато! Къ вамъ можно?

Внутри никого не было. Посреди комнаты лежало два большихъ чемодана, на стульяхъ висѣли неуложенные еще костюмы, а у окна стоялъ на треножникѣ страннаго вида гигантскій бинокль съ фотографической камерой на одномъ изъ объективовъ.

— Подзорная труба? — удивленно произнесъ Шоринъ, прикрывая дверь. — Онъ возитъ съ собой подзорную трубу?

До прихода поѣзда оставалось пять минутъ. Рато и Шоринъ сидѣли на перронѣ станціи и дружески бесѣдовали.

— Ну, что же? — весело спросилъ сыщикъ. — Значитъ, у васъ въ замкѣ скоро будетъ свадьба?

— Нѣтъ, не теперь, а только въ будущемъ году, когда Сергѣй окончитъ университетъ, — пренебрежительно улыбаясь, отвѣчалъ Викторъ. — Конечно, я принципіальный врагъ женщинъ. По-моему, все что мужчина дѣлаетъ глупаго, все это подъ вліяніемъ женщины. Однако, отговаривать Сергѣя я не намѣренъ. Пусть женится и самъ узнаетъ на практикѣ,

что лучше: жена или старый испытанный другъ. А скажите, все-таки, мсье Рато, кто могъ подложить ему яда?

— Не знаю, дорогой мой, не знаю. Спросите Вольскаго, онъ, навѣрное, догадывается.

— Понимаю. Просто не хотите сказать. Старикъ и Суриковъ тоже ничего не говорятъ намъ, скрываютъ. Неужели это Ольга Петровна? Мы съ Сергѣемъ вчера слышали крики ея и Жоржа. Кромѣ того, не спроста они такъ внезапно уѣхали. А, вотъ, кстати... Вы меня извините, я не хотѣлъ входить въ вашу комнату, но сегодня нечаянно заглянулъ. Къ чему вы возите съ собой подзорную трубу?

— Какъ? Вы увидѣли мой инструментъ? — сыщикъ недовольно посмотрѣлъ на Виктора. — Ну, знаете... Это нехорошо съ вашей стороны.

— Даю вамъ слово — вышло случайно. Скажите: а какъ же при помощи подзорной трубы вы подслушали мой разговоръ съ Николаемъ Ивановичемъ? Навѣрно, у васъ, кромѣ того, ставится еще микрофонъ?

— Вы очень любопытны, мой другъ, — хлопнувъ по плечу собесѣдника, проговорилъ Рато. — Однако, сказать правду, вы мнѣ нравитесь. Обѣщайте только хранить въ тайнѣ то, что я скажу.

— Клянусь!

— Дѣло очень просто, мой милый. Мальчикомъ двѣнадцати лѣтъ, еще въ Россіи, послѣ скарлатины я оглохъ на оба уха и до двадцати семи лѣтъ совершенно ничего не слышалъ. Однако, знаменитый лондонскій профессоръ Дрю въ концѣ концовъ меня на половину вылѣчилъ: я сталъ недурно слышать на одно ухо. А до этого своего излѣченія я научился узнавать многія слова по движеніямъ губъ. Эге! поѣздъ уже показался. Давайте саквояжъ.

— Ну, и что же? — Викторъ поднялся съ мѣста.

— Ну, и вотъ. Хотя я сталъ слышать, однако, рѣшилъ какъ слѣдуетъ усовершенствоваться въ чтеніи чужихъ словъ по губамъ на русскомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ. Занимался я этимъ въ теченіе многихъ лѣтъ, и въ результатѣ сталъ безошибочно узнавать почти всѣ слова. А когда мнѣ пришла мысль соединить эти показанія съ подзорной трубой и съ фильмами, получилась интересная комбинація. Я смотрю вдаль на говорящихъ и угадываю слова. А въ наиболѣе важныхъ случаяхъ одновременно снимаю фильмъ и провѣряю по нему, вѣрно ли понялъ.

— Какъ геніально! — Викторъ пришелъ въ восторгъ. — Замѣчательно! Но будьте покойны: я никому не скажу. Въ какой вагонъ? Сюда?

— Да. Ну, всего хорошаго. Между прочимъ, съ осени я бросаю свое ремесло, переѣзжаю въ Лондонъ и открываю тамъ школу для сыщиковъ. Если хотите, запишитесь ко мнѣ въ ученики. Прощайте, голубчикъ.

— Счастливой дороги, мсье Рато!

40.

Викторъ въ грустномъ настроеніи возвращался со станціи въ замокъ. Вотъ и кончилось все! Какъ было интересно, какъ занимательно — будто въ превосходномъ американскомъ фильмѣ въ пять тысячъ метровъ! А теперь — теперь опять прежняя будничная жизнь, безъ всякихъ встрясокъ, безъ романтизма. Конечно, можно было бы еще что-нибудь придумать для развлеченія, чтобы незамѣтно скоротать остатокъ лѣта въ Савойѣ. Но что именно? Да и какъ въ настоящее время раскачать Сергѣя на какое-нибудь новое приличное предпріятіе, если тотъ по уши

влюбился въ эту жалкую Наташу и не захочетъ отойти отъ нея ни на шагъ?

Шоринъ вздохнулъ, равнодушно взглянулъ на протянувшуюся впереди горную цѣпь. Солнце немилосердно палило, надъ долиной поднимались раскаленные токи, охватывая знойной дрожью поля и сады. Кое-гдѣ изъ-за горъ всходили золотыми гирляндами облака, стремясь перевалить черезъ неприступныя скалы. А надъ ближайшимъ къ замку ущельемъ зловѣще вились сѣрыя тучи, обволокли вершины, дымной завѣсой окутали зеленые склоны.

— Какая глупая вещь — любовь! — думалъ Викторъ. — Занятіе, совершенно неподходящее для истиннаго джентльмена. Уничтожается все: дружба, чувство собственнаго достоинства, предпріимчивость, смѣлость, ясность сужденій. Какія тупыя лица обычно у этихъ влюбленныхъ! Въ глазахъ идіотская мечтательность. Щеки горятъ. Въ каждой улыбкѣ, въ каждой складкѣ на лбу, возлѣ губъ, позорное выраженіе блаженства. То ли дѣло человѣкъ, презирающій женщинъ, свободный отъ всего, равнодушный ко всѣмъ... Вотъ, это, дѣйствительно, царь природы. Высшее существо. Могучее. Сильное.

— Сережа?

Шоринъ съ удивленіемъ остановился, увидѣвъ быстро мчавшійся навстрѣчу автомобиль, а въ автомобилѣ — своего друга. Куда онъ? Неужели потерялъ стыдъ и несется уже на свиданье?

Автомобиль остановился. Взволнованный Сергѣй поднялся съ сидѣнья.

— Витя! Поѣздъ ушелъ?

Сергѣй съ тревогой посмотрѣлъ въ сторону станціи.

— Да. А что?

— Вотъ досада! Телефонъ не дѣйствуетъ... Папа просилъ задержать Рато... Чтобы тотъ поѣхалъ къ

тетѣ и извинился. Оказывается... Оказывается... все раскрылось! Понимаешь? Бетси случайно выяснила...

Сергѣй слѣзъ съ автомобиля, сказалъ Джеку, чтобы тотъ возвращался съ машиной назадъ и сообщилъ Вольскому, что Рато уже уѣхалъ. А самъ опустился на траву возлѣ дороги и сталъ объяснять, что случилось за время отсутствія Виктора изъ замка.

— Понимаешь... Рато только напуталъ. Поссорилъ папу съ тетей Олей... Папа въ такомъ негодованіи... Говоритъ, что не желаетъ больше отдыхать, черезъ недѣлю собирается въ Лондонъ. Ты подумай: сто тысячъ напрасно подарилъ сыщику! За ссору съ тетей!

— Да въ чемъ же дѣло, несчастный? — не выдержавъ, сердито воскликнулъ Викторъ. — Что ты бормочешь? Говори яснѣе, чортъ побери!

— Хорошо. Ну, вотъ. Дѣло въ томъ, видишь ли, что никто мнѣ не давалъ отравы. Это я самъ... Понялъ? По неосторожности. Кстати — зачѣмъ ты покупалъ у Наташи соду? Изъ-за твоей мерзкой соды все и случилось. Когда ты уѣхалъ на станцію, отецъ попросилъ меня показать подземелье... Бетси пошла съ нами, чтобы взять оттуда мои вещи... И на полкѣ рядомъ съ консервами и съ крысинымъ ядомъ нашла твой мѣшочекъ съ содой. Мѣшечекъ оказался нетронутымъ, перевязаннымъ лентой, а, между тѣмъ, я... Я его не перевязывалъ. Хотя позавчера ночью, когда писалъ романъ, почувствовалъ отъ консервовъ изжогу и принялъ въ стаканѣ воды двѣ ложки соды и запилъ виномъ, чтобы противно не было... Теперь ясно: принялъ я совсѣмъ не соду, а ядъ. Спуталъ. Пакеты другъ на друга похожи.

— Очень хорошо, очень... — съ досадой въ голосѣ проговорилъ Викторъ. — Очевидно, тебѣ нужно было посадить туда няньку, чтобы она за тобой присматривала. Смѣшать пакеты! Вѣдь, на каждомъ

написано, что тамъ внутри! Эхъ голова, голова! А я-то думалъ...

Шоринъ разочарованно посмотрѣлъ въ сторону станціи, вспомнилъ про Рато, про его подзорную трубу, про удивительный методъ... И пренебрежительно добавилъ, не глядя на Сергѣя:

— Нѣтъ, братъ. Видно, съ тобой нельзя предпринимать ни одного серьезнаго дѣла. Мой планъ съ зелеными дьяволами ты провалилъ. Сыщика съ трубою подвелъ. Ну, на что ты послѣ этого годенъ? Видно — одна тебѣ только дорога — жениться! Идемъ!

Солнце скрылось подъ серебрянымъ краемъ тяжелаго облака. Потемнѣла изнуренная зноемъ долина. Все вокругъ насторожилось, предчувствуя приближеніе грозы. И въ дымномъ ущельѣ, гдѣ, накопляя силы, клубились хмурыя тучи, тихо пробормоталъ свое первое предостереженіе громъ.

Imp. de Navarre, 5, rue des Gobelins, Paris XIIIe.